

Эксперимент

Дарина Грот

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дарина Грот

Эксперимент

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22966393

SelfPub; 2019

Аннотация

XXI век. Обычный многолюдный город. Обычная ступающая на землю зима. Жизнь течет своим чередом, омывая подводные камни. Она – циничный скептик, уже успевший разочароваться в жизни. Он – сумасшедший оптимист, жаждет получить то, что не в силах создать природа. У каждого свои цели, согласно которым, они вступают в игру, видя себя победителем. Все бы ничего, но на их пути встает неожиданный гость. Под его гнетом меняется все. Одна жизнь. Разные взгляды. Злость и ненависть. Постоянная борьба. Бесконечная игра всепоглощающего эгоизма и море секретов, которые очень хочется открыть. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

342

Аннотация:

XXI век. Обычный многолюдный город. Обычная ступающая на землю зима. Жизнь течет своим чередом, омывая привычные подводные камни.

Она – циничный скептик, уже успевший разочароваться в жизни. Он – сумасшедший оптимист, жаждет получить то, что не в силах создать даже природа.

У каждого свои цели, согласно которым, они вступают в игру, видя себя победителем. Все бы ничего, но на их пути встает неожиданный гость... Под его гнетом меняется все.

Одна жизнь. Разные взгляды. Противоположенные мнения. Злость и ненависть. Постоянная борьба. Ласкающий романтизм и редкая идиллия. Бесконечная игра всепоглощающего эгоизма...и море секретов, открыть которые хотят обе стороны, пытающиеся любить друг друга...

«...У меня даже в голове не было мысли о том, что я способен кого-то еще полюбить. Но век спустя я задумался о женщине. Я хотел особенную женщину, потому что сам был особенным. Я приступил к поискам...»

Эксперимент

ЗИМА

1

Солнечный силуэт, пытающийся пробиться сквозь сизый

туман, мечтал пробудить землю от сна. Осень почти забыта. На дворе было двадцать восьмое ноября.

Она посмотрела в окно: утро в преддверие зимы. А так – обычный выходной. Серый, ничем не отличающийся от протяжных будней. Слишком привычный. Слишком обыденный.

Так ненавязчиво протекали дни, серые, светло-серые, темно-серые. Одиночество вплетается в повседневную серость. Все одно и то же, изо дня в день. Быть одиноким, какого это? Как это, когда есть семья, друзья и животные, но одиночество все равно не отступает и невозможно с этим ничего сделать.

Она сидела на кухне, сквозь огромное окно разглядывала туманную погоду. Ни о каком завтраке и речи не могло быть – кусок в горло не лез. Ей просто хотелось выйти на улицу, вдохнуть свежего воздуха. Понять, что сердце еще трепещет, что легкие еще нуждаются в свежем вздохе, что кровь еще жаждет кислорода. Понять, что есть еще жажда жизни.

Её звали Лилит. Двадцать три года уже жила ее неземная красота и вселенский эгоцентризм. У нее были длинные каштановые волосы, кончики которых доходили почти до колен. Большие зелёные глаза смотрели на окружающий мир из-под густых ресниц. Черная родинка слева над губой. Маленький носик и очень красивые брови, тёмные, с элегантной формой. Фарфоровая кожа словно сияла. Природа вложила столько нежности и грациозности, создавая эту девуш-

ку. Она была лучшим творением вселенной. Но, несмотря на то, что к ней был благосклонен мир, одиночество ее не покидало, окутывая своими невидимыми покрывалами и пледами, забирая все ее тепло, желания и мечту.

2

В свои семнадцать лет, Лилит познакомилась с первой любовью и практически сразу поняла, насколько суровы чувства и как тяжело с ними бороться. Она влюбилась. Никого в жизни она так не желала, как его. Он пробыл с ней около месяца – и этот предельно короткий период в её жизни был самым счастливым. Каждый день этого месяца она радовалась каждому вздоху, сделанному рядом с этим человеком. Ей казалось, что вот оно, то чего она искала, то, ради чего стоит жить и умереть. Но, как и любой радости, этой сказке быстро пришёл конец. «Я никогда тебя не любил, только твое тело и лицо, любил выходить с тобой на публику, как на нас смотрят люди, как они смотрят на меня и завидуют» – эти слова засели глубоко в её голове, и казалось, поселились там навсегда. В такие моменты понимаешь, как это – чувствовать боль, когда на тебе нет ни единого пореза, и вроде ты даже не болен. В такие моменты понимаешь, как это – спать и видеть всё, что тебя окружает: голые стены, пустая постель и тьма, но у тебя нет бессонницы. В такие моменты понимаешь, как это – есть и пить, не чувствуя вкуса и голода. Хотя у тебя есть желание жить. В такие моменты понимаешь, какого это, когда ты живешь как призрак, называешь это жиз-

нюю и продолжаешь жить такой «жизнью». В такие моменты, ты смотришь налево, а видишь право, а иногда сквозь людей можно увидеть стены. Ты хочешь повернуть стрелки часов назад. В такие моменты, в зеркале не видно собственных глаз, они пусты, словно стеклянные. И кажется, что сердце в груди больше не сможет стучать, но ты снова чувствуешь слабый ритм.

Лилит возненавидела свое лицо, свою неопишемую красоту, идеально сложенную фигуру. Она плакала, спрашивала пустоту, почему именно она. Ей не хотелось быть красивой. Слишком тяжело и больно. Она хотела изуродовать себя, может быть тогда бы она понравилась как человек, как открытая душа? Может быть, тогда бы ее не воспринимали, как совершенную игрушку, которую непременно хочется купить и поставить на полку.

Через какое-то время Лилит отказалась от таких мыслей, поняв, что кроме себя у нее никого больше нет. Ей просто больше некого любить. Девушка пообещала себе, что она никогда в жизни больше не позволит себе влюбиться, чего бы ей ни стоило это.

Пережив безумное состояние влюбленности, самобичевания, самовлюбленности, Лилит стала более чёрствой. Она позволяла любить себя, приближаться к себе, давала шанс на высокие чувства и счастливое будущее, но как только грань переступалась молодым человеком, Лилит тут же отшвыривала его, выстраивая грандиозное сооружение между ним и

собой. Отрава, оставшаяся в душе напоминала, что может случиться.

Своеобразный уход от ответственности. Эгоистично? Да. Только эгоист никогда не любит, поскольку боится душевной боли, боится быть покинутым, боится потерять самого себя и никогда больше не найти. Боится одиночества и унижения, оскорбления души, собственного «Я», которое никогда не простит. А потом остается место лишь только для гнева и ненависти. Намного проще ненавидеть кого-то, нежели просто отпустить. Ну, а как же проклятое самолюбие, которое никогда не замолчит внутри и будет всегда тыкать и колоть?

3

В тёмной прихожей вспыхнул свет. Лилит одевалась: черные сапожки на шпильке, классическая юбка, чуть ниже колен, блуза, серое пальтишко, аккуратно убранные волосы и легкий макияж.

Она хотела прогуляться по парку, подсыпать зерна в пустующие кормушки. Может почитать книгу, сидя на лавочке, попрощаться с осенью и посмотреть, как мир готовится к приходу суровой зимы.

Девушка вышла на улицу. Небо хмурилось. Оно уже поглотило тот несчастный утренний силуэт солнца. Его лучи просто не могли пробиться сквозь тяжелые тучи.

Медленно, шурша сухой листвой, она шла по голому пар-

ку. Вокруг еще никого не было или уже никого. Лишь впереди виднелась черная фигура высокого мужчины.

Лилит окинула взглядом верхушки лысых деревьев, которые пронзали серое небо и незаметно начала погружаться в какие-то, пока что, неясные мысли.

– Извините, пожалуйста – тяжелый мужской голос обрушился на неё сквозь раздумья. – Не подскажите, как мне пройти в детский дом?

Лилит перевела глаза и... Перед ней стоял бог – была её первая мысль при взгляде на молодого человека. Мужчина...высокий мужчина, на вид лет тридцати, темно-каштановые волосы и глаза цвета оникса. Больше всего девушку заворожили его глаза. Она никогда не видела такого тяжело-го и в тоже время невозможно красивого и многозначного взгляда.

Лилит, которая перестала смотреть на внешность мужчин, потому что столько времени она вбивала себе в голову, что хватит любви и красоты; Лилит, которая перестала заглядывать в глубину глаз кому-либо, никому кроме себя; Лилит стояла и тонула в глазах молодого человека. Его взгляд был до безумия притягателен, бездонный, властный...а черные, густые ресницы смягчали этот слишком тяжелый и слишком красивый взгляд. Но, приглядевшись к его глазам, Лилит поняла – там лишь тьма. В его глазах была лишь тьма и ничего больше. Она не могла понять, хотя бы приблизительно, о чем он думал, какого чёрта ему понадобилось идти в детский

дом?

– Я...я, извините, но я не знаю – заикаясь, выдавила она из себя.

Действительно, поблизости не было никаких детских домов. Ей очень хотелось поддержать разговор, но в округе не было даже роддомов. Вот не задача-то!

Наверное, впервые в жизни Лилит так сильно не хотела просто уходить. Ей хотелось смотреть и смотреть на мужчину, на его красоту, в его глаза. Но девушка была настолько сильно одурманена внезапным появлением молодого человека, что просто не могла даже подумать о чем-то, что смогло бы помочь ей поддержать беседу.

Словно омуты его темных глаз, наконец, разрешили выплыть ей на поверхность, и Лилит, сделала шаг вперед, чтобы обойти незнакомца.

– Спасибо – поблагодарил молодой человек не понятно за что и пропустил её вперед.

Лилит шла и не ощущала на себе провожающего взгляда мужчины. *«Этого не может быть»* – подумала она, и, не справившись со своими эмоциями, обернулась.

Бах!

Её как будто ударили ножом в сердце. Незнакомец уходил от неё в противоположную сторону, всё дальше и дальше, и как она уже догадалась, даже не смотрел на неё.

Лилит улыбнулась, продолжая свой путь. Она была и шокирована и расстроена одновременно. Никогда в жизни она

не видела столь красивого мужчину. Ей казалось, что такие даже в сказках не могут существовать, что красота не реальна. Расстраивало ее то, что такой мужчина просто прошел мимо, даже не посмотрев на нее.

4

– ... Одна из форм конституционной защиты законных прав участников уголовного судопроизводства – предоставление права на обжалование процессуальных действий и решений, затрагивающих законные интересы лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, или иных лиц, в той части, в которой проводимые процессуальные действия и принимаемые решения затрагивают их интересы...

Лилит смотрела в окно и кусала ручку, пытаясь хотя бы краем уха слушать лекцию по уголовному процессу. Она была озадачена и, что конкретно застряло в голове и сердце, девушка не понимала.

Предчувствие чего-то необычного и странного не покидало ее уже несколько дней. Внутри живет желание, идея «а давай сделаем что-нибудь» и проблема лишь в том, как это реализовать. Желание что-то сделать и абсолютное непонимание, что именно.

Вместе с толпой студентов, Лилит отправилась в близлежащую кофешку выпить кофе во время большого перерыва. Прозвучавший звонок оторвал девушку от размышлений.

– Как дела, Лилит? – около нее появился ее друг, – Ян.

– Жива пока. Что-то утомила меня процессуальная лек-

ция и ты еще тихо сидел, интересно было? – Лилит подошла к столику и принялась размешивать сахар.

– Не очень. Но экзамены не за горами. Может, пройдемся после пар? Я пожалуйсь тебе на свою девушку? – Ян положил руку Лилит на плечо.

– Конечно. – Без раздумий согласилась Лилит. – Если я доживу до конца дня.

Они оба рассмеялись и, допив кофе, отправились дальше на пары.

Как только прозвенел звонок с последней пары, Ян подхватил сумку Лилит и отправился на улицу ждать подругу.

Они шли по улице, Ян бесконечно долго спрашивал о том, что могло бы означать поведение его девушки, если она не разговаривает с ним, а он вроде и ничего ей не сделал. Лилит вспоминала лицо мужчины. Ее не интересовали рассказы Яна, она изредка что-то мычала ему в ответ, с чем-то соглашалась, но черные глаза не покидали разум девушки...

Молодой человек шел по следам гуляющих друзей в метрах пятнадцати от них. Он не сводил глаз с девушки.

– Wo bist du? – голос, бормочущий на немецком, нервно спросил его по телефону.

– Hierher.

– Mit ihr?

– Nein. Noch. Aber ich hab' sie gesehen. Es wirkt. Ist dir klar, Sebastian? Es wirkt

– Ich habe doch gesagt! Vergiß nicht mir sagen wie es geht.

Rufedirzurück.

– Natürlich.¹

Молодой человек продолжил свой путь, тщательно скрывая свое присутствие.

5

Время шло к вечеру, Лилит все не могла выбросить пустынный мираж молодого человека. Она все еще не могла поверить, что действительно видела его. Ей казалось, что мужчина привиделся ей. Она хотела так думать.

Глядя в потолок, пытаясь перекрыть навязчивый образ, Лилит придумывала планы на вечер. Ей хотелось сходить куда-нибудь, где можно не думать, где можно просто расслабиться. Тем более в последнее время она ходила только в университет и в ближайший парк.

Клуб. Вот, что пришло ей на ум. В последний раз Лилит была в клубе лет пять назад. То была какая-то вечеринка в честь одного знакомого из университета, с которым они даже толком не общались. Туда ее вытащила близкая подруга Жаклин.

Время было около восьми вечера, когда Лилит окончательно приняла решение отдохнуть в клубе. Она быстро вскочила с кровати и ринулась к шкафчику, в котором у неё

¹ – Где ты?– Здесь.– С ней?– Нет. Пока. Но я уже видел ее. Все сработало. Себастьян, представляешь? Сработало!– Я ж говорил! Дружище, не забывай сообщать мне как все проходит. Позвоню сам позже.– Конечно.

лежала косметика. Выбрав свою самую любимую косметику, Лилит приготовилась наводить марафет.

Она уложила свои густые волосы в очаровательную причёску, открыв шею, нанесла едва заметный, легкий макияж. На ней была надета кофта с глубоким декольте, обтягивающие шортики, и сапожки, и всё тоже серое пальтишко.

Дорога до клуба занимала примерно полтора часа. Лилит зашла в метро и едва успела на поезд.

На улице вечером было теплее, чем днём, да и людей намного больше. Лилит шла в сторону клуба. Навстречу ей шли веселые компании, люди смеялись, выпивали, отмечали субботу. Кое-какие лица из мимо проходящих Лилит даже узнавала. Многие университетские знакомые ходили в тот клуб.

Несколько раз кто-то даже останавливался и пытался навязать беседу, но Лилит старательно уходила от ответов и предложений. Ей не хотелось с ними веселиться.

– Привет, дорогая! Не ожидала, что ты придешь сегодня, могла бы позвонить! – пролепетал женский голосок почти над ухом Лилит.

Жаклин.

«Слава Богу, ты здесь, а то я бы, наверное, со скуки умерла». – Подумала Лилит.

– Привет, как ты? – обнажая белоснежные зубы, спросила её Лилит. – Ты сегодня одна? Где Филипп?

– Да, я решила отдохнуть от своего муженька – шепнула

Жаклин, боясь, что кто-то её услышит, – я смотрю ты тоже как всегда одна? Не надоело еще быть в гордом одиночестве? Может уже пора осмотреться?

– И что я там увижу? Честно говоря...нет, мне не надоело – Лилит выдержала паузу, – хотя, сегодня я буду не одна...Хех, шутка. Единение с собой – это мой путь в жизни, – всё так же улыбалась Лилит.

Девушки еще поболтали пять минут и затем отправились внутрь.

Там уже было много народу. Играла музыка, было темно и пахло кальяном. Узкий проход вёл к бару, а слева от бара, за дверью, располагался танцпол и собственной персоной диджей с кучей дисков.

Подруги присели за столик, предварительно заказав по бокалу мартини. Жаклин уверяла Лилит, что это последний раз, когда они покупают напитки за свой счёт. Нет, нельзя было сказать, что Жаклин была меркантильной. Что для Лилит, что для Жаклин было нормальным, когда их угощали в клубе. В жизни, брать деньги у молодого человека – это задетая гордость, выдуманная независимость. Но только не в клубе. Здесь как в нереальном мире. Люди приходят, люди уходят. Никто ни на кого не злится, всем всё пофиг. Как будто ты надеваешь маску и идешь веселиться без всяких угрызений совести. Своеобразная сказка, в которую никто не верит, но все пытаются прикинуться, что верят, утешая своё самолюбие, и как глупые марионетки полагаются на свою

фантазию и нереальность этого мира, в которую сами же и не верят. Замкнутый круг, да? Эта пучина поглощает людей с такой легкостью, что не каждый готов вынырнуть и сказать «стоп». Море музыки, алкоголя и потенциальных партнеров для секса. Просто. А простота всегда притягательна для людей, она их манит, так непринужденно и коварно, что в итоге не выдержишь и поддаешься соблазну.

6

– Все, я танцевать, не могу больше сидеть. Эй, ну что с тобой? Это же наша с тобой любимая песня. Разве ты не хочешь? – с зазывающей улыбкой Жаклин посмотрела на Лилит.

– Нет, сегодня что-то нет желания. А может, просто пока не адаптировалась в клубной среде. Ты иди, если хочешь, – Лилит посасывала мартини.

– Как знаешь – ответила Жаклин и пошла на танцпол.

Лилит посмотрела подруге вслед и принялась обследовать помещение взглядом и в этот момент чуть не подавилась мартини. В противоположном от неё углу сидел тот самый незнакомец, который несколько дней назад спрашивал её о дороге, ведущей в детский дом. У нее дыхание сперло. Она не могла поверить своим глазам.

Молодой человек сидел, так же, как и Лилит в одиночестве, вертя какой-то напиток. В полумраке он выглядел еще прекраснее, чем при дневном свете. Лилит уставилась на

него, командуя своей голове, немедленно прекратить тарашиться. Но ни глаза, ни разум не слушались ее.. Слава богу, молодой человек смотрел в стол и не мог видеть, как она разглядывает его.

В течение полчаса Лилит наблюдала за ним, за его движениями, коварным, прищуренным взглядом, его руками. Он же ни разу не посмотрел в её сторону, словно ее и вовсе не существовало.

За эти полчаса, к молодому человеку подошло четыре девушки, но они уходили от него буквально спустя минуту с изумленными лицами.

«Интересно, что он им такого сказал, что у них у всех такие странные выражения лиц?».

Девушка попыталась отвлечься от пристального изучения красавца и вспомнила о подруге.

«Жаклин, наверное, уже нашла с кем провести свое время в клубе, поэтому, скорее всего раньше чем через час ко мне она не вернется, придется наслаждаться мартини в одиночестве».

Лилит опустила глаза на бокал: к ее печали, он почти был пуст, а к ней так никто не подошел познакомиться, несмотря на все предсказания Жаклин.

– Разрешите Вас угостить? Вы же пьёте мартини? Я посчитал нужным купить Вам еще бокальчик, ведь Ваш почти пуст.

Лилит подняла глаза. Уже по голосу она знала, кто перед

ней стоит. Молодой человек поставил два бокала на стол.

– Вы разрешите мне присесть?

Сердце бешено заколотилось, дыхание от неожиданной радости начало подводить. Неловкие сбои во вдохах, нелепая аритмия, детский взгляд и девчачья робость в виде едва заметно вспыхнувших щек.

– Конечно, садитесь. – Едва слышно ответила она.

Но ее разум не спал. «Да и ещё такой весь вежливый! За вежливостью всегда прячутся страшные морально люди, а за такой красотой – ублюдки».

– Разрешите представиться – я – Левиафан – он обворожительно улыбнулся.

Лилит уже с ума сходила от того, как сильно её тянет к нему, как на физической, так и на духовной основе. Она очень хотела показать ему, что ни одна часть ее тела ни грамма не заинтересована ни в нем, ни в его красоте, ни в его взгляде..

– Какое странное имя – Левиафан – опустила она глаза.

– Да. Левиафан – это имя змея из глубин морских вод, он – властелин Моря и Запада. Можно сказать – принц Ада. Морской Змей из Ветхого Завета к Вашим услугам, мадемуазель. – Продолжил он с улыбкой на лице. – Простите, могу я узнать Ваше имя?

«Принц Ада? Интересно, это говорящее имя?» – Лилит улыбнулась про себя, но всем своим видом продолжала показывать наигранную гордыню и надменность. Что на нее на-

пало, она не понимала. В тот день она мечтала о том, чтобы молодой человек не ушел, чтобы посмотрел на нее и вот он. Он сидит рядом, улыбается, разговаривает, а Лилит в это время не знает как себя вести, называя его про себя сумасшедшим маньяком.

– Лилит – вскинув голову и слегка поведя бровью, ответила она.

– Лилит? Ха, – рассмеялся молодой человек – У нас тут прям собрание героев различных библий.

– Что Вы имеете в виду? – искренне удивилась Лилит.

– Вы знаете, что значит Ваше имя?

– Честно говоря, нет, я никогда не увлекалась ономастикой.

На самом деле девушке никогда не приходило на ум посмотреть, что значит её имя.

– Лилит – это первая жена Адама по еврейской мифологии. Вскоре, после того как она рассталась с ним, она превратилась в злобного демона, который убивал младенцев.

– Младенцев? Какая чушь! – не выдержала она.

«Вот это я дала промаху. Главное вовремя успеть посмеяться над другими... Уже почти оклеветала человека, а тут выясняется, что моё имя оставляет желать лучшего. Он-то просто Морской Змей, а я кто? Убийца младенцев. Замечательно!»

– Не считите это за оскорбление. Древние мифы, знаете ли. Я увлекаюсь различными мифологиями, и довольно мно-

го знаю интересных и знаменитых персонажей... с красивым, необычными именами.

– Всё нормально, что Вы! Я просто никогда не думала, что Лилит – убийца младенцев...

– Ну, это еще не все, на что способна Лилит... она мучает мужчин во сне – улыбнулся Левиафан.

Лилит искоса посмотрела ему в глаза и улыбнулась. Левиафан же изучал девушку, сидящую напротив, ее расширенные зрачки, саркастическую улыбку, волосы в грандиозной причёске, розовеющие щеки...

Молодой человек приехал из другого города учиться и работать. Ему было двадцать девять лет. Приехал он один, без семьи и близких ему людей. Так же как и Лилит, он учился наслаждаться свободой от обязательств. В клуб его привело совершенно случайно. Он возвращался с выставки живописи и услышал, о чём разговаривали два парня в метро. Они обсуждали некое веселье, которое должно было состояться в этом клубе и Левиафан решил посмотреть «Веселье».

Лилит сделал вид, что верит ему. Но все нутро подсказывало, что он что-то не договаривает. Она верила, что есть судьба, но никогда так с ней близко не встречалась. Она никогда и не верила в нее саму. Слишком маловероятно, что человек, которого она видела, около своего дома, внезапно оказался в том же клубе, в противоположенной части города, не зная при этом его. Слишком все было странно.

– Ого, меня срочно надо познакомить! – появилась Жа-

клин с каким-то ухажером.

Жаклин взъерошила свои короткие волосы и ожидающе уставилась на свою подругу, поглядывая на ее собеседника.

Лилит же оглядывала нового ухажера Жаклин. Порой подруга сильно уставала от бездумных походов замужней дамы. Жаклин абсолютно не знала нормы в плотских утехах.

Лилит осуждала ее поступки. Она не могла понять, как можно чистой духовно женщине тащить такую грязь в супружеское ложе. Но Жаклин взрослая девочка, сама разберется в своих путешествиях по мужским постелям. Лилит искренне удивлялась, как Жаклин могла просто так врать своему мужу, говорить, что любит и что он единственный прямо в глаза, после того как вылезла из чужой постели. То, что её муженёк, Филипп, до сих пор ничего не знает о её проделках – вообще была тайна, покрытая мраком.

Жаклин в очередной раз решительно перевела взгляд на Левиафана и улыбнулась во все тридцать два зуба. Это она лучше всего умела делать. Лилит на мгновение показалось, что она даже ревнует, но это было всего лишь мгновение.

– Ну? – нетерпеливо потребовала она хоть какой-нибудь жизни от сидящих за столом новоиспеченных знакомых.

– Это Левиафан. Жаклин. – Нехотя и немного стесняясь, представила Лилит свою подругу молодому человеку.

– Очень, приятно. – Левиафан встал и поцеловал Жаклин руку, чем чуть окончательно не свел с ума девушку.

– А это Марк! Мы только что познакомились в другом ба-

ре. Правда, он душка? – флирт и кокетство так и лились из её голоса и поведения.

– Он, я думаю, в твоём вкусе, Жаклин! – успокоила её Лилит.

Остаток ночи они провели вчетвером. Левиафан испепелял Лилит взглядом. Выражение его лица было непонятным. Такое сильное, манящее и пугающее одновременно. Лилит старательно избегала его взглядов. Безусловно, ей было приятно, что он так смотрит на нее. Но порой его взгляд просто пугал ее. Лилит не понимала, что кроется в этом взгляде, почему на его лице порой проявлялась едва заметная улыбка, такая бахвальная и самодовольная.

Иногда она отвечала на его взгляды, пытаясь добавить себе цинизма и независимости. Лилит безумно хотелось задеть его так, чтобы он не захотел, чтобы эта ночь когда-нибудь кончилась. Девушка пустила в ход все свое обаяние и чары, тщательно маскируя свои мысли.

Но как она не старалась, как не смотрела на него и не улыбалась, под утро Левиафана откланялся и исчез.

Лилит осталась одна, потрясенная появлением молодого человека и огорченная его подлым исчезновением.

7

Почти полдень показывали стрелки часов, когда Лилит открыла глаза. Она потянулась, сладко улыбаясь, вспоминая о Левиафане, о прекрасно проведенном вечере и ночи и о том, как он так же прекрасно исчез под утро.

«У нас была чудесная ночь, но видимо не на столько, что бы провести ещё и чудесный следующий день. Ну что ж... Я пыталась» – печально подумала Лилит и твердо вознамерилась забывать интересную встречу.

Порой она была слишком высокомерна, чтобы хотя бы на секундочку задуматься о том, что он не спросил ни ее номера телефона, ни адреса, где она живет. Лилит просто допустила мысль о том, что они никогда больше не увидятся и может, оно и к лучшему. Именно с этой мыслью девушка решила смириться.

Но Лилит никак не могла забыть его взгляд! Черные глаза сводили её с ума и к великому ужасу, она осознавала это. Втихомолку, от самой себя, Лилит продолжала наслаждаться образом молодого человека, которой хорошо запечатлелся в её памяти.

Память – это вообще-то дело хреновое. Сейчас Лилит вспоминает обаятельного мужчину, через силуэты которого, всплывает образ того, которого она любила. Он не дает ей забыть весь тот кошмар. Она еще не любила, но уже очень боялась повторения прошлой ошибки.

Весь воскресный день Лилит провела в раздумьях о Левиафане, о его появлении и исчезновении, о его имени, да и о своём тоже, о том, как он смотрел на неё. Его лицо не выражало вообще никаких эмоций, и в тоже время, от него самого исходила такая волна чувств и переживаний, что ее невозможно было не почувствовать. Выглядело так, будто он

делает то, что должен делать. Это конечно, у него получалось неплохо. Вот только Лилит все равно так и не смогла понять, что конкретно испытывал в тот момент молодой человек.

Почти в три часа дня Лилит, наконец, поднялась из постели. Ей хотелось еще поваляться, почитать, но она боялась уснуть. Дабы не провалится в сон, Лилит отправилась в ванную комнату, приводить себя в порядок.

Взглянув в зеркало, Лилит улыбнулась. Её длинные волосы представляли собой большой колтун, казалось, расчесать их будет невозможно. Тушь и подводка размазались под глазами. Маленькая черная родинка над верхней губой резко вздернулась от улыбки. Глядя на это забавное чудовище в зеркале, Лилит не могла не улыбнуться.

Девушка скинула пижаму и залезла под душ. Струйки теплой воды катились по телу и щекотали нервные рецепторы. По ногам пробежали мурашки, но капельки воды словно убивали их, когда попадали на них. Лилит сидела, закрыв глаза и подставив лицо брызгам. Чёрная тушь стекала по её щекам, как чёрные слезы чудовища, убивающего младенцев.

Лилит задумалась, вспомнив описание своего имени. Почему раньше у никогда не возникало желания посмотреть, что значит ее имя? Почему родители так называли ее? Знали ли они вообще, что означает Лилит? Но ни на один вопрос ответа не было. Её родители умерли семь лет назад – погибли в авиакатастрофе. Чёртовы пилоты, не смогли посадить самолёт. Если бы человек остался жив, он бы сожалел о неле-

пости ситуации? Пролететь как птица, прекрасно взлететь, посмотреть горы и моря, впитать красоту планеты, а потом БАХ! Какая чушь и нелепица, приземлиться на землю и одно единственное колесико подвело весь боинг. Самолет взорвался, прямо в аэропорту. Какая бредовая смерть! Но всё же их уже не вернуть, даже если бы они погибли, сражаясь за родину или бы им просто кирпич на голову упал. Смерть для всех одна и итог тоже один.

Закутавшись в полотенце, Лилит прошла в комнату, села на диван и взяла в руки расческу. От телефонного звонка у неё чуть не выпрыгнуло сердце.

– Да? – проямлила Лилит.

– Лилит, дорогая, как ты? Я вчера не поняла, ты ушла вместе с тем красивым парнем? Пожалуйста, ответь, что это так! – умолял голос в трубке.

Единственная черта, которая раздражала Лилит, порой даже злила – это настырное и, наверное, необузданно наглое любопытство подруги.

– Нет, мы ушли порознь. Честно говоря, я даже не знаю, когда он ушёл и с кем, а если еще честнее, то мне вообще все равно – процедила сквозь зубы Лилит.

В отличие от Жаклин, Лилит терпеть не могла рассказывать о своих похождениях. Если бы все-таки случилось так, что она осталась с мужчиной наедине, то Жаклин бы вряд ли когда узнала об этом. К счастью или к несчастью, у Лилит и не было столько мужчин, сколько их было у подру-

ги. Несмотря на божественной красоты лицо, Лилит не была любвеобильной. Ее любовь к самой себе мало что в мире смогло бы убить.

Безусловно, ей нравилось, когда на нее смотрят, ей нравился флирт, но не более. Она была слишком избирательна по отношению к молодым людям. Мужчина, которого она смогла бы полюбить, должен быть как минимум на половину бог, может быть. Поэтому то, что творила Жаклин было для Лилит неприемлемо.

– Да? Как жалко! Мне показалось, что вы идеальная пара. Ты видела, как на вас все смотрели?

– Какая пара, Жаклин? Что ты говоришь? Я впервые видела его и вряд ли увижу еще. И последнее на что я бы стала обращать внимание, так это на то, как на нас все смотрели. Давай не будем об этом, хорошо? Лучше расскажи, где и с кем ты провела ночь? – спросила Лилит, старательно пытается отвлечь подругу от расспросов

К тому же, Лилит прекрасно знала, что Жаклин просто так не звонит после хорошей вечеринки, если ей, конечно, не хотелось похвастаться своими приключениями

– Лилит. – Жаклин выдержала паузу. – Ты даже не представляешь, что вчера было! Ты помнишь парня, с которым я вчера пришла?

– Марка? Да, конечно...

– Мы поехали к нему после клуба! Лилит, дорогая, видела бы ты его квартиру! Она просто огромная! У него пять

комнат! Они просто чудовищных размеров, там мог бы уместиться весь клуб. К тому же он живет в центре города.

– Надо же, – гукнула себе под нос Лилит для поддержания беседы, разглядывая маникюр.

– Мы с ним выпили, заказали суши. Кстати, выпивка у него тоже отменная. И непонятно каким образом оказались в одной кровати! Такого бесподобного секса у меня уже давно не было. Я просто не могла ему отказать!

– Жаклин, ты что, с ума сошла? – спросила Лилит.

– Нет вроде, а что?

– Что значит «непонятно каким образом»? Что сказал твой муж? Ты когда вернулась?

– Ой, Лилит, это всё неважно. Важно то, что я чувствую себя превосходно...

Лилит вздохнула и сто раз пожалела, что подошла к телефону. Краем уха она продолжала слушать безумный треп подруги.

– ...А потом мне приснился Левиафан... Дорогая, ты слушаешь? – удивленно спросила Жаклин, с чувством некой обиды.

– Куда ж денусь. Слушаю, конечно! – уже чуть ли не кричала Лилит.

– Так вот, во сне я видела Левиафана...

– Жаклин, прекрати тараторить как сорока! Ещё раз, что ты там видела?

– Левиафана, Лилит, он стоял и шептал твое имя. Я пом-

ню только, что вокруг была тьма, из которой на меня смотрели чёрные глаза исподлобья... Потом в этом мраке показалась рука, и затем он произнёс таким тяжелым голосом: «Лилит». Я даже проснулась от этого.

Лилит приподняла брови от удивления. На долю секунды она успела почувствовать нотку ревности за грудиной. Но это была всего лишь доля секунды. Лилит тут же зашептала себе о доверие – учись доверять другим людям, несмотря на то, что они могут оказаться женщиной.

Еще в течение полутра часа Лилит слушала, как прекращен Марк, какая у него шикарная квартира, машина и всё остальное, о внезапно вспыхнувшей любви... о божественном сексе. Жаклин надо было выговориться, а Лилит – время подумать.

8

Утро понедельника наступило внезапно, больно и угнетающе.

Сколько же в мире людей, которые ненавидят понедельник? Как часто они вспоминают о волшебном-проведенных выходных, шлейф которых пронизывает первый рабочий день недели? Как сильно они мечтают о том, что бы еще хотя бы часиков шесть, которые можно назвать пост-воскресение или пред-понедельник.

За окном кралось раннее утро, едва освещая сонные улицы, пробуждая спящих людей.

В квартире раздал звонок телефона. Не открывая глаз, Лилит шарила рукой по тумбочке, пытаясь нащупать телефонную трубку.

– Алле – сонным голосом прошептала она, продолжая спать.

– Лили, ты встала? Я вчера перевела тебе деньги, получила?

– Бабушка... – Лилит улыбнулась. – Я не смотрела, сегодня в университете посмотрю. Как дела, бабуль? Спасибо за денежку.

– Все хорошо, золотце, хорошо. Не переживай. Ладно, я не буду тратить деньги и твое время. Не ложись больше спать, а то проспишь. Целую.

Бабушка положила трубку, а Лилит все-таки справилась со своим организмом и открыла глаза и уставилась в темный потолок.

Лилит жила одна. Ее бабушка жила в другом городе. Раз в полгода Лилит навещала бабулю, помогала ей по дому, разобраться с документами на оплаты и просто проводила с ней время. Бабуля же помогала внучке деньгами как могла.

Находясь в своей квартире, имея средства к существованию, окруженная добрым отношением подруги, имея многих знакомых в университете, Лилит все равно чувствовала себя слишком одинокой.

Когда-то она подумывала завести собаку, может кошку. Животных девушка очень любила, ведь только животное не

способно предать, это единственное существо, любовь которого можно купить за деньги. Но хорошенько поразмыслив, Лилит решила бросить затею. Животным отведен слишком маленький срок, а потом что? Вновь оплакивать счастливые годы? Нет. Лилит была слишком уверена, что больше никогда не поддастся человеческому чувству, и никто не сможет её снова предать. Ошибаться можно всем, как и находится в заблуждение, подпитывая состояние легким бризом вздора.

Без чего-то восемь Лилит вышла из дома. Путь в университет лежал через парк, затем минут двадцать на автобусе и пару минут от остановки до главного входа.

Лилит быстро шагала по окутанному мраком парку, разбивая покрытую инеем листву. Ей не давала покоя мысль, скользящая по голым, сухим, черным деревьям. Вообще люди и деревья очень похожи. Зеленое, весеннее дерево, такое красивое, полное жизни. А потом? Потом всё просто. Они становятся голыми, грязными, и холодными. В точности как люди. Люди так же меняют маски. С начала радостные, а потом оказывается, что их души мрачнее тьмы. Единственное различие – никто из людей по весне не вспоминает, что вот этот красивый, зелёный куст месяц назад был чёрствым, грязным и сухим. А люди всё помнят.

От раздумий об обнаженной природе, Лилит оторвала картина: на остановке стоит автобус, уже почти полный и осталось всего два человека, которые вот-вот залезут в машину, двери закроются и автобус уедет.

Лилит быстро побежала к автобусным дверям. Кое-как она пролезла среди толпы к задней площадке автобуса, схватилась за поручень и принялась приводить в порядок дыхательную систему, после внезапного утреннего упражнения.

Девушка печально смотрела в окно. На улице становилось все светлей, но серый цвет все равно не уходил. Он главенствовал над тысячами своими оттенками, чтобы все живое вдоволь могло насладиться последними деньками осени. Казалось, что вот-вот начнется дождь. Причём этот дождь должен быть таким мелким, морсящим. Ну, просто для того, что бы ещё больше подпортить настроение.

За автобусом следовала чёрный хэтчбек. Лилит плохо разбиралась в марках машин, поэтому решила не забивать себе голову. Но спустя десять минут, она снова посмотрела в окно и увидела все ту же машину.

«Он что, дурак? Или никуда не спешит? Была бы у меня машина, я бы никогда не стала плестись за автобусом».

Но машина продолжала красться в метре от автобуса. Словно туман, она подкрадывалась ближе, а потом как будто отдалялась, но не далеко, соблюдая дистанцию. Всю дорогу Лилит наблюдала краем глаза за чёрным хэтчбеком. Переднее стекло машины было затонированно настолько, что не было видно даже силуэта водителя или пассажира.

«Зимняя улица» – объявил женский голос остановку. Лилит резко развернулась от окна и ударилась об парня, который стоял сзади. Девушка буквально вывалилась на улицу.

Сумка, которую она не успела толком взять, вылетела из рук и угодила в лужу, покрытой тонкой корочкой льда. Лилит уперлась рукой в грязный асфальт, чтобы уберечь себя от дальнейшего падения и замерла, ловя равновесие.

«Мда», подумала она, *«день обещает быть прекрасным»*, вытаскивая сумку из лужи и стряхивая грязную, полузамерзшую воду, Лилит мысленно психовала. Как только она закончила отчищать сумку, уже измазавшись вся, её взгляд пал на чёрные ботинки, остановившиеся перед лужей. Лилит быстро скосила глаза вправо и увидела припаркованный чёрный хэтчбек. Внезапно ей стало не по себе. Девушка была уверена, что тот, кто перед ней стоит и черная машина имеют связь. Более того, ей становилось не по себе, от того, что где-то в глубине души, она догадывалась, кто именно стоит перед ней.

Когда Лилит выпрямилась, она увидела его.

– Знаешь, я даже не буду спрашивать, откуда ты тут взялся! Я, пожалуй, пройду мимо и сделаю вид, что ты просто моя галлюцинация! – с закрытыми глазами прошептала девушка.

– Ты можешь сделать вид, какой тебе хочется. Но дело в том, что я не твоя галлюцинация, я – всемирная реальность! – улыбнулся Левиафан.

– Ты слишком себя любишь, не так ли... – попыталась ответить она.

– ...Да, в этом мы с тобой похожи ...

Лилит молчала. В его интонации проливалась нотка хамства, цинизма и надменности, те самые нотки, которые раньше отсутствовали. Его голос звучал настолько самоуверенно и напыщенно, что девушка просто потерялась. Ей и нравились манера его поведения, и что-то отталкивало ее. Но то, как мужчина себя вел, явно отличалось от того, каким он был в клубе.

Девушка продолжала восхищаться молодым человеком, не зная, что сказать. Язык совершенно не слушался ее.

Левиафан протянул ей руку. Лилит посмотрела на протянутую ей ладонь.

– Правда, Левиафан, откуда ты здесь? Только не говори, что тоже собираешься поступать в этот ВУЗ, учить законы и конституции...

– Я здесь, чтобы проводить тебя. Пошли? – лицо Левиафана, почему-то казалось очень серьезным.

– Куда?

– На пары, куда ж еще?

Лилит терялась в собственных мыслях. Её пальцы скользнули в его ладонь. Рука была такая сильная, но в то же время полна мягкости.

Они остановились около дверей. Левиафан посмотрел на девушке и улыбнулся так мягко и нежно, затем поцеловал ее руку.

– Ты не ответил на мой вопрос. Как ты узнал? – Настаивала Лилит на своем.

– Тебе пора. Звонок уже звенит – прошептал он, развернулся и пошел к машине.

Лилит смотрела вслед уходящему молодому человеку. Как только захлопнулась дверь в машине, девушка развернулась и побежала на лекцию.

День прошел довольно быстро, несмотря на то, что в течение всего этого времени, Лилит думала только о странном визите Левиафана, выдергивая из памяти по молекулам его лицо, создавая целостную картину перед глазами. Ей казалось, что она уже становилась зависимой, ей нужно было всегда смотреть на него...

Выйдя из университета, Лилит с грустью в глазах смотрела, как закрываются двери автобуса и как машина трогается, оставляя пустую остановку. Лилит не хотела никуда бежать, это же не последний автобус, к тому же спешить ей уже было некуда: пары закончились, дома ее никто не ждал.

Лилит дошла до остановки и краем уха услышала, как сзади нее останавливается машина.

Сердце замерло.

– Подвезти?

Девушка обернулась: из приоткрытого окна исподлобья на нее смотрели бездонные черные глаза. Лилит остановилась, опустила взгляд и усмехнулась. Не успев ничего ответить, словно столб, перед ней вырос молодой человек. Он галантно взял девушку за руку, открыл ей дверь.

– Я помогу. – Тихо сказал он, уже сидя на месте, присте-

гивая растерявшуюся Лилит.

– Один простой вопрос и я хочу знать на него ответ: куда мы едем? – спросила Лилит.

Она не чувствовала страха, волнений, в салоне машины царило спокойствие и любопытство. Левиафан молча поцеловал ей руку и улыбнулся.

Неестественность Левиафана, его манера поведения, стиль разговора... Лилит не могла не думать о безмерной странности молодого человека.

Девушка откинулась на сидении и молчала. Левиафан всё-таки заговорил спустя какое-то время:

– Лилит, ты безумно красивая женщина, у тебя совершенная фигура, невозможной красоты лицо, шикарные волосы, нежный голосок. Я могу сказать, что ты сломала бы разум любому перфекционисту одним своим только внешним видом. Но скажи мне, насколько идеален твой характер? Есть ли в тебе ещё какая-нибудь совершенность, помимо внешности?

Лилит усмехнулась про себя. Ей не хотелось сразу же открываться молодому человеку, ничего не зная о нем, кроме странного имени и поведения.

– Это зависит от того, что для тебя является идеалом? Для себя я полностью безукоризненна. Для тебя могу быть идеальной только внешне. Для злопыхательниц, я как кикимора.

– Лилит. Ли-ли-т. Еще и такое имя красивое. Я повторюсь. Ты просто восхитительна внешне и я хочу знать, что

кроется внутри тебя.

Лилит вздохнула и отвернулась к окну, сделав вид, что игнорирует его вопрос.

Машина медленно остановилась. Лилит вышла на улицу и улыбнулась. Левиафан стоял рядом и смотрел на неё. На бровь Лилит медленно спикировала первая снежинка, такая большая, пушистая. Лилит подняла голову. Чёрное небо искрилось белыми пушинками. *«Первый снег»* – подумала она. На мгновение ей показалось, что вокруг них двоих никого больше нет. В тот момент весь мир умер. Остался лишь только снег и они вдвоём.

– Левиафан, ты привез меня в парк, где мы встр...где ты прош...я тебя вид...

– А вот, кстати, и проявляется твой внутренний «идеал» – рассмеялся Левиафан, – Дорогая моя, скажи, ты на каждом свидание страдаешь заиканием?

– А у нас свидание?

– А как ты это называешь?

– Я называю это так: с неба на меня свалился странный парень, который привез меня в этот парк!

– Лилит, ты очаровательна! – Левиафана поцеловал её руку.

Галантность. Средневековая пошлятина. Официальщина. Нужно ли это всё? К чему такая любезность? На самом деле он – псих! Лилит поняла, что он сбежала из лечебницы для душевно больных, но выдавать его не хотела. Но и она

не чувствовала никакого дискомфорта. Она ощущала полное умиротворение, находясь с ним.

Как два замерших айсберга в океане, они сидели, просто держась за руки в зимнем, безлюдном парке. Им даже не нужно было ни о чём говорить, казалось, что они всё знали друг о друге, что разговоры им просто не нужны. Мысли протекали как по призрачным проводам в головах.

9

– Ты знал, что я здесь живу? – спросила Лилит.

– Да.

– Откуда?

Левиафан сказал только одно слово: «Жаклин».

– Вешай сюда своё пальто, – сказала Лилит и указала пальцем на вешалку, – не стесняйся.

По всему Левиафан и не собирался стесняться. Его рука опустилась на её талию. Лилит вздрогнула. Неожиданное прикосновение мужчины, от взгляда на которого, мурашки тут же начинали носиться по ее телу; разум переставал что-либо соображать; тело...бесстыдное тело поддавалась искушению, вздрагивая от нежно касающейся ласки.. Лилит лишь только развернулась к нему лицом и совсем ослабла в мужских объятиях.

– Ты такой... – Лилит таяла на глазах, теряя по кусочкам разум.

– Я потом тебя выслушаю! – Левиафан схватил её на руки, и как будто уже бывал в этой квартире, понёс Лилит в

спальню.

Секс. Любое взаимоотношение между двумя полами, у которых есть симпатия друг к другу, практически всегда заканчивается постелью. Секс сразу обязывает людей к каким-либо действиям. Порой интимная близость содержит в себе больше ответственности, чем любовь. Когда человек просто любит, у него есть ответственность только перед своими желаниями. Просто так ничего не бывает. Только после секса женщины начинают считать, что они достойны материальных благ (а не когда её просто любят), а не только животных инстинктов. Только после секса появляется ответственность за партнёра и возможно за его будущее.

Интим означает некую дружбу, в которой мужчина играет роль мужа, давая женщине всё, что она хочет. Но было бы неплохо, если бы появилась еще и любовь в этой игре и неважно когда, до или после секса. Химия в мозгах у людей творит чудеса. Химическая реакция, называемая любовью, приводит к удивительным последствиям. И у каждого итоги совершенно разные по степени отчаяния. Кто-то заканчивает жизнь, собственную жизнь, после первого секса, при этом, написав в предсмертной записке, что просто хотел проверить умеет ли летать, типа «а вдруг я единственный». Ну и, конечно же, он разбивается. А кто-то любит и умирает, даже не испытав этого секса. Результат очевиден – отчаяние. И если человек слаб морально или физически, это уже не важно, он не переживет такого горя.

Лилит открыла глаза, на улице было темно и не понятно то ли вечер этого дня, то ли утро следующего. С трудом она повернула голову. Пусто!

– Левиафан... – прошептала она.

В ответ послышалось только гудение высоколетающего самолёта.

– Левиафан! – Позвала она чуть громче.

А самолёт продолжал гудеть и не более того.

Лилит повернулась на другой бок и накрылась одеялом. На нее обрушился водопад скорбящей совести. Лилит грызла себя... Как посмела она улечься в постель с парнем... нет, с мужчиной, которого она едва знала. Ей было так стыдно перед собой, но воспоминания о совместно проведенном времени, нашептывали более приятные вещи.

Её тело страшно ныло, она никак не могла понять почему. Лилит практически ничего не помнила, кроме того, что она словно в сказке побывала.

Через полчаса Лилит встала. Она обошла всю квартиру, Левиафана словно и никогда здесь не было. Всё также пустота и тишина. Девушка подошла к зеркалу и её как будто ударило током. Лилит смотрела на своё отражение и не верила глазам.

Её прекрасное тело было вовсе не так прекрасно, каким она привыкла его видеть. На руках какие-то желто-синие отметины. На предплечье небольшое синичек. Но когда Лилит увидела свою шею, она даже схватилась руками за комод,

чтобы не упасть от ужаса. Чуть ниже уха виднелись две отметины, которые кровоточили. Боязнь. Пронизывающий холод и ужас. Судороги по всему телу. Страх за свою жизнь, желание убежать, спрятаться. Спрятаться так, чтобы никто и никогда не нашёл. Только было уже поздно. Девушку всю трясло от закравшихся подозрений.

«Да, запоздалая реакция», подумала она «нужно было это сделать, когда я его первый раз встретила в парке. Но тогда я не ощущала никакого желания бежать. Да и не в моём стиле – бежать. Все люди бегут от необычного, всё, что неизвестно – пугает, заставляет дрожать, и срабатывает инстинкт самосохранения – скрыться и затаиться...Видимо у меня он отсутствует. И это, говорю я? Я сама стою, еле успокаиваю дрожь в руках, почти на пределе, чтобы не зарыдать...Я говорю о том, что надо изведать неизвестность? Кто он такой? Что он со мной сделал? Что это на моей шее?».

Краем глаза Лилит увидела на столе в отражение зеркала что-то белое. Одним огромным скачком она оказалась у стола.

«Лилит. Ли-ли-т. Я готов прокричать это имя ещё много раз! Лилит! Твоя внешность идеальна! Я видел. Твоя тайна внутри – идеальна! Я чувствовал. Лилит! Так ты идеальна ментально? Лилит? Я ещё не познал,...Но я обещаю тебе, я расскажу чуть позднее о твоей идеальности характера. Лилит! Потерпи, позже!»

Искренне, твой Левиафан»

– Ты! Больной придурок! – только и смогла проговорить Лилит, – я даже не знаю, что теперь делать. Какая же я дура! И лишь одно успокаивает, я была только сегодня душой, он, скорее всего, врожденно дурак! Больше всего, мне интересно, что на моей шее?

Чувство страха улетучилось также быстро, как и Левиафан из её квартиры. Вот она – ненависть! Добро пожаловать! Злость! Неприятный хруст пальцев, разминающий руки ярости. Хочется карандаш сжевать. Или найти Левиафана и оторвать ему башку. Лилит не знала, что ей делать, с чем или с кем она столкнулась.

«Забавно», лукавая улыбка промчалась по губам, «Двойное чувство агрессии и удовольствия. Неужели я чокнутая? Неужели это, что мне надо? Сумасшедший маньяк в моей постели и в моей жизни? Одно я точно знаю, ему придется объясниться!».

Лилит села в ванную, включила воду. Её шея щипала, ранки горели, запястья ныли, ноги как будто пришили от другого человека. Она смывала с себя остатки недоразумения, в которое она погрузилась, позволив себе улечься с незнакомцем. Пыталась избавиться от угрызания совести и от подсознательных мыслей «а ведь было хорошо». И да, она ненавидела мужчину, хотела убить его, ждала объяснений. Немного боялась, много думала, но ни разу в голове не проскочило то, что она жалеет о случившемся.

Лилит сидела, держа в руках хамскую записку Левиафана. Его подчерк, такой элегантный и утонченный, чернила, словно пером написанные слова. Сквозь закругленные линии читалось сумасшествие и интеллигенция.

Лилит отправилась в постель, с утра она должна была быть в университете к первой паре. Девушка закрыла глаза и как будто начала проваливаться в черную яму. Она летела так долго, казалось, что конца этому полёту не будет. Во тьме, слышался голос Левиафана. Он звал её. Он не был в беде, больше похоже на то, что он пытался запугать её.

– Лилит! Лилит!

10

Утром Лилит вылетела из квартиры, так как опять проспала и понимала, что опаздывает. Лилит, действительно, верила, что опаздывать нельзя, неважно куда, будь то свидание или учёба, собеседование или работа.

Пунктуальность – один из немногих показателей ответственности человека. Человек, который элементарно не может появиться вовремя в назначенном месте – уже достаточно безответственный. Какие дела можно иметь с такой персоной? Время – злейший враг, беспощадный и безжалостный, единственная вещь в мире, которой следует подчиняться, которая требует подчинения. Да, ты можешь быть независимым, да, ты можешь быть гордым, но для времени это

ничего не значит. Во времени все равны, во времени – ты никто, ты живешь по секундам. Так и не стоит забывать о времени как о пунктуальности.

И Лилит не могла противостоять своим же принципам, поэтому опаздывать никак нельзя! Но не тут-то было! Как только Лилит выскочила за дверь, и как только дверь захлопнулась за ней, она растянулась на полу. Лилит увидела, как катится пустая ваза мимо её лица. Немая пауза. Дальше она почувствовала запах, до жути знакомый. Этот запах напоминал какие-то цветы. Розы! Лилит поднялась с пола и увидела мятые красные розы, на которых её чудесное тело только что лежало. Потом глаза переметнулись на вазу, пустую вазу. *«Так, ваза, цветы... ага, вот и вода! Ага, вот и на мне вода!».*

В мятых розах лежала такая же мятая записка:

«Ли-ли-т! Не опоздай, дорогая!

Левиафан»

Лилит села на пол лестничной клетки. *«Как же так, Левиафан!».* Она смеялась каким-то странным смехом, напоминающим истерику. Он ломал её принципы, её стереотипы, зачем?

Переодевшись, Лилит спустилась вниз. Около входной двери стоял он. Увидев Левиафана, девушка интуитивно сделал шаг назад. Страх вновь вернулся к ней, заковывая ноги в цепенеющий холод.

– Господи... – прошептала она, пятясь от него назад к до-

му.

Лилит вспомнила свое отражение, отметины на шее. Непонимание, что за существо перед ней, собирается ли это существо причинить ей вред... может оно вообще хочет убить ее, заставляло ее бояться еще больше... Но Лилит не должна была показывать свой страх.

– Господи? Так меня еще не называли. – Молодой человек удивленно вскинул бровями и сделал шаг к внезапно перепуганной девушке.

– У меня нет на тебя времени, – чуть слышно сказала Лилит, обойти мужчину.

– Тихо, тихо... – он перехватил ее около двери. – Как жаль, что тебе не интересно. Хотя твое опасение говорит об обратном.

– Интересно что, откуда ты взялся? Как ты оказался в том же клубе где и я? Как ты узнал, где я учусь? Что за раны на моей шее? Или почему я оказалась на полу, в цветах и вся в воде? Что мне должно быть интересно Левиафан, а? Или лучше поставить вопрос так: «Вот что ты меня собираешься посвятить?» А, знаю, может ты хочешь разъяснить мне тайный смысл твоих писем?

– Лилит...

– Да, Лилит. Дальше-то что? Что делать-то будем?

– Лилит...

Она посмотрела в его глаза. Всё как обычно. Лилит не могла понять его взгляд. Вроде он умилялся, вроде насла-

ждался, а вроде даже и злился.

– Мы можем зайти ко мне, если ты, конечно, не хочешь поведать свою историю в подъезде.

Они сидели друг напротив друга и молчали. Лилит отвела взгляд в окно. На улице моросил дождь со снегом. Ссквозь поднимающийся рассвет, глаза мозолила туманная дымка.

– Я слушаю – Лилит была слишком серьезна.

– Что именно? – изумлённое лицо посмотрело на неё.

– Издеваешься?

– Нет.

– Хорошо, кто? Что? Откуда? Зачем? Когда? Почему?

Левиафан вздохнул и замолчал, отвернувшись к окну. Лилит разглядывала его профиль и густую шевелюру, темные глаза, в которых отражались летящие снежинки.

«Какой же он красивый и сексуальный. Господи только не это... Чувства становятся всё сильнее и сильнее....Это плохо...», мысли Лилит были не так категоричны и серьезны, какой она пыталась казаться.

– Я родился в Венеции в 1525 году. Моя мать была торговкой, а отец ремонтировал сапоги. Есть догадки, как нам жилось? Я думаю есть. Моя мать, её звали Антуанета, была очень красивой женщиной, с длинными рыжими волосами, что в будущем её и загубило. В то время миром правила Святая Инквизиция, а рыжие волосы, как считалось, были только у ведьм. Её сожгли на главной площади, когда мне было пять лет. Сожгли за колдовство, а она была даже не спо-

собна злую мысль в голове крутить. Но разве это докажешь? Я её очень любил, и как ни странно, хорошо помню черты её лица. Она назвала меня... Неважно. Левиафан – это мой творческий псевдоним. Я хорошо помню, как за ней пришли стражники, и как они её избивали, пока я прятался. Я до сих пор жалею, что тогда, в пять лет, у меня не было столько сил, чтобы защитить ее. Так мы и остались вдвоём с отцом. Гроши. Нищета. Грязь. Это ты хотела услышать? Да, даже не важно..., – Левиафан отвернулся к окну. Лилит заметила, что ему было больно вспоминать об этом. – На вопрос «кто?» – я – вампир. Мне 485 лет. В двадцать девять лет я стал таким, какой есть сейчас.

– Как твое настоящее имя? – настойчиво спросила девушка.

– Если бы я хотел, чтобы ты знала мое имя, я бы представился. Уже пару веков, а то и больше меня зовут Левиафан. – Усмехнулся он.

– Как ты стал... вампиром? – спросила Лилит, все еще думая, что он врет.

– Я шёл по маленькой улочке, ночью, пьяный из кабака. На грязной дороге я увидел девочку лет пяти. Она лежала на земле и плакала, полуголая, свернувшись калачиком. Мне стало так жалко её, что я не смог пройти мимо. Я почти готов был взять девчущку к себе домой, накормить лепешкой и напоить молоком. Но когда я наклонился к ней, что бы спросить её имя и где её родители.... То, что я увидел, Ли-

лит, заставило меня отскочить от нее, а ж метра на два. Глаза девочки были чернее ночи, рот – слегка искривлен, с двумя торчащими клыками, а на щеках засыхали следы от прекрасно сыгранных слез. В тот момент я понял, что лепёшка эту девочку не устроит. Я не мог понять, что это было, кто это был... Дьявол или оборотень, может ведьма или ещё какая-нибудь тварь... Она внушала такой ужас, что мои ноги оцепенели, а голос словно провалился куда-то глубоко. Мне хотелось бежать, но я не мог, мне хотелось кричать, но язык онемел... Она кинулась на меня с такой скоростью, я даже не успел заметить, как её зубы оказались около моей шеи... и тогда я остро ощутил, как клыки проникают сквозь кожу, как они рвут её, и как их кончики тонут в венозном потоке... Я решил, что это либо алкогольные галлюцинации, делирий, или просто я сплю. Но нет, я почувствовал собственную кровь, горячую и липкую на собственном горле. В полумраке, в полуобморочном состоянии, я собрался с последними силами и взглянул на девочку. Она слегка оттолкнула меня и впилась глазами в мои. Лилит, ты не представляешь, я увидел долю жалости в её безжизненных и злобных черных глазах! Мне показалось, что она тоже сожалеет о содеянном, но как будто у неё не было другого выбора... Она приподняла свою руку, в темноте я смог разглядеть рваную рану на запястье, текущую черную, густую кровь. Как раскалённый воск, она капала мне на лицо, я понял, что её вязкая жидкость попадает мне в рот, на языке две, три капли... А потом,

внезапно, меня подняла в воздух какая-то неземная сила и на землю я опустился уже с переломанным позвоночником и открытой черепно-мозговой травмой. Весь в крови, я пролежал где-то около десяти минут. В XVI веке никто не подходил к людям, лежащим на улице, все думали, что человек просто выпил. Ну вот, и я как бы умер. Но потом, я очнулся в той же самой улочке, рядом стояла та же самая девочка, только она улыбалась, а не разыгрывала комедию, и было так же тихо и безлюдно. В тот момент я ещё не знал, что, по сути, я был трупом, но девочка решила морально добить меня, сказав, что я всё-таки реальный труп. «Что ты такое?» – спросил я, моё сердце почему-то замерло от ужаса, хотя я не чувствовал никаких ударов, но я не осознавал этого. Литит, у нас нет никаких кодексов и правил, кому можно раскрывать тайну, а кому нет. Это, конечно, я узнал позже. С этой девочкой мы стали спутниками, своеобразным дуэтом. Её звали Агата, и ей было около тысячи лет. Я сейчас точно не помню, сколько конкретно – улыбнулся Левиафан, – Полторы тысячи лет – это очень большой срок, если её не убили, то она могла устать от жизни, от смен эпох... Да и представь только себе, застрять в теле пятилетнего ребенка. Она хотела секса, любви, ласки, но никто ей этого не давал и вряд ли бы дал, потому что, видя пятилетнюю девочку, они даже не догадывались о том, что ей полторы тысячи лет и что она труп. Поэтому мне кажется, что в такой форме, если тебя не убили, то значит, умри сам. Ну, по крайней мере, я бы именно так и

сделал. Очевидный факт, в отличие от неё, мне невероятно повезло с внешностью, не правда ли, Лилит? Женщины, так и липли ко мне на протяжении моей долгой жизни.

– Как долго существовал ваш дуэт с Агатой? – спросила Лилит.

– Около пятнадцати лет, мы с ней прожили вместе, а потом я покинул её. Я не смог больше слушать ночные истерики и причитания. Честно говоря, у меня сердце разрывалось, глядя на неё. Алкоголь, сигары, трубка, секс – все «плохие» вещи она не могла делать из-за своего внешнего вида. Она была девственна почти во всех отношениях, прям как священник – ухмыльнулся он, – ...а в те моменты, когда какой-нибудь милостивый государь дарил ей куклу, или какую-нибудь другую игрушку, я готов был стоять вместе с ней и рыдать от горя и безысходности. И честно говоря, я её полюбил как свою собственную дочь. Я старался достать ей красивые украшения, или косметику, и она так радовалась взрослым подаркам... И только с наступлением ночи в комнатушке для гостей, в очередной забегаловке, она могла надевать цепочки, кольца, красить глаза. Но поутру, из комнаты должен был выйти обычный, нормальный ребенок с отцом.

– А ты никогда не спрашивал у неё, почему она решила одарить, если можно так сказать, бессмертием именно тебя?

– Конечно, спрашивал! Она знала кто я, и вообще всё, чем живу, чем дышу, с моих пятнадцати лет. Мы не ищем ко-

го-то особенного на эту роль. Кто-то делает это с другими людьми по неосторожности, кто-то потому что любит, и не может прожить вечность без партнера, кто-то по дружбе, а кто-то по доброте сердечной, как Агата, например. Знаешь, что она ответила? – Левиафан посмотрел на изумлённое лицо Лилит, – На мой вопрос «почему?» она ответила просто: «Такой красивый мужчина должен жить вечно». Так что я практически стал её произведением искусства, бессмертным произведением, как картины Моне или Да Винчи.

– А каким образом ты ушёл? Ей, наверное, стало ещё тяжелее и больнее?

Левиафан посмотрел в окно, и Лилит заметила, что уголки его губ скривились в ухмылке. Он закрыл глаза, покачал головой и вздохнул.

– В моём рассказе были намеки на ответ на твой вопрос. Видимо, – он вздохнул ещё раз, – ты их пропустила. Лилит, я сам её убил! Я сжег её... Практически случайно...

Лилит мгновенно представила несчастную девочку, горящую в огне. Ей стало дурно, глаза расширились от ужаса.

– Как ты мог? Ей было мучительно плохо, больно, а ты её предал! Она доверилась тебе, она выбрала тебя...

– Да, выбрала, потому что влюбилась, а ты как считаешь, Лилит, если бы в тебя влюбился пятилетний мальчик, ты смогла бы ему ответить взаимностью? Смогла бы любить его и быть с ним?

Лилит подняла глаза к потолку и представила себе карти-

ну: она подходит к ресторану, там её ждет маленький мальчик с цветами, при полном параде. Она подходит, наклоняется и целует его в губы...Какая чушь, – Лилит поморщилась.

– Вот видишь! Ты бы не смогла...

– Да, не смогла! Но жизнь ты ей мог бы сохранить!

– Лилит! – строго произнёс Левиафан.

Глядя на его лицо, можно было подумать, что все грозовые тучи сгустились над ним и питали его негативной энергией. Он явно был зол.

– Сейчас я предложу тебе два варианта закрытия темы «Кто убил Агату и зачем?». Вариант номер один: я сейчас же встаю и ухожу, и ты меня больше никогда не увидишь! Вариант номер два: ты забываешь об Агате, и я рассказываю дальше! Твой выбор?

Надменная Лилит не заставила себя долго ждать.

– Уходи! И кстати, тот веник, который лежит в холле, прихвати его, пожалуйста, с собой! – нежно-гневная улыбка осветила лицо Лилит.

Она даже глазом не успела моргнуть, как поняла, что сидит в кухне уже одна, напротив пусто, и только скрипучая дверь подавала признаки жизни.

Когда Лилит осознала, что она действительно одна и никого больше нет, слезы брызнули из глаз.

«Черт! Я же не думала серьезно, что ты уйдешь, я думала это шутка! Вернись...», едва слышно прошептала де-

вушка, закрывая лицо руками.

11

Прошло несколько недель с последней встречи с Левиафаном. Все эти дни тянулись медленно и противно, казалось, что конца им не будет.

На дворе уже был декабрь. Пушистый снег лежал на асфальте и на деревьях, на голове и на мокрых щеках Лилит.

Все эти дни она практически не выходила из дома, только в университет и в близлежащий парк. В парке она садилась на скамью и плакала, из-за своей гордости и глупости. Он сломал её первый принцип, обещание данное самой себе: «никогда больше никого не любить!». Лилит влюбилась. Тот же самый огонёк бежал по венам, обжигая их изнутри, те же самые картины, мешались в голове, только на них был изображен Левиафан, так же билось сердце, так же она дышала полной грудью... и так же ей было больно, снова больно... Потому что её опять бросили, бросил любимый человек! Лилит даже думать не хотела, что сама попросила его выйти из квартиры.

Пустота. Она заволокла собой всё, что окружало Лилит, и даже её сознание. Как растение, ешь, пьешь, и ничего не видишь и не слышишь, не чувствуешь ничего, кроме боли. Иногда Лилит думала, что надо как-то разыскать его, извиниться, но в то время, когда такие мысли приходили ей в голову, гордость не упускала возможность уколоть, чтобы мысли о прощении исчезли. И они исчезали.

Лилит мечтала получить хотя бы записку от него, ну хоть что-нибудь, что она смогла бы прижать к себе и улыбнуться со слезами на глазах. Хоть что-нибудь, что смогло бы утешить её. И она получила, только обратный эффект.

В мертвенной тишине раздался телефонный звонок. Сердце бешено заколотилось от радости и от волнения.

«Левиафан! Ты же всё знаешь, мой адрес, номер телефона, где находится мой университет, хотя я тебе этого не говорила! Так почему же ты только сейчас звонишь, спустя столько времени? Ты смерти моей желаешь, также как и с Агатой?». Лилит вскочила с постели, и схватила телефонную трубку.

– Да? – она чуть ли не задыхалась от счастья и волнения.

– Привет, дорогая! Я так давно тебя не слышала. Как у тебя дела? – тоненький голосок протрещал в трубку.

– Хорошо. У меня все хорошо! – сухо ответила Лилит, забрасывая землей убитую надежду.

Жаклин всегда находила неподходящие моменты для звонков и рассказов о том, как и с кем в очередной раз трахнулась, не забывая рассказывать о чужих квартирах. И сейчас был именно такой, неподходящий момент, совсем неподходящий.

Жаклин в это время что-то тараторила без остановки, но одно слово «Левиафан» выдернуло Лилит из мечтаний.

– Подожди, подожди! Чего там Левиафан? – интерес вспыхнул внутри неё, словно спичка.

Лилит растаяла от улыбки в полной уверенности, что Левиафан что-нибудь специально сказал при Жаклин, чтобы та передала ей.

– Он был в клубе вчера, представляешь, Лилит?

– Ну и что? – пальцы Лилит нервно стучали по столу, но голос оставался размеренным и спокойным. – Подумаешь...

– Эй, Лилит, тебе совсем не интересно, что ли? – удивилась Жаклин.

«Кошмар какой-то!», Лилит посмотрела на потолок, «не, ну кто, сказал, что женщины умные и хитрые? Такое утверждение по отношению к Жаклин совершенно не применимо. Стоп! Может поэтому у неё всегда получается с тем, с кем она захочет и на какой срок, тоже решает она? Может надо проще быть?»

– А что? Что случилось? Что-то из ряда вон выходящее? – спросила Лилит.

– Да нет, конечно, не из ряда вон выходящее. Я видела Левиафана с такой красивой девушкой, они всю ночь целовались и обнимались, смеялись и выпивали. Где он только такую красавицу нашёл? Он даже со мной поздоровался...

Медленно Лилит опускала трубку... *«Другая девушка!»*, дрожащей рукой она провела по лицу, закусилла нижнюю губу. Девушка вылетела на балкон и, забыв о своём коронном «я никогда больше...», прокричала не своим голосом: «Вернись!». Держась за перила, она, вся дрожа, опустилась на колени, и рыдающим хриплым голосом повторяла: «Вер-

нись...Вернись...пожалуйста!»

Лилит сидела на полу, оперившись на стенку, и убивалась горем, её всю трясло, но не от холода, а от обиды. Он сломил её характер, принцип, всё сломал. Хриплый голос только и повторял: «Вернись!». Пальцы сжимались в кулак, так, что отпечатки ногтей оставались на её ладонях.

Убийство надежды, великой надежды, светлой веры в лучшее. Мечта пала, как подбитая ласточка, которая только что летала и думала, что выживет. Разрушенная надежда – хуже, чем смерть. Ты умираешь – и все заботы испаряются, все обязанности и вся ответственность исчезают, тебя больше ничего не волнует. А разрушенная надежда влечет за собой отчаяние, нелепые и необдуманные поступки, и обиду за своё раненное самолюбие, да и сама все еще тащится за тобой. Порой, даже не осознаешь быстроту падения в шаткое положение, как последний крик не успевает вырваться из зыбучего песка горя, невозможно вытащить голову из этой трясины, она поглощает, и последний вздох наполняет легкие тиной беспечности.

12

Спустя несколько часов Лилит открыла глаза и нахмурилась. Первое, что она поняла, так это то, что она замерзла. Чертовски замерзла. Кое-как, она перебралась в комнату, села на кровать и уставилась прямо перед собой. Девушка никак не могла собрать мысли воедино. Такое ужасное состо-

ание, когда понимаешь, что даже не можешь ни о чем подумывать, просто – мнимая даль перед глазами. Мозг парализован. Левиафан. Он похоронил её заживо.

«*Так!*» – внезапно мозговая деятельность Лилит очнулась. «*Это ещё не конец! Так просто всё не кончиться!*». Лилит вскочила с постели и кинулась наводить марафет.

– Я пойду в этот клуб. Я найду его. Он должен меня увидеть еще раз. Я покажу ему то, что он теряет с таким глупым рвением! Он обязан хотя бы еще раз увидеть меня и тогда он не сможет больше выкинуть мой образ из головы.

Как только был нанесен последний штрих на лицо, Лилит окинула себя взглядом с головы до ног. Она не узнавала своего отражения в зеркале. Там, в зазеркалье, стояла женщина, необыкновенной красоты, которая была готова бороться за свои чувства и любовь. Она была прекрасна, её лицо, вызывающее невинность и нежность, гордо приподнято, в глазах блестели нотки гнева и ярости, только не понятно от чего, то ли от слез, то ли от счастья, что она, наконец-то взяла себя в руки. Вздернутый носик, и очаровательная родинка над губой. Корсет, подчеркивающий, и без того тонкую талию, бриджи, самый высокий каблук, на котором Лилит смогла бы ходить, белая блуза, выглядывающая из-под корсета. Каштановые волосы, которые она накрутила, рассыпались по плечам. Любой мужчина свернул бы себе шею, глядя на неё.

У Лилит был план. Она его хорошо продумала, как ей ка-

залось. Она знала каждый шаг, знала, с какой целью поставила ногу прямо, а ничуть в сторону. Лилит всё знала и была готова ко всему, чтобы потом, если что, не расстраиваться.

Лилит зашла в клуб и, сопровождаемая мужскими взглядами, пошла прямо к тому столу, где в прошлый раз сидел Левиафан. Она тут же вспомнила его пустой взгляд, тщетно изучающий столешницу.

– Не желаете что-нибудь выпить? – спросил официант.

– Да, принесите, пожалуйста, бокал мартини – не глядя на него, сказала Лилит.

«Где же ты, Левиафан?» – Лилит оглядела клуб, – *«ну ладно, подождём! Ты придешь, я знаю!»*.

Она поставила сумку на стол и принялась искать телефон.

«Чёрт! Да где же? ...А вот он!», Лилит достала из сумки мобильный и попыталась включить. Но не тут то было! Как только она ни старалась, как только не жала, аппарат не хотел включаться. Девушка сгорбилась за столом, тыкая на боковую кнопку.

«Ну, чудесно, просто отлично!», она попыталась швырнуть телефон на стол, но ее руку внезапно перехватили. Лилит покосилась на державшую ее кисть.

– Прошу Вас, мадемуазель, техника любит ласку! – шепнул голос Левиафана ей в ухо, вытаскивая у нее из рук телефон и аккуратно нажимая кнопку.

Естественно мобильник тут же включился и поприветствовал вампира нежным светом.

Лилит повернула голову и почти столкнулась с ним лицом.

– Я присяду? Ты не против? – уже садясь, спросил Левиафан.

– Как будто у меня есть выбор, – покачала головой Лилит, – что ты тут делаешь? Ты же обещал, что я никогда тебя больше не увижу, но я тебя вижу! – сказала с издевкой Лилит.

– А сейчас трогательный и волнующий медленный танец! – проорал ди-джей.

– Пойдем, потанцуем? – Левиафан подал ей руку.

– Ты не ответил на мой вопрос! – поднимаясь со стула, пробубнила Лилит.

– Терпение, дорогая – посмотрел он на неё исподлобья.

Левиафан подошёл к ней. Лилит почувствовала, как его рука скользнула на талию, почувствовала силу, с которой он её прижал к себе, почувствовала страсть, исходящую от его тела. Руки её не слушались, она обвила его шею, и прижалась ещё ближе к его груди. Лилит слышала свое сердце, каждый удар был такой громкий, явный, оно кричало о страсти.

– Почему я вернулся? – переспросил Левиафан, прижимая всё сильнее и сильнее к себе одной рукой, второй он гладил её по щеке.

Он смотрел на неё с такой неподдельной нежностью, словно боялся, что она сломается, если он посмотрит строго. Да и пока не за что было смотреть на неё строго или как-то уко-

рительно.

– Ты позвала меня, Лилит, ты! – губы шептали ей на ухо. Такая нежная теплота, едва касаясь кожи уха, губы продолжили рассказывать, – а я не могу без тебя. За 485 лет я не испытывал такого, не испытывал никогда столько чувств одновременно. За 485 лет я никогда не был так близок духовно к женщине, а не физически. За 485 лет я никогда не видел такую красивую женщину. За 485 лет... ты первая, кто позволила мне уйти, даже не позвав через час. Я впервые хочу быть с человеком больше, чем один час, и я не хочу убивать этого человека. Лилит, ты демон, который в течение стольких дней душил меня. И как только я услышал твой зов, я не смог сопротивляться чувствам. Я знал, что ты придешь сегодня сюда. Я следовал за тобой всё это время, знал каждый твой шаг. Я ни на минуту не оставлял тебя одну. И я люблю твою гордость, твое эгоистичное «Я», твои принципы, я люблю тебя всю!

Лилит прижалась к нему, впитывая его признание. По её лицу поползла ядовитая улыбка. Внутри тела всё ликовало.

«Левиафан, ты – придурок! Я победила!», Лилит только и думала об этом.

В темном углу стояла Жаклин и вся тряслась от радости, когда Левиафан и Лилит целовались, кружась в медленном танце. Эти двое слились воедино. В свете танцевал их силуэт. Мужчины завидовали Левиафану, когда видели, как он гладит спину Лилит, как он целует её шею и как она отвечает

ему взаимностью. Женщины ненавидели Лилит, глядя на то, как она нежится на плече у красавчика Левиафана, как она позволяет ему делать с ней, всё, что он захочет. Эти двое были созданы друг для друга. Эти двое были частью друг друга. Эти двое наконец-то любили друг друга.

Как только танец закончился, Левиафан, крепко сжимая руку девушки, пошел на улицу. Ночь была в самом разгаре, с неба падали пухлые снежинки, тьма скрывала слабый силуэт бледнолицой луны.

Они обнимались, целовались, смеялись, пар изо рта, красные носы, разгоряченные сердца... Казалось, они просто наслаждались зимой.

— Где же ты была? — глаза Левиафана сверкали, как хрусталь, пропуская через себя лунный свет.

— Тебя ждала... — прошептала Лилит, целуя его.

13

Лилит скинула с него рубашку, покрывая его тело поцелуями, Левиафан быстро разобрался с корсетом, ведь он с XVI века знает все женские приبلуды и застёжки в одежде. Он был таким нежным, ласковым, его прикосновения сводили девушку с ума.

Как только они оказались в постели, Лилит увидела, как растут огромные белые клыки, которые с молниеносной скоростью впиваются ей в плечо. Алая кровь закапала на простыню, медленно спускаясь в ложбинку ключицы. Внезапно

Левиафан остановился и впился в девушку глазами, изучая ее лицо, словно увидел в первый раз. Он все сильнее прижимал ее к себе.

– Я люблю тебя... люблю... господи...

Девушка молча ответила взглядом, прибывая в забвении и пытаясь вернуть хоть частичку сбежавшего разума в голову...

Полумрак вокруг приносил блаженства в остывающую комнату после разбушевавшейся страсти.

– Левиафан, тебя можно убить? Как это сделать? – спросила Лилит, глядя в потолок.

– Лилит, дорогая, тебе было плохо? Чем я так провинился? – изумился он.

– Да нет, глупый. Это праздный интерес. Понимаешь, не каждый день оказываешься в постели с вампиром, который тебя любит... хочется знать о нём всё.

– Да, вампир тебя любит, а ты любишь вампира? – Левиафан взглянул ей в глаза.

– Эээ...ты слишком настойчив. Левиафан, я боюсь, что если скажу правду, всё это может закончиться плохо для кого-то из нас...

– А ты не бойся...

Левиафан нежно поцеловал ее пальчики. И каждое прикосновение пускало электрические импульсы в недра её тела.

– Боже ж ты мой... Левиафан...! – сорвавшимся голосом

крикнула она, отталкивая его.

Девушка вскочила с кровати и с задорной улыбкой уставилась на ничего не понимающего Левиафана. Она была не готова сообщать ему о своих чувствах.

– Не буду давить на тебя, милая. – Он тоже встал с постели и начал одеваться.

Девушка молча смотрела на него, за его действиями. Ей хотелось, чтобы он ушел. Чувства, о которых она не хотела говорить, с каждой секундой становились все сильнее, ей становилось все тяжелее бороться со своими желаниями.

В коридоре, перед уходом, молодой человек открыл дверь, бросил на девушку влюбленный взгляд и вышел из квартиры. Лилит свободно вздохнула. Сколько же сил ей стоило, чтобы не броситься умолять его остаться, а ей так хотелось этого!

Девушка отыскала свою записную книжку и нашла список имён на букву «Ф». Выбрала имя «Фабьен» и набрала номер. Три гудка и она услышала давно забытый голос одного из воздыхателей:

– Слушаю

– Фабьен?

– Ли...Лилит? Это ты? Не может быть? Я думал, ты совсем забыла про меня...

– Фабьен... Я хочу тебя видеть! Я соскучилась. – Томным голосом произнесла Лилит.

– Конечно, конечно, я буду через час!

Оставшееся время Лилит приводила себя в порядок. Она надела очень соблазнительные шортики, маечку, распустила волосы, подкрасила ресницы. Пока она собиралась, даже не заметила, как быстро стрелки часов пробежали по циферблату.

В дверь раздался звонок.

– Привет, – Лилит смотрел на светловолосого, кареглазого парня с цветами и тортом.

– Привет... – еле слышно ответил он.

Он все еще был зависим от этой девушки, от ее внешности, от ее характера. Он любил ее всю, но Лилит никогда не давала ему повода даже просто в мыслях допустить, что они могут быть вместе.

– Проходи, – улыбаясь, девушка пригласила мужчину.

– Господи, Лилит, я так рад тебя видеть! Ты даже не представляешь, как я скучал по тебе!

– Присаживайся. Чай еще горячий. Будешь?

– Да, если можно. А, это тебе кстати! – Фабьен, улыбаясь, протянул девушке цветы и торт, – тортик специально взял для тебя с орешками, как ты любишь, – он весь дергался сидя за столом от счастья.

Они премило болтали, сидя рядышком на диване, бесконечно долго пили чай, Лилит нервничала. Она взглянула на часы. Половина десятого. Лилит ждала.

– Потанцуй со мной? – попросила девушка, загадочно уставившись на молодого человека, а внутри все а ж тряслось

от понимания, что её коварный план воплощается.

– Лилит – Фабьен подпрыгнул на стуле. – Конечно, пойдем!

Они вошли в гостиную. Места для танцев там было предостаточно. Лилит включила какой-то плаксивый медляк и подошла к Фабьену.

Фабьен приобнял её за талию и пододвинул к себе. Лилит приподняла голову и с такой женственной, нежной улыбкой посмотрела на него, что он не выдержал и поцеловал её. Но тут же отпрянул и слегка зажмурился.

Последняя его попытка поцеловать Лилит закончилась сломанным носом. Случилось это пару лет назад, на одной из студенческих вечеринок. Весь вечер Фабьен сидел с Лилит, держал ее за руку, обнимал. И почему-то он был уверен, что у нее есть чувства к нему, что раз она сидит рядом, смеется, позволяет к себе дотрагиваться, то ее все устраивает. Кто ж знал, что как только он попытался поцеловать ее, Лилит махнет рукой, пытаясь прикрыться, и локтем сломает ему переносицу.

На сей раз, он увидел её лицо, пылающее добротой и нежностью. И Фабьен воспринял это как знак продолжать поцелуи, и Лилит позволила это делать, предвосхищая события.

Внезапно, входную дверь, практически вышибло с петель. В дверном проходе стоял Левиафан. Он был похож на разъярённого быка. Его грудная клетка тяжело вздымалась. Он часто дышал, гнев просто обуревал его. За его спиной не хва-

тало только грома с молнией. Вот он, весь план Лилит в действии.

Когда Жаклин рассказала ей о том, что видела Левиафана с другой женщиной, Лилит была готова убить его. Она решила отомстить, но более жестоко. Лилит только слышала о женщине, а Левиафан должен был увидеть её в объятиях мужчины. На роль мужчины очень хорошо подходил Фабьен. Он был самый красивый мужчина из всех её знакомых. Ну, конечно, до Левиафана ему было далеко, но всё же, сработало!

Вся сущность Лилит праздновала победу. Она чуть не растаяла от радости прям в объятиях Фабьена, которые стали гораздо слабее, потому что его внимание было сконцентрировано на раздувающихся ноздрях «быка», стоявшего в дверях. В одну секунду, Левиафан оказался около Фабьена. Он медленно склонил голову:

– Более глупого плана я еще не видел... но я тебе подыграю, дорогая.

Его чёрные глаза были полны гнева. Впервые Лилит могла разглядеть хоть какую-то эмоцию, выраженную в его глазах. И вдруг она поняла, что сейчас произойдет. Её глаза расширились от ужаса, брови поползли вверх. Паралитический ужас постепенно сковывал руки и ноги, лишая права голоса.

– Нет! – только и смогла еле слышно прошептать она, – не надо... умоляю!...

Между словами «нет» и «не надо», Левиафан успел ли-

шить Фабьена крови, тем самым лишая его и жизни, и переломать все его кости. Лилит стояла в мёртвом оцепенении.

Раньше, при просмотре фильмов, где выставлена на показ сцена сумасшедшего убийства, Лилит смотрела сквозь пальцы. Подсознательно она была уверена, что в этом нет ничего страшного. Подумаешь, убить человека! Простота. Она никогда не думала, что ее начнет тошнить, в глазах темнеть, голова будет кружиться, как после безумных карусель.

Закрыв глаза руками, потому что ей было невозможно смотреть на то, что осталось от пять минут назад жившего человека, Лилит отвернулась к стенке, уже даже не пытаясь сдержать слезы и отчаяние.

– Что ты наделал, Левиафан? – прорыдала она, даже не поворачиваясь к нему.

Мужчина подошел к ней, оттащил от стенки и уставился на зажмуренное лицо.

– Я наделал, дорогая? – прошипел он удивленно, – нет, милая, это что ты наделала? Открой глаза и посмотри, что ты наделала! Посмотри, что ты со мной сделала! Открой глаза! Я раскусил твой план, твою месть, жаль только вот сейчас, а не полчаса назад, тогда я бы сюда просто не пришёл. Ты, Лилит, ты подписала своему другу смертный приговор, пригласив его сюда, и зная, что я приду. Ты убила его, правда с помощью моих рук! В следующий раз я бы посоветовал тебе продумать свой глупый план лучше. – Левиафан наклонился к её губам – постарайся избежать убийств невинных людей, –

он чмокнул её и сел у противоположенной стены.

Лилит рыдала, держась руками за голову, нервно пошатываясь. Левиафан чуть ли не наслаждался этой упоительной картиной. У девушки потемнело в глазах от происходящего. Она никогда в жизни не видела мертвых тел, и тут в её же собственной квартире, посреди гостиной, лежит покалеченный труп её хорошо знакомого. Лилит снова закрыла глаза и ущипнула себя, в надежде, что сейчас проснется.

– Нет, милая, не старайся, это не сон, это – жестокая реальность! – Левиафан вскочил и подлетел к ней.

Он медленно склонился, чтобы посмотреть в её красные от слез глаза.

– Лилит! Никогда больше так не делай, слышишь меня? Никогда! Я убью любого, кто приблизится хотя бы на метр к тебе!

– Убери отсюда труп! – прорыдала Лилит.

Левиафан нахмурил брови.

– Убери его отсюда! Я больше не могу на это видеть! – Лилит закрыла лицо руками и погрузилась в самую натуральную истерику...

Левиафан закрыл входную дверь, поднял на руки Лилит и отнёс её на кухню.

– Посиди-ка тут пока я там разберусь!

Через десять минут Левиафан вернулся и проводил девушку до кровати.

– Лилит, послушай меня. Мы оба виноваты, ты согласи-

ла его, я увидел, и вспылil...

– Помолчи! – перебила его Лилит.

– Что? – Левиафан нахмурил свои роскошные брови.

– Я сказала – помолчи! – ещё громче повторила Лилит, но, увидев изумлённое лицо Левиафана, продолжила, – слушай, не надо со мной так! Я не пятилетняя Агата.

Резкий рывок вверх и Лилит повисла в вытянутой руке озверевшего вампира, как провинившийся щенок. Молниеносный страх за свою жизнь тут же промчался по всему телу, застыв в сердце, лоб покрылся холодной испариной, глаза расширились, умоляя оставить в покое.

– Не смей говорить об Агате, а уж тем более сравнивать себя с ней...никогда!

Девушка зажмурилась и что-то пропищала невнятное в ответ. Медленно невиданная сила поставила ее на пол. Когда Лилит подняла голову, Левиафана и след простыл, исчез и труп из дома, вот только мондраж по телу напоминал о том, что здесь вообще произошло.

14

«Надо как-то забыться, начать что-то делать, отвлечься от мыслей», Лилит бродила по дому.

Но при любом начатом деле, у неё всё валялось из рук, тело совершенно её не слушалось.

«Эта боль... она ходит по всему телу, как у себя дома...ей

нравится топтаться по одному и тому же месту, а потом, подливая на вытоптанные места уксуса, танцевать лезгинку... И для полного ощущения завершенности, ещё раз топтаться по этому месту... И так по всему телу, по каждой молекуле, по каждому атому. Боже, я нахожусь в таком положении, даже врагу не пожелаю испытать это. Если бы рядом был хотя бы кто-нибудь... Я гибну, невыносимые страдания... Пришло время безнадежности, это даже скорее бремя, и мне кажется, что я должна буду нести его всю жизнь. Если бы кто-нибудь смог заглянуть в моё сердце, он бы ужаснулся от вида пропасти в нём... Мне страшно... Перед глазами вся жизнь... Как будто пустота, причиняющая мне нестерпимые мучения. Эта тоска, которую никак не утешить, кажется, что она никогда не пройдет, а наоборот, будет расти с каждым днем всё больше и больше, и пропасть в моём сердце уже больше никогда не затянется... »

Гордость. Боль. Тщеславие. Эгоистичное «Я» кричит внутри, хочет выбраться наружу, цепляется когтями за глотку, раздирает в кровь внутренности. Лезет, лезет к свету. Оно хочет, чтобы помнили о любви к себе, оно требует любви к себе. Лилит не могла отказать себе самой в любви, особенно после такого поведения Левиафана.

«Я его забуду, его никогда не было в моей жизни!», девушка подошла к окну, «исчезни из жизни и из моей головы! Уходи! Я больше не позову тебя! Я себя люблю больше!».

Лилит оделась, ей нужно было выйти на улицу. Дома находиться было просто невозможно. Стены и потолок словно рушились на нее, угрожая своим бетонным весом раздавить сознание.

Гуляя по парку, она полностью погрузилась в мысли.

Убить человека с такой легкостью, словно сбросить фарфоровую куклу на пол... Лилит была уверена, что Левиафан хотел вызвать в ней чувство вины, доказать ей, что убил именно из-за нее.

Девушка вздрогнула, почувствовав внезапное прикосновение на шее. Мурашки пробежали по телу. Тысячи бездумных эмоций, которые тут же стали скрещиваться в хаотичном бардаке.

«Левиафан!»

– Прости, милая! – прошептал он ей на ухо, так мягко, так гипнотически-маняще.

– Не смей прикасаться ко мне, ты, чудовище! – Лилит отскочила от него, – Я не хочу тебя знать, уходи! Просто уходи!

– Гонишь меня? – Левиафан подошёл ближе, – Лилит, ты действительно хочешь именно того, о чём просишь?

«Господи, чего же я хочу? Надо признаться, что, по сути, я ведь не хочу, чтобы он уходил. Так.... А чего же я тогда хочу?».

Лилит молча пошла вперед, и чёрный, вампирский хвостик поплелся за ней.

– Ты молчишь? Видимо, ты боишься сказать ещё раз «ухо-

ди», потому что опасаясь, что я действительно уйду.

Лилит продолжала идти дальше молча, как будто ей язык отрезали.

«Ой, ой, ой... Что же делать? Я не желаю его больше терять, но и не желаю так просто прощать! И хочу и не хочу. Неопределенность. Как же я устала от неясности».

Она прошла ещё шагов десять и остановилась. Девушка обернулась, но в парке никого не было, только деревья, покрытые снегом и полумрак.

«Очуметь! Я что-то не поняла, что это сейчас было? Галлюцинации? О господи, я схожу с ума!».

Голова закружилась, ноги подкосились. Лилит еле успела сесть на ближайшую лавку. *«Тьма... Кругом... Что с моей головой... Мало воздуха, дышать нечем...»*

Лилит сидела, закрыв глаза, пытаясь прогнать туман из головы. Она сидела и не двигалась, боялась лишний раз шевельнуться, не зная, что выкинет ее организм дальше.

Как только Лилит показалось, что она чувствует себя лучше, она тут же открыла глаза. На всякий случай, девушка решила посидеть еще минут пятнадцать, дабы проверить свою вестибулярную систему, пришла ли она в норму или все шутки шутит.

Девушка сидела всё на той же скамейке, совсем одна, только на снегу, около лавки, были следы мужских ботинок.

А с неба падали большие снежные хлопья и казалось, что на улице словно теплело, словно вот-вот должна была воро-

ваться весна с ворохом поющих птиц, с венками жизни на голове, с просыпающимся солнцем. Но нет. Ничего не было. Ступала лишь зима, тихо, едва слышно, но уже ощутимо.

Лилит встала и не спеша побрела в сторону дома, прогулок с нее хватило. Снег хрустел под ногами, казалось, что снежинки кричали под подошвами сапог, они просили огромного великана не убивать их, а великан шел и не задумывался об убийстве маленьких, пушистых снежинок.

Тишина и спокойствие. Вокруг всё такое умиротворенное. Но люди не видят никакой прелести в зиме, они предпочитают скрыться в теплом доме, завернуться в мягкий, колючий плед, и тихо проклинать холода.

Лилит шла, пытаясь понять их отношения с Левиафаном. Всё так странно, они любят друг друга, они оба красивые, они оба эмоционально сильны, просто идеальная пара. Так в чём же дело? Почему они не могут находиться спокойно в обществе друг друга более одного дня? Даже когда они расходятся, они не могут сделать это мирно, без ссор, без упрёков, без злости. Почему? Ведь говорят, что хорошо вместе, тем парам, у которых есть что-то общее, что-то единое, которое их объединяет и соединяет в одно большое целое. Ну, так в чём же дело? У них с Левиафаном, были одинаковые интересы, но почему они тогда никак не достигнут единства? Самое странное, так это то, что все те пары, с общими интересами, они даже не всегда любят друг друга, но им всё равно хорошо вместе. Между Лилит и Левиафаном была силь-

ная любовь, убийственная страсть, но и это им не помогало быть более добродушными друг к другу, больше уважать друг друга.

Левиафан чего-то добивался в этих отношениях, но Лилит пока не могла понять, чего конкретно он хотел. Всё его поведение напоминало человека, который желает занять позицию лидера, стать главой, понимать только собственное «Я». Так было бы очень просто, ведь когда человек находится в позиции лидера, ему будет наплевать на желания своей второй половины. У него будет только одно желание – затоптать, забить морально, и каждый раз указывать на своё превосходство. А это обидно и больно!

«Этого не будет никогда! Я не позволю командовать собой! Максимум, что могу предложить – согласиться на компромиссы».

Лилит почувствовала резкий толчок сзади. Крепкая рука обвила ей шею, вторая рука заткнула рот.

– Тихо! – прошептал суровый мужской голос.

Сердце дико заколотилось, девушка поняла, что этот голос Левиафану не принадлежал. Она испытывала настоящий неподдельный, природный страх. Лилит чуть не потеряла сознание, когда осознала, что её тащат в подъезд. Зачем? Какую цель преследует этот негодяй? Она хотела спросить, что ему нужно от неё, но рука очень крепко зажимала её рот. Всё тело колотило от ужаса.

Страх потерять жизнь, ужасно подумать, что сейчас впол-

не вероятно, она просто перестанет ощущать и видеть весь белый свет. Такая юная, такая блестящая, хрупкая девушка будет убита... Но больше всего её пугало то, что она никогда снова не сможет увидеть Левиафана, ощутить его поцелуи, почувствовать его ласку и грубость... Её пугало даже то, что она никогда снова не услышит его колкостей и гадостей, которые он так любит говорить... Никогда больше не прижмется к его сильному телу и никогда не испытает его ледяной взгляд на себе...

Ей хотелось кричать, но только уже не от страха, а от того, что она отдавала себе отчёт о сложившейся ситуации: она теряет Левиафана, не успев толком его приобрести.

В подъезде, когда они ехали в лифте, как поняла Лилит, на последний этаж, руки выпустили её. Она развернулась к хулигану лицом.

Их оказалось двое, и глядя на них, Лилит захотелось умереть прям здесь, на месте, самой умереть, так как она понимала что эти двое могут с ней сделать. Но её мозг не хотел умирать, он сопротивлялся... Попытался сопротивляться.

– Ре... ребята, – заикающимся голосом, всё-таки выговорила она – не надо... У меня серьезные заболевания... венерического характера... Понимаете? Я...я... проститутка уже в течение семи лет. Seriously, у меня чего только нет, – сочиняла Лилит на ходу.

Ребята смотрели ей в глаза, на их лицах застыла наглая, жестокая ухмылка, которая не давала Лилит никаких шансов

на спасение.

Она окинула их взглядом, хотела запомнить, как они выглядят, хотя бы в общих чертах, потому что их лиц не было видно, только рты. Верхнюю часть лица скрывал капюшон и шапка, нижнюю – высокий вороник куртки. Один единственный рот, как мерзкий мираж в пустыне, с нахальной усмешкой.

– Да? Венерического характера и проститутка, да? Правильно мы поняли? – схватил её за горло один из них, тот, что повыше был.

– Д-д-да – голос подводил её своим дрожанием.

– Ты слишком напугана для проститутки! Но мы тебе, пожалуй, поверим! – сделал одолжение ей второй парень.

Похоже, они были в восторге, разглядывая пылающий страх в глазах девушки. Их забавляло её поведение, оно выдавало каждую эмоцию, каждое переживание и каждую ложь...

Двери лифта открылись, как и предполагалось, на последнем этаже. Они вытолкнули уже еле живую от страха девчонку из лифта.

– Дура! Раз у тебя куча болячек, то проверять мы это мы не будем. Но...! Если ты проститутка, значит, у тебя должен быть не плохой заработок, особенно потому что ты красивая и фигуристая, не так ли?

–...Да... – Лилит не знала, что ей делать дальше.

В кошельке у неё лежали совсем жалкие купюры, которые

совершенно не напоминали заработок проститутки. Но назад пути уже не было.

– Давай сумку сюда! Быстро! – протянул руку вор.

В тёмном углу лестничной клетки слышалось едва заметно шуршание, а затем проскочил мгновенный блеск. Странность происходящего на лестничной клетке заметили все, кроме Лилит. Она стояла спиной и была настолько перепугана, что вряд ли бы заметила ядерную войну.

– Что там за хрень в углу? Ты видел это? – спросил жулик друга.

– Видел, но я понятия не имею, что это...

Лилит нахмурилась, она уже вообще не понимала, о чём они говорят, и подумала что они вдобавок ко всему ещё психи или наркоманы, что напугало её ещё больше.

– Вы, уродцы... – раздался насмешливый, играющий голос – Кто же вас учил так с дамами обращаться?

Похитители смотрели друг на друга, озирались по сторонам, и переминались с ноги на ногу. Лилит прищурила глаза и вгляделась в темноту. «*Левиафан!*!». Она выдохнула с огромным облегчением, что чуть не потеряла сознание от радости. Теплая волна радости промчалась по всему телу, сердце затрепетало, приветствуя мистического друга.

– Позвольте мне, судари, преподать вам урок, как надо общаться с женщиной! – говоря, чёрная фигура приближалась к троице. – Во-первых, не стоит ей хамить, это же женщина, цветок, от хамства она не расцветет. Предлагать ей интим-

ную связь не надо. Она не будет с вами спать. Она любит себя и уважает. — Человеческие черты начали проявляться в тусклом подъездном свете. — Во-вторых, неужели вам не стыдно? Требовать у девушки деньги — это не принижает вашего мужского достоинства? Если, оно, конечно, у вас есть. В-третьих, — Левиафан стоял в пяти сантиметрах от высокого парня, — В-третьих, я готов кричать на весь мир, готов объяснять каждому человеку из миллиардов... я слишком люблю эту женщину, чтобы позволить хоть кому-то дотронуться до нее! — голова парня отлетела в тот самый угол, откуда вышел только что Левиафан.

Второй парень даже не смог моргнуть глазами, он просто стоял в ступоре, не мог пошевелить ни одной конечностью. Видимая дрожь пробежала по его телу. Его глаза были полны отчаяния и незнания, что делать, как избежать расправы. Губы дрожали и казалось, что он тихо-тихо шепчет и просит пощады.

— Ты дрожишь? — Левиафан принял эстафетную палочку по насмешке над человеческим страхом.

Вначале грабители насмехались и наслаждались страхом Лилит, теперь Левиафан упивался их страхом. Он схватил двумя руками голову парня и просто вырвал её из тела, как перо из чернильницы. Кровь брызнула Лилит на щеку, и только сейчас она осмыслила всё, что тут произошло, и вскрикнула. Левиафан подошёл к ней, взял своей кровавой рукой её и поцеловал.

– Здравствуй милая! Штанишки сухие? – язва из него так и лезла, даже в такой абсолютно не смешной момент.

Но Лилит в самой глубине души была рада ему и его яду, несмотря на то, что ей вновь нужно было время, чтобы прийти в себя, ибо убийство людей для нее не являлось нормальным обыденным днем.

– Левиафан... – Она продолжала смотреть в одну точку прямо перед собой, – за четыреста восемьдесят пять лет, ты научился только язвить и убивать? – она перевела взгляд на его лицо.

Его губы изогнулись в едкой ухмылке, глаза были холодными.

– Да! – с блаженством произнёс он, – это моё любимое занятие, потому что я научился отдавать себе отчет в том, что я делаю и зачем я это делаю. А ещё я научился любить, Лилит настолько сильно, что готов взорвать всю землю к чертовой матери, а тебя забрать на другую планету. И уж прости, что тебе не повезло стать тем, кого я люблю...

– Левиафан, ты дурак? Или ты прикидываешься? – Лилит взглянула на его ошеломленное лицо, – ты что, действительно не понимаешь? Ты убил троих человек за полтора дня. У тебя с мозгами всё в порядке?

– Послушал бы я тебя после того, как они сделали бы с тобой то, что хотели... и да, спешу напомнить тебе, дорогая, Фабьена убила ты, только моими руками. На мне только два трупа, так что, 2:1, играем дальше.

Лилит посмотрела на него и вздохнула. Ей ничего не хотелось ему отвечать... Он крепко обнял её и проводил домой.

Остановившись около двери в квартиру, Левиафан облокотился на косяк. Он смотрел, как Лилит хватая воздух, сидит в коридоре и пытается расстегнуть пальто. Его руки были все еще в крови, глаза пусты и печальны. Лилит все еще была в шоке.

– Я поехал... – тихо сказал он.

– Нет... – прошептала она, взглянув на Левиафана. – Не уходи... пожалуйста.

Вампир опустил взгляд и усмехнулся.

– О, как же трогательно звучит ...*пожалуйста* – передразнил он ласково девушку. – Почему ты не хочешь, чтобы я уходил?

– Не знаю, я просто не хочу оставаться одна, не хочу, чтобы ты уходил...

15

Через пару дней Лилит оказалась с легкой простудой: у нее был насморк и небольшой кашель, невысокая температура. В последнее время она слишком много находилась на улице, не всегда одетая по погоде. И, конечно же, она не могла не воспользоваться своим положением.

Левиафан был рядом. Он делал ей чай с медом, мятой и лимоном, Лилит забраковывала их: было мало лимона, много меда, а это что за трава? Он накрывал ее мягким пледом,

Лилит раскрывалась и упрекала вампира в том, что хочет смерти ее. Он закрывал шторы, когда она засыпала, но ее глаза тут же открывались и требовали пустить свет. Он приносил ей покушать, она говорила, что ей кусок в рот не лезет, он уносил тарелку, Лилит кричала, что ее морят голодом.

Левиафан внимательно следил за каждой ее реакцией, изучал каждую морщинку, каждое движение, каждый вздох. Он терпеливо улыбался, подыгрывая ее капризам. Он лежал рядом и гладил ее руку, Лилит задумчиво смотрела на его руку.

– Левиафан, а ты болеешь? – тихим голосом спросила она.

– Нет, уже очень давно не болел. Иногда, даже хочется, ну... можно сказать, что я даже скучаю по человеческой физиологии. Я могу делать все, что делает простой человек, даже поболеть, единственное, что нас различает, так это то, что у простого человека действительно существует потребность в том, что он делает, а я... А я делаю просто так ... Моя потребность – только кровь.

– Человеческой физиологии? Просто так? Но любовь и злость ведь тоже относятся к физиологии, к мозговой деятельности. Получается, ты меня обманул, сказав, что любишь? Ты это делаешь просто так? От скуки?

– Нет, нет. Лилит! У тебя поднимается сильный жар, поэтому я прощаю тебе твой бред. Под физиологией я подразумеваю такие процессы, как пить, спать, есть, писать... Но никак не любить..– Левиафан не успел договорить.

– Хватит уже! Я поняла, что ты имеешь в виду! – хриплым голосом попыталась прикрикнуть Лилит.

Левиафан взглянул на неё исподлобья и улыбнулся.

Практически впервые за месяц отношений с ним – это был первый раз, когда атмосфера была насыщена сплошным умиротворением. Тишина и спокойствие. Никаких эмоциональных встрясок и демонстраций характеров. Впервые они просто разговаривали. Они не боролись, не показывали свои нравы. Просто текла милая, непринужденная беседа между двумя влюбленными.

А ведь никто из них не верил в любовь с первого взгляда. А кое-кто даже отрицал любовь в целом, пытаясь изгнать её из своей жизни навсегда. Лилит, которая боялась подарить своё женское тепло, свою ласку кому-либо, лежала в постели и её сердце трепетало от то, что рядом тот, кому она готова дарить себя полностью.

– Расскажи, что было дальше? – попросила она.

– В смысле? Что ты хочешь услышать? – удивился Левиафан.

Лилит посмотрела на его лицо. Он смотрел на нее, слегка склонив голову, на губах застыла легкая улыбка, а глаза бежали по лицу Лилит.

«Я не хочу тебя терять.... Никогда... хочу быть с тобой вечно!»

– Как ты дальше жил, после того как уб...? – Лилит испуганно замолчала. – Как ты жил...

– После того как Агаты не стало, я начал собственную жизнь, о которой мечтал и которой хотел жить. Я уехал в Германию, прожил там ещё около тридцати лет. В то время в Германии шла эпоха Ренессанса, я видел много выдающихся людей, многим из них я кланялся и искренне уважал за то, что они делали. Можно сказать, я наблюдал становление современного мира. Я видел, как возводились наикрасивейшие сооружения, как менялась архитектура, как плавали эпохи и как менялись люди. Я наблюдал за величайшими из них, имена которых будут помнить ещё не одно поколение. Я был полностью погружен в эпоху Возрождения, которая плавно перетекла в эпоху просвещения... Золотой Век... А потом войны... Но я, думаю, тебе не очень будет интересно слушать об архитектуре и о войнах Карла I или о турецкой армии против Максимилиана II...

– Да, ты прав, история становления государств меня не очень интересует, как вообще-то и вся история мира, это меня порядком в университете утомило, – улыбнулась Лилит. – Мне больше хочется знать, как ты смог? Смог пройти через века, соответствовать каждому времени? Это же, наверное, очень сложно, с учётом того, что времена менялись с сумасшедшей скоростью. Сегодня ты привыкаешь к одному, а завтра весь мир уже совершенно другой... Сколько ты похоронил людей, которых любил или просто ценил и уважал? Это же ужасно... Столько потерять. Как ты ещё сам себя не потерял?

– Зря ты так говоришь, Лилит. Я многому научился за такое огромное количество лет! – ухмыльнулся Левиафан.

– Чему, например? – поинтересовалась Лилит.

– Я знаю много языков, знаю историю мира, психиатрию, математику и химию. Я потрясающе играю на скрипке и на пианино. Я досконально изучил медицину и почти что все ее отрасли. Я перечитал старейшие книги в оригинале. Я знаю латынь и древнегреческий. Я отлично разбираюсь в механике. Я знаю и умею еще очень много всего, так много, что простой человек никогда не смог бы осилить за свою короткую жизнь. В 1786 году я лично присутствовал на премьере оперы «Женитьба Фигаро» Моцарта. Я видел Моцарта! Я слушал его оркестр, партии струнных, и вот в тот самый момент, я понял, что хочу уметь играть на скрипке, как бог. Десять лет я учился играть и иногда, когда я осознаю свое мерзкое, одинокое существование в вечности, я беру скрипку и играю любимые мелодии разных композиторов, – когда Левиафан говорил, со стороны он выглядел очень мечтательным.

Похоже, сейчас он был где-то очень далеко от Лилит, где-то в своих мыслях. Лилит не верила своим глазам, она и думать не могла, что такого бессердечного вампира изредка пробивает на сентиментальность, хоть это и продлилось не более двух минут.

– Ты был женат? – спросила она.

– Конечно, нет! Женщины, как они только не старались, не могли удержать меня больше чем на неделю, но я всегда

ими пользовался, что бы утолить голод, – коварно улыбнулся он и провёл пальцем по щеке Лилит, – Я всю жизнь искал свободы.... И я её нашёл, чему теперь сам не очень рад.... Тогда я не понимал, что значит вольность! Первые лет пятьдесят я просто купался в этом раздолье.... А потом, она стала отягощать меня и угнетать душу. В тот момент я и решил отказаться практически от всех человеческих чувств, особенно от совести и жалости. Стыд за свои поступки, сожаление к людям, и не возможность свалить на другого человека свою вину – эти чувства очень отягощали мою свободу, мешали наслаждаться... Я решил жить проще – секс, кровь и ужас.

– Почему ужас? – не поняла Лилит.

– Ну, знаешь, когда я хочу есть, я предпочитаю кровь девушек, нежели мужчин. Истерики, которые они закатывают, просто завораживают. А их крики ласкают слух, и страх придает мне силы и увеличивает агрессию и желание сразу. Хрупкие, нежные цветки, – улыбнулся он. – Знаешь, я никогда не позволю обижать женщину в моём присутствии, но в то же время, я сам их обижаю, лишая жизни.

– Судя по разговору, возвращается привычный Левиафан? – поджав губы, спросила Лилит.

– Да, я не могу долго быть милым и нежным. Я осознал много реалий за свою жизнь. Поэтому стал таким вот чёрстным и циничным.... Но поверь Лилит, так проще жить. А про любовь мне сказать тебе нечего. Когда мне казалось, что я любил, в итоге я понимал, что это совсем не так, просто

страсть или влюблённость, но не более.... Любил я только себя, да и сейчас я себя люблю, но вот только ты появилась в моей жизни, приходится моему независимому сердцу делиться любовью с тобой, – горько усмехнулся он. – И честно говоря, Лилит, меня это очень пугает. Я не знаю, что делать с этой любовью, Лилит.... Как мне дальше быть? Тебе нужна эта любовь? Да что толку спрашивать, нужна она тебе или нет... Она есть...

– Нужна Левиафан! – выпалила Лилит.

– А зачем она тебе, Лилит? Зачем тебе любовь вечно молодого трупа? Ведь через двадцать лет, Лилит, у тебя появятся морщины, жировая ткань, ты станешь уже женщиной средних лет. Твоя кожа не будет такой нежной и гладкой, волосы начнут выпадать, а огонёк в твоих глазах, который меня так сильно влечёт, начнёт затухать... Лилит, я видел, как стареют женщины, я собственными глазами наблюдал, как сильно они не хотели стареть.... И потом, ты сможешь выходить со мной на улицу? Идти рядом со мной, держась за руку, а вокруг все будут оглядываться и ужасаться от мысли, что женщина такого возраста разгуливает с парнем, который ей в сыновья годится? Смогу ли я выходить с тобой? Лилит, тебе действительно это надо?

Слезы наворачивались на глаза. Лилит хотела возразить, но она понимала, насколько его слова были правдивы. Он говорил настоящую, горькую правду и ему самому было плохо от незавидной истины. Слеза всё-таки решила скатиться по

её бархатной щеке, Лилит всхлипнула.

– А что.... А что если, – она боролась собой, стараясь не зарыдать во весь голос. – А что если я стану такой же, как ты? – Лилит взглянула ему в глаза.

Он посмотрел на неё, нахмурил брови и сделал серьёзное лицо. В воздухе повисла жуткая пауза. Было почти слышно, как стучит сердце Лилит.

Наконец Левиафан шевельнулся. Он наклонился к её лицу так близко, что Лилит могла почувствовать его дыхание.

– Лилит. Я так боялся этой просьбы, я знал, что она рано или поздно вылезет из недр твоего мозга наружу. Помнишь, я сказал тебе о том, что если вдруг у тебя возникает план, то ты должна хорошенько его продумать, чтобы не получился глупый итог? – спросил Левиафан, сохраняя серьёзность на лице.

– Помню, – тихо прошептала Лилит.

– Ну, так вот, ты игнорируешь мои советы! Лилит, это глупый план! И знаешь почему? Если ты не хочешь думать, то позволь, я подумаю за тебя! Ты знаешь, что такое **вечность**? Вечность – это не время, это не одна жизнь, Лилит, это не секунда и не мгновение. Вечность.... Вдумайся в это слово, Лилит! Вы, глупые люди! Вы не мертвецов бояться должны, не войны и не смерти, вы вечности должны бояться! Глупцы! Я сбился, какая ты по счёту женщина, которая просит меня «одарить» её вечностью. Лилит бойся.... Бойся быть **вечно** живой! Поверь мне, одиночество – это фигня по сравнению

с тем, что ты испытываешь после хотя бы ста лет жизни, когда от тебя уйдут все твои близкие и друзья. Жить **вечно** – это значит, что ты больше не подчиняешься времени, у тебя больше нет ничего, нет начала, нет конца, нет продолжения, и раз за разом ты это начинаешь понимать, но уже слишком поздно... Лилит, подумай! И забудь об этом!

Лилит молчала и смотрела на Левиафана глазами полными слёз. Он мог только попытаться отговорить её и больше ничего. Левиафан отвёл глаза и закатил их.

– Да, ну и дела. Я одного не могу понять, за пятьсот лет моего существования и всех остальных существ, только вампиры имеют свойство умирать? Люди в каждом веке всегда будут такими бестолковыми?

– Левиафан! – крикнула Лилит, – но что если я хочу провести с тобой эту вечность. Что мне тогда делать? Сказать, что это глупая мысль и просто выкинуть её из головы?

– Да. Лилит, это было бы идеально, если бы ты так сделала. Ты со мной не продержишься и ста лет.... А дальше? А дальше, тебе придется существовать самой.... Одной! Лилит, пойми ты смысл и суть слова «Вечность» и сопоставь это с тем, на что ты действительно способна!

Левиафан вскочил и исчез, точнее он вылетел словно пуля из квартиры со скоростью света. Лилит осталась одна. Делать ей было нечего, кроме, как разразиться истерикой.

Левиафан стоял под дверью её квартиры. Он слышал каждую падающую слезинку, он слышал каждый вздох и каждый

стук сердца. Он чувствовал её боль, он понимал её состояние. Он ушёл, чтобы не видеть, но остался, чтобы слышать и чувствовать, что с ней всё будет в порядке, что если вдруг какая-нибудь очередная глупость взбредет ей в голову, то он успеет её вытряхнуть оттуда, не дав обосноваться там. Лицо Левиафана исказилось от горя и сожаления, от злости на себя, на свою беспомощность.

16

Когда Лилит уснула, Левиафан вернулся в квартиру. Он сел на край кровати и уставился на спящую девушку.

«Глупая девчонка! Ты даже не знаешь, о чём просишь... Я не готов жертвовать твоей жизнью, обрекая тебя на бесконечные муки и блуждания в мире, где нет ничего, кроме огромной и бесконечной пустоты. Там нет содержания, там нет цели, Лилит, там нет людей, просто заброшенность и осиротелость. Там нет ничего, только ты и этот безжалостный вакуум, который никогда больше тебя не выпустит из своих цепких объятий. А ты будешь настолько измучена, что даже не сможешь почувствовать боль от безысходности, потерю себя, как человека, страх быть опустошенной... Лилит... Ты такая дуручка! Я никогда не сделаю этого с тобой. Я не хочу, что бы к моей отчаянности и пустой вечности присоединилось ещё и чувство ответственности за то, что я с тобой сделал бы. Чувство-

вать ответственность, когда я услышал бы крики, обвиняющие меня в содеянном. Нет. Лилит, я так не хочу. Живи и радуйся каждому вздоху, каждому движению, всему, что окружает тебя. Мне вот, вечность не позволяет этому радоваться. Живи ради себя, ради своего будущего, а я проживу с тобой твою жизнь, а не ты со мной мою вечность. Сколько бы я не встречал вампиров в своей жизни, Лилит, у всех у них в глазах был только пепел, оставшийся от того жизненного огонька, который когда-то привлекал и вселял уверенность. А сейчас только прах, нет даже намёка на одну мельчайшую искорку, которая смогла бы снова разжечь свет в душах отрешенных. Лилит, я ничего страшнее в жизни не видел, чем то, что я видел в глазах других вампиров...» – Левиафан вздохнул, – «Ты знаешь, если бы ты мне предложила умереть вместе, вместо «жить вместе вечно», я бы подумал. Отправиться на тот свет вдвоём – этот план намного интереснее, чем отправиться в небытие. Жаль, что это мои мысли, а не твои!» Левиафан окинул взглядом спящую Лилит. «Почему же всё так не справедливо? Я пришёл любить тебя, Лилит, а не убить; А ты просишь уничтожить твою душу и оставить только тело...» – Он усмехнулся, – «Но хорошее, совершенное тело и лицо...»

Лилит завертелась в постели, её рука свалилась вниз, а лицо повернулось в сторону, где сидел на полу Левиафан, погрязший в своих мыслях. Она вздохнула, и прядь волос упала на щеку.

«Я знаю, Лилит, ты не проснёшься... Твой сон в моей власти...», он медленно подполз к ней, аккуратно дотрагиваясь до ее руки.

Осыпая её горячую ладонь поцелуям, Левиафан оскалил клыки и нежно, почти безболезненно прокусил ее запястье. Лилит что-то пискнула во сне и поморщилась. Левиафан наслаждался её теплой кровью, которая струилась уже по его венам, обжигая его изнутри.

Внезапно его глаза налились яростью. Он встал, гордо вскинул голову, посмотрел на Лилит свысока с гневным выражением лица. Через секунду другую, он свое запястье, и одним быстрым движением рука оказалась над умиротворенно вздымающийся грудью Лилит. Он глубоко дышал, надменно смотря на девушку, начал опускаться всё ближе к ней. Едва дотронувшись до ее лица, вампир приоткрыл ей рот. Медленно он начал подносить к её рту руку, где была порвана вена.

Внезапно Левиафан остановился. Его высокомерный взгляд всё так же был направлен на лицо Лилит. «Нет!» – крикнул он про себя. Ярость полностью овладела им. Его лицо обезобразилось страшной гневной рожей.

«Я не могу! Чёрт, Лилит! Я не могу сделать этого с тобой! Это был единственный способ убедиться окончательно, что я люблю тебя и твою жизнь, больше чем свою. Я могу, и хотел бы остаться с тобой на веки, но... Я ненавижу себя, я... Я ненавижу тебя... Я не могу сделать это! Ли-

лит, я слишком люблю тебя! Я слишком люблю себя, чтобы потом винить... Я слишком боюсь».

Лилит открыла глаза. Она посмотрела вперед. Увидела руку Левиафана, из неё капала чёрная кровь ей на шею. Она перевела взгляд на его лицо и чуть не рассмеялась. Открытый рот, выпученные глаза, застывший ужас вперемешку с удивлением на лице, взъерошенные волосы, кровавый рот. «Агнец Божий прям!»

– Что здесь происходит? – спросила Лилит, – ты, что тут исполняешь? Левиафан, эй?

– Проклятье! Лилит! Тебе не спится что ль? – Левиафан не знал, как выпутаться из этого шаткого положения.

– Нет. Как, по-твоему, я должна спать? У меня вся шея в липкой крови, и кто-то открывает мне рот! Ты считаешь, что это очень способствует сну? – спросила Лилит.

Левиафан отвел глаза в сторону и сделал виноватый вид. Лилит подняла руку и увидела своё запястье. «Так, времени даром не теряешь, да, Левиафан?»

– Левиафан, как на счёт того, чтобы разъяснить мне всё, что здесь произошло и поведать о том, что ты собирался сделать? – строго спросила Лилит.

– Я... я, это, не знаю, как тебе объяснить... – заикаясь, сказал Левиафан.

– Ну, ты уж постарайся, я понятливая! – улыбнулась Лилит.

– Я хотел сделать то, о чём ты меня попросила... Но я не

смог... Я не могу заставить тебя скитаться...

Лилит сурово посмотрела на него, *«Очень жаль, Левиафан, что ты настолько слаб. Очень жаль! Но я не буду больше тебя об этом просить!»*

– Левиафан, я больше никогда не попрошу тебя об этом. Я прошу только один раз, больше я не могу заставлять себя унижаться перед тобой и умолять. Если ты захочешь, ты придешь и сделаешь это сам. В свою очередь, я обещаю тебе, что постараюсь сделать всё возможное, чтобы ты сам захотел моей перемены. Вынудить тебя понять, что ты останешься один, как и раньше, как и всегда! Левиафан, ты останешься пуст внутри и глух снаружи без меня. И когда я умру от старости, ты вспомнишь об этом разговоре. Скажи мне, тогда, когда это случится, ты будешь винить себя за то, что ничего не сделал? Или ты встретишь другую Лилит, проведешь с ней её бурную молодость, как и со мной, а потом исчезнешь из её жизни, как собираешься исчезнуть из моей? – грустно спросила Лилит.

Она знала, что он не ответит ей честно, что скорее всего, он даже что-нибудь придумает оскорбительное, язвительное, то, что заставит Лилит прекратить этот, по сути, напрасный разговор.

– Я только что чуть не совершил ошибку, о которой я бы, конечно, забыл, но не сразу...

– Ты должен напоить меня своей кровью и потом убить, чтобы я стала такой же, как ты? Или... как это работает?

– Нет. Тебе достаточно просто выпить моей крови. Достаточно, чтобы одна капля оказалась в твоём организме.

– Так просто? – изумилась Лилит. – Тогда зачем Агата убила тебя после того, как дала тебе крови?

– Чтобы я не мучился...

– ? – Лилит не поняла, что он имеет в виду под словами «не мучиться».

– Мда, до понятливой тебе ещё далеко, Лилит! Кровь вампира – это как очень, очень опасный, смертельный вирус. Самый сильный яд не сравнится с тем, что течет у меня в венах. Когда кровяные тельца вампира попадают в кровяное русло человека, они начинают убивать его жизненно-важные клетки, в том числе эритроциты, тромбоциты, и, конечно же, ни чем не заменимые лейкоциты. Весь химический состав крови провоцирует глобальные изменения в организме. Вампирские клетки замещают мертвые человеческие своим химическим составом, и начинают свою собственную жизнь. Ну и вот, после этого человека уже нет, есть что-то новое, бессмертное и сильное... Но за то время, пока все клетки организма перерождаются, человек испытывает такие мучения, что девятый круг Данте покажется раем для него. Поэтому, по дружбе или по любви, вампиры освобождают от мучений свою игрушку, убив её.

– Левиафан! Ты вообще обнаглел? Вы считаете людей игрушками? – гнев пронзил лицо Лилит. Её аж затрясло всю от злости. – Это значит, что я всего лишь безделушка в тво-

их руках? – Лилит всё больше и больше злилась, – захотел поиграл, захотел выкинул, захотел обнял?

– Люди? А кто же вы есть, если не игрушки? – спросил он со стеклянным выражением лица.

– А игрушки тебя когда-нибудь били? – спросила Лилит и залепила ему пощечину.

Левиафан поднял глаза и посмотрел на неё. Она сидела на постели с гордо поднятой головой и смотрела ожидающим взглядом на него. Казалось, что она совсем его не боится, но это было не так.

После звонкой оплеухи, у Лилит чуть сердце не выскочило от страха, когда она осознала, что сделала, но виду решила не подавать. Пока ее лицо выказывало смелость и наигранную отвагу, внутри, под коленями, все сводила от страха, желудок заболел от нервов, а ладони вспотели.

Левиафан смотрел на неё, он явно был взбешён, и даже не пытался это скрыть. Он сжал губы, издал какой-то неестественный звук, напоминающий то ли вздох, то ли негодование и заговорил.

– Лилит! Тебе крупно повезло, что я воспитан в те времена, когда женщина могла отрубить тебе яйцо, а ты, в ответ ей ничего не мог сделать, потому что, упаси Боже, если с её светлой головы упадет хоть один волосок, тебя бы сразу посчитали обесчещенным и низким мужчиной. Да и вообще мужчиной бы больше никогда и никто не назвал бы. Но сейчас другое время, женщины обнаглели. Вы боретесь за права

быть ровней мужскому полу, а это значит, что мы можем вам ответить, без всяких угрызений совести. Но я не буду, я дам тебе шанс одуматься. Но я хочу тебя предупредить, ещё одна попытка повторить то, что ты сделала только что... Я тебя уверяю. Ты вряд ли захочешь меня увидеть снова после моего ответа на твою попытку! – размеренным, спокойным голосом сказал Левиафан. – А было бы ещё лучше, если бы ты извинилась за свою выходку! – настойчиво потребовал он.

– Слушай, я просто поражаюсь тебе! Ты вообще адекватен? Я не собираюсь извиняться перед тобой за то, что ты оскорбил меня, обозвав игрушкой. И знаешь что, уходи отсюда! Я тебя видеть не хочу! Иди и найди другую игрушку себе для развлечений, это ведь не проблема! А потом ты с ней придешь в какой-нибудь клуб, чтобы позлить меня! – выпалила Лилит на одном дыхании.

Левиафан наклонился, взял её за руку и поцеловал.

– Я сказала, убирайся отсюда! И не приходи ко мне до тех пор, пока ты не начнёшь считать меня живым человеком с эмоциями!

Левиафан застыл, его губы прижались к коже её руки, только глазами он посмотрел на неё. В одну секунду Лилит поняла, что её рука опускается в воздухе сама, её уже никто не держит и не целует. Он ушёл.

«Ничего, дорогой мой, я тебя больше не позову. Я знаю себе цену и называть меня игрушкой – это уже сверх наглости!»

«Есть один очень сильный и прекрасный метод, благодаря которому можно с легкостью вызвать все нужные эмоции. Ревность. Я заставлю тебя ревновать» – подумала Лилит. «Только на этот раз я буду с людьми, чтобы психованный Левиафан никого не прибил!»

Лилит накручивала волосы: «А что, если он не станет ревновать? Если люди для вампиров игрушки, то в таком случае, он может просто оглядеться вокруг и найти новую игрушку, ему это будет не сложно сделать, тем более с такой-то внешностью... И что тогда делать? Переломать ноги новой игрушке?»

Лилит вышла из дома и села в такси. Она собиралась в кафе. Ей срочно нужно было попить свежесваренного кофе и насладится чизкейком.

Девушка задумчиво смотрела в окно на пролетающие мимо деревья и дома, на грязно-белые сугробики вдоль дороги, на людей, бегущих по домам, греться.

В сумке зазвонил телефон. Лилит посмотрела на номер: «Жаклин»

– Да! – ответила она на вызов.

– Дорогая, ты где? Я только что звонила тебе на городской, но никто не подошёл к трубке.

– Я еду в кафе, ужасно хочу кофе. Хочешь, подъезжай к

нашему любимому месту, поболтаем. Мне сейчас друг не помешает.

– Конечно! Я как раз тебе звоню, что бы предложить встретиться, но ты меня опередила! – рассмеялась Жаклин. – У меня, кстати, к тебе будет предложение.

– Да? Интересно! Обсудим при встрече, – ответила Лилит и положила трубку.

Она убрала телефон и снова погрузилась в мысли.

«Этот человекоподобный вынуждает меня играть, и игра эта, ну очень, похожа на шахматы. Только вот что интересно, когда короля свергают на шахматной доске, его убирают в коробку и в следующей партии он снова на коне. А что если кто-то из нас проиграет? Нас же нельзя убрать в коробку и снова достать, когда захочется. Хотя в одну коробку нас точно можно положить...это – гроб. Неужели он хочет закончить игру таким исходом, как смерть? Может он, поэтому меня отталкивает, потому что боится, что я проиграю? Что я упаду и никогда больше не встану? Но если он этого боится, тогда зачем он начал эту игру? Его цель – провести весло вечность? А я ему нужна для этого самого веселья?»

– Мы приехали! – сообщил таксист.

Лилит расплатилась с ним и пошла в кафе. Официант проводил ее к столику и начал терпеливо жать поодаль, когда гостя будет готова сделать заказ.

– Решили, что будете заказывать? – спросил он её через

пять минут.

– Э... Кофе, пожалуйста, и чизкейк с клубничным джемом – заказала Лилит.

– Кофе какой?

– Капучино

Лилит сделала глоток божественного кофе и уставилась прямо перед собой, теряясь в мыслях. Входная дверь открылась и в кафе вошла Жаклин, а за ней ещё два парня. Первый был Марк.

«Очень странно! Жаклин второй раз с одним и тем же парнем? Да это даже не странно, это очень удивительно. Может мне кажется? Что это с ней? Заразилась слабоумием от меня?»

Второй парень оказался ещё более странным. Это был Левиафан.

«Проклятье! Он чего тут делает? Как он оказался тут, вместе с Жаклин, которая пришла на встречу со мной? Мда... Вообще уже ничего не понимаю!»

– Привет, дорогая! – расплылась в улыбке Жаклин, – Смотри, кого мы встретили – она показала на Левиафана.

Он как всегда в своём репертуаре, стоял и улыбался, пытаясь всех сразить своей привлекательностью. Он смотрел прямо на Лилит, не моргая. Его улыбка казалась «слегка» странной, так смотрят волки на зайцев. Только они не лыбятся так, как он.

– Привет! – изобразила улыбку Лилит, – интересно, – про-

тяжным голосом она продолжила, – где же вы нашли эту «жемчужину»?

– Было бы правильнее сказать, что это он нас нашёл. Мы с Марком стояли и ждали такси, остановилась чёрная машина, за рулём которой оказался Левиафан. Ну, мы естественно предложили ему поехать с нами. О, дорогая! Он рассказал нам, какие у вас шикарные взаимоотношения, о том, как ты его любишь, и как он тебя. Вы, оказывается, жить друг без друга не можете, да?

– Да неужели? – переспросила её Лилит.

А про себя подумала, *«Ах ты, кровососущий! Ты всё знал, ты специально всё это подстроил, не так ли? Наговорил им всякой чуши, зачем?»*.

Лилит улыбалась про себя и поражалась настолько хитрым и продуманным ходам Левиафана. *«Откуда же ты только знаешь все мои действия на шаг вперед? Я это выясню обязательно!»*

– Да ладно тебе, Лилит. Скажи правду, ведь ты ж меня любишь! – всё с той же улыбкой и сарказмом спросил Левиафан.

Лилит взглянула на Жаклин с Марком. Их удивленные, полные ожидания лица загоняли её в тупик. Не могла же она при всех вот прямо сейчас сказать Левиафану о своих чувствах, а особенно после того, что он ей сказал о своих чувствах к людям, и в том числе к ней.

– Жаклин, может, вы присядете? Что вы стоите-то над ду-

шой! – вздохнув, спросила она.

– Лилит. Ли-ли-т? Неужели ты меня игнорируешь? Милая моя девочка, как ты можешь так поступать со мной? За что ты так? Ты разбиваешь мне сердце! Ответь мне! – Левиафан начал разыгрывать комедию.

«Я ведь действительно разобью его тебе...», Лилит начала потихоньку раздражаться.

Глядя на её гнев, лицо Левиафана сияло от наслаждения и, вообще, самой нелепости всей ситуации. Он купался в её бешенстве, чувствовал её злость, он специально провоцировал её. Левиафан просто соскучился.

Жаклин и Марк стали невольными свидетелями только что сочиненной пьесы Левиафана. Да, не совсем изысканной, качественной и вовсе не поучительной, но мужчине она нравилась. Одно было ясно, грозный вампир, которого знала Лилит, казался жертвой.

«Ты готов распрощаться с сердцем и душой, Левиафан!», усмехнулась она про себя. *«А ты не боишься проиграть?»* – как бы мысленно спросил её Левиафан, видя по её глазам, что она приняла вызов. *«Нет»* – взглянула на него Лилит.

– Понимаешь, Жаклин, Левиафан отвратительно себя ведет! Он сказал, что все женщины в руках мужчины – игрушки! Представляешь? Такие пустые, бестолковые куклы, в которые они играют! – Лилит строго смотрела на искаженное от негодования лицо Левиафана.

Жаклин бросила обидчивый взгляд на него.

– Я, пожалуй, лучше присяду – закатив глаза, сказал Марк.

– А я думаю, что лучше не стоит! – сказал Левиафан, не отрывая взгляда от ядовитой улыбки Лилит, – поехали ко мне? Все! Поехали! – обосновал он свою просьбу.

Жаклин, которая любила расхаживать по чужим квартирам, тут же забыла об игрушках и расплылась в улыбке. Марк так и стоял в нерешительности и чесал затылок. Лилит не знала, что ей делать. Левиафан протянул руку над столом и высыпал кучу мелочи за кофе и торт, и этой же рукой поднял её.

– Милая, без тебя я просто не смогу уехать! – улыбнулся он и поцеловал ей руку.

– Хорошо – ответила Лилит и пошла за ними к двери.

Левиафан открыл перед ней дверь машины, усадил её на сиденье и пристегнул. Ребята сели сзади. Машина тронулась и легко покатилась в сторону пригорода.

Лилит достала мобильный из сумки и начала писать сообщение:

«Это просто невозможно! Ты просто невозможен!»

«А я от тебя без ума. У нас все взаимно, дорогая»

«Левиафан, ты не вампир... ты упырь!»

У Левиафана завибрировал телефон, он прочитал сообщение, хмуро взглянул на Лилит и ответил:

«Я больше чем упырь! И я дам тебе возможность в этом убедиться!»

Лилит посмотрела на него, почти безнадежным взглядом и сказала вслух, но тихо:

– Поздно, я уже убедилась...

Оставшуюся дорогу они ехали молча, изредка бросая взгляды друг на друга. Краем глаза Лилит любовалась сидящим рядом мужчиной, подглядывала как легко он переключает скорости, как плавно тормозит, как хмурится и щурится, разглядывая очередного имбецила за рулем, творящего на дороге не пойми что. Она смотрела, как блестят его глаза, в которых словно в зеркале, отражалось зимнее солнце и бегущая впереди дорога.

Каждый брошенный взгляд она скрывала, каждый вздох в его сторону – все должно быть тайком... Но Левиафан все видел.

Он сам смотрел на девушку, на изысканную картину, которая принадлежала ему. Может Лилит и не знала, но Левиафан был сентиментален до кончиков пальцев. Ему хотелось укрыть заботой девушку, отдать ей все, что она захочет, потому что ему просто хотелось смотреть на то, как она улыбается, как блестят его глаза, как она пристально прожигает его взглядом, в котором читались слова любви, но сама она оставалась немая, потому что слишком гордая и слишком застенчивая в признаниях.

А Жаклин с Марком что-то бесконечно обсуждали между собой. Точнее Жаклин обсуждала, а Марк соглашался.

Дом Левиафана находился за городом, примерно сорок

минут езды. Это был даже не дом, а скорее особняк.

Апартаменты были что надо – просторные, светлые и буквально на природе. Там было около пятнадцати комнат для гостей, и это одних только спален. Несколько гостиных, в каждой комнате ванная и туалет. В задней части дома располагался бассейн. Все здание, и внутри и снаружи, было сделано в темных тонах. Утонченная старомодность вперемешку с готическим стилем архитектуры. Тяжелая психологически цветовая гамма для восприятия, но с дизайнером не поспоришь.

Ребята остановились у огромной входной дубовой двери. Вампир украдкой бросил взгляд на свою девушку. Она задумчиво смотрела в пол, не обращая ни на что внимания.

Левиафан открыл дверь и жестом пригласил всех войти. Лилит взглянула на Жаклин, чувствуя, что подруге может понадобиться помощь. Так оно и было. Жаклин, чуть ли за сердце не хватаясь, держалась за косяк.

– О Боже, Левиафан! Ты, правда, правда, живешь здесь? Это действительно твой дом? – задыхаясь, спрашивала она.

– Да, это дом моих предков, они жили когда-то в этой стране, – соврал вампир.

На самом деле, когда Левиафан рассказывал Лилит о своих гуманитарных достижениях, он не упомянул о материальных достижениях. За почти пятьсот лет существования у Левиафана была грандиозная возможность скопить деньги, и таких возможностей была куча. И Левиафан не раз пользо-

вался ими.

Он купил этот дом пару месяцев назад, потому что привык жить в роскоши. И не смог себе отказать в этом и здесь, обойдясь двух– или трехкомнатной квартирой. Ему всегда нравилось и очень льстило, что женщины смотрят на него не просто как на сексуальный объект, а ещё и как на обеспеченного мужчину.

То же самое происходило и сейчас... но только не с Лилит. Её либо действительно не интересовал весь этот шик, либо она очень умело притворялась. Она прошла в гостиную, даже не посмотрев на комнату в целом. Она смотрела только перед собой.

– Что у тебя есть выпить? – спросила она его, вместо того, чтобы расхвалить весь дом.

– А что желает дама? Я думаю, у меня найдется всё! – Левиафан взял её за руку посмотрел ей в глаза. Лилит не выдержала и улыбнулась, сказав, что дама желает бокал рома с лимоном и со льдом.

«Ты, маленькая стерва! Я так и думал! Ты знала, что у меня есть любая выпивка, разной выдержки, но ты так же и знала, что у меня нет еды в доме! Я рассчитывал обойтись заказом пиццы!», злобно подумал про себя Левиафан.

– Сейчас будет, милая! – пропищал он тонким голосом, расплываясь в злобной улыбке, – кто-нибудь ещё хочет апельсины, мандарины или ещё какие фрукты или овощи? – с долей иронии спросил он Жаклин и Марка.

– Нет, спасибо. Мы просто выпьем и если что, закажем что-нибудь! – ответила Жаклин.

«Ну, хоть у кого-то в голове присутствуют здравые мысли!», рявкнул про себя Левиафан.

– Хорошо, вы пока располагайтесь, где вам будет удобно, а я скоро вернусь! Всем значит ром, а вам, леди, ром с лимоном! – уточнил он нервно.

– Да, всем ром, – ответил Марк.

– А мне, сэр, с лимоном, – твердо сказала Лилит.

Левиафан выскочил за дверь и понесся, словно ветер в ближайший магазин, так быстро, как раньше никогда не бежал. «Чёртов лимон!»

– Что это шелкнуло? Дверь? – спросила Жаклин, озираясь по сторонам.

– Да нет, это, наверное, холодильник – успокоила её Лилит. Она-то ведь знала, что сейчас Левиафан несется со скоростью света за лимоном, проклиная всех и вся.

– Лилит, дорогая! У него шикарный дом! Я бы... – но Жаклин не смогла договорить.

– Жаклин, что бы ты – это неважно! Важно то, что я! Если мне понадобится твой совет, я спрошу тебя об этом, хорошо? А сейчас, давай поговорим о чём-нибудь другом – отрезала Лилит.

– Хорошо, милая... Я просто – попыталась оправдаться она.

– Жаклин! – прикрикнула Лилит, – а почему Марк такой

молчаливый?

– Ой, – сразу же заулыбалась Жаклин, – просто очень стеснительный.

– А вот и ром! Сударыня, а вот и Ваш ром с ли-мо-ном! – почти по буквам произнес это слово Левиафан.

– О, благодарю! – улыбнулась ему в ответ Лилит.

Две парочки поболтали почти до двенадцати ночи, когда Жаклин поняла, что им пора домой. Ей, конечно, не хотелось уходить, но она поняла по лицу Марка, что Лилит и Левиафана следует оставить наедине. Им было что обсудить.

– Левиафан, ты не мог бы вызвать такси? – спросил Марк.

– Конечно, дайте мне ваш адрес, куда вас вести, – попросил он.

– Я поеду с вами. – Сказала Лилит.

– Милая моя, я бы хотел, чтобы ты осталась. Мне так одиноко в этом большом доме без тебя... – странным голосом произнес Левиафан.

– Да, Лилит, дорогая! Я тоже думаю, что тебе стоит остаться. По-моему у вас есть какие то проблемы и их надо решать, а не бежать от них, – полебезила Жаклин.

Через полчаса Левиафан проводил их до дверей машины и вернулся в гостиную, где оставил Лилит. Она стояла посреди комнаты и презрительным взглядом смотрела на Левиафана. Он медленно подошел к ней, в его глазах горела дикая страсть, а на лице застыла лукавая улыбка.

– Если ты думаешь, что я хочу с тобой разговаривать

или иметь какие-то другие дела, то ты глубоко заблуждаешься! Проведи меня, пожалуйста, в комнату, где я смогу лечь спать, – жестко сказала Лилит.

Левиафан остановился и внимательно посмотрел на девушку. Она молчала, окидывала его лишь сумрачным взглядом. В тот момент они оба даже не осознавали, насколько сильно нравятся друг другу, насколько сильно они хотят, чтобы кто-нибудь из них сломал очередное «нет».

Левиафан молча взял её за руку и повел на второй этаж. Он открыл двери и указал Лилит жестом на комнату.

– Она в твоём распоряжении! – нежно прошептал он и поцеловал её руку.

Он развернулся и вышел, закрыв за собой дверь. Лилит огляделась.

Два огромных окна, несоизмеримая кровать с черным бельём посреди комнаты, королевские шторы XVI века, косметический столик из черного дерева около стены слева – всё это напоминало царские апартаменты.

Лилит подошла к кровати. На ней лежала белая ночная сорочка. Она ещё раз огляделась, вздохнула и начала переодеваться. Сорочка очень мягкая и нежная, задняя её часть тащилась по полу.

Лилит распустила волосы и залезла в постель.

«Так холодно и пусто... прямо как у меня дома... Неужели он не придет?».

Лилит ждала Левиафана около получаса. Он не пришёл. И

потом девушка начала засыпать. Ей уже снился сон, она уже проваливалась в какую-то страшную, чёрную и бездонную яму, когда внезапно, услышала встревоженные звуки скрипки. Именно они вырвали её из цепких лап сна.

Звучание медленно двигалось по этажу и остановилось у дверей комнаты, где спала Лилит. Неожиданно двери раскрылись, как будто невидимая сила вышибла их, и на пороге появился силуэт мужчины. На нем были надеты лишь одни штаны, на его плече лежала скрипка, а рука, смычком гладила струны. Что-то такое отрывистое, настораживающее, до боли приятное вырывалось из скрипки. Левиафан всё ближе подходил к кровати, Лилит сурово смотрела на него.

– Эта одна из моих любимых сонат – тихо произнёс он после того, как скрипка замолкла.

– Ты что, окончательно свихнулся? Что всё это значит? – потребовала Лилит объяснений.

– Я пришёл поговорить, дорогая! Истолковать тебе мою мысль, которую ты естественно не правильно поняла. – Оскалил клыки Левиафан.

– Это какую же? Захотел поговорить об игрушках? – обиженно спросила она.

– Да, Лилит. Когда я сказал о том, что все люди игрушки в руках вампира, я имел в виду серую массу.

– Левиафан! Я так похожа на дуру? Или у меня такие большие уши, а у тебя большая кастрюля с лапшой и тебе не куда её девать? – издевательским тоном спросила она.

– Лилит, дорогая Лилит! Послушай меня! Когда ты в толпе зомбированных людей, которая раздражает тебя, ты думаешь, что все вокруг как стадо баранов, но по отдельности, каждый – это личность с мозговой деятельностью. Тоже самое я имел в виду, когда сказал про игрушки. Конкретно ты, в моих руках, – любимая женщина. И я прошу тебя понять меня, не заставляя меня превращаться в попугая и извиняться не за что полвека. – Левиафан положил скрипку на плечо и снова заиграл.

Лилит смотрела на него, не зная, что ей ответить. Неужели вот так просто он одержал победу? Лилит судорожно рылась в голове, пытаясь найти ответ, который и её не унижит и ему не даст уйти. Но такого ответа не было. Лилит вздохнула, «*Хороший ход!*» У неё в груди зашипало от мысли, что ей сейчас придется сказать, но другого выхода у неё не было. Он жаждал её в угол, потому что был прав.

– Но ты меня обманул! – воскликнула она от безысходности.

– Да. Твоя правда. И за это я каюсь.

Лилит молча смотрела на него, не шевелясь и не дыша. Она просто была потерна и не знала, что сказать.

– Черт... – прошептала она, отворачиваясь от вампира.

Смычок остановился на струне, по лицу Левиафана поползла победоносная улыбка, клыки обнажились. Он подошёл к ней и залез на кровать. Почти дотрагиваясь губами до её уха, он спросил:

– Лилит, дорогая, мне кажется, ты расстроена? – почти беззвучно прошептал он.

Лимон отомщен. Лилит повернулась к нему, в глазах стояли слезы брови нахмурены, а губы дрожали.

– Представь себе! – буркнула она.

Левиафан улыбнулся и в один миг впился зубами ей в плечо. Лилит судорожно начала отбрыкиваться, но любимым справиться было тяжело. Он крепко обнял ее, словно в тиски зажал. Не надо много ума, чтобы догадаться, к чему он клонил.

– Дорогой мой, у меня совершенно нет желания наслаждаться сейчас плотскими утехами, – буркнула она.

Он посмотрел на ее лицо, посмотрел прямо в глаза, точнее куда-то глубже:

– Лилит. Ли-ли-т! Хотят победители, исполняют побеждённые! – улыбнулся Левиафан.

Его улыбка, такая легкая, воздушная... Глаза как у хищника, у демона, спустившегося на землю. Грубость, просачивающаяся сквозь нескончаемые порыва нежности. Страсть, руководящая столь изысканным процессом.

Лилит не могла ему сопротивляться. Она не хотела сопротивляться. Он был слишком сексуален, а она слишком хотела, чтобы он не останавливался, хотя ее губы неумолимо шептали «нет». Он целовал эти губы, передавая свою бешеную энергетику, заставляя тело отвечать четким и ясным «да».

Лилит открыла глаза. С улицы в комнату проникал утренний свет, освещая комнату. Лилит, по началу, не поняла, где находится. Окинув взглядом комнату, она вспомнила всё, что здесь вчера случилось. На полу, всё так же одиноко и печально лежала скрипка. Лилит встала с кровати и подошла к ней, подняла инструмент за гриф.

«Надо же... Такая маленькая, такая легкая... а когда начинает звучать, такое ощущение, что смычок играет на струнах души, от каждой ноты бегут мурашки. Волшебный инструмент. Он умеет веселиться и рыдать, покорять и быть нежным, и в то же время колоть, прямо в сердце, и скользить по нервам... Но это так приятно. Левиафан, а ты гурман!» – улыбнулась Лилит, *«Ты выбрал скрипку, чтобы соблазнять женщин, не так ли? Ведь на саксофоне это сделать будете гораздо труднее!»*

– Эта скрипка Антонио Страдивари, знаменитого итальянского мастера. Я приобрел её в конце XVII века. Тогда я её просто хотел иметь как собственность, но после Моцартовских премьер, я взял её в руки уже как инструмент.

Лилит вздрогнула и чуть не выронила скрипку. Она никак не ожидала, что Левиафан находится в комнате. Она развернулась и увидела обнаженного вампира, лежащего на кровати. Его волосы были взъерошены, на коже груди отпечатались складки от простыни.

– Вот это да! – удивилась Лилит, – и что же ты тут дела-

ешь?

– Ну, этой мой дом, я здесь живу, – объяснил он.

– Я имею в виду, я никогда не видела тебя по утрам, ты всегда куда-то исчезал, что случилось с тобой сегодня, что решил почтить меня своим утренним присутствием? – спросила Лилит.

– Я не хотел оставлять тебя одну в незнакомом месте! – усмехнулся Левиафан.

Он резко поднялся с постели и подошёл к Лилит. Его глаза бегали по её лицу, внимательно изучая каждую выемку, они как будто искали надежду на то, что она сейчас обнимет его и скажет «я тебя люблю». Но Лилит молчала и рассматривала его бешеными глазами.

– Надень, пожалуйста, штаны... – Лилит пыталась смотреть ему в глаза.

Левиафан усмехнулся в ответ, вальяжной походкой дошел до валяющихся на полу штанов, демонстративно натянул их и снова подошел к девушке. Неожиданно он поднял с пола Smychok и протянул его девушке.

– Вот, держи! – он протянул его Лилит.

– Ты в своём уме? Я первый раз держу в руках скрипку... – попыталась отказаться Лилит.

Левиафан подошёл к ней сзади и прошептал: «тихо». Лилит замерла, она почти не дышала, ощущая сильные руки, которые как-то странно пытались обнять её.

– Дыши, дыши, дорогая! – прошептал он.

Нежные пальцы провели по её руке, которая держала скрипку. Он поднял её руку вместе с инструментом, деку положил на плечо Лилит, а второй рукой наклонил её голову так, чтобы она смогла зажать скрипку на плече.

– Прижми её к себе, почувствуй. Представь, что вы единое целое... – так сладко шептал он ей на ухо, стоя позади и управляя её движениями.

– Левиафан...я... Я не могу, не умею – тихо ответила она.

– Ш-ш... – прошипел он в ответ.

Он вложил в руку Лилит смычок и слегка расставил пальцы на нём. Своей рукой он взял её за запястье и сделал движение, такое мягкое и шелковистое, как будто они вдвоём гладили кота. Потом Левиафан поднял её руку со смычком вверх и направил к струнам, а второй рукой зажал струны на грифе, и начал играть, что-то такое душещипательное и очень знакомое.

Левиафан был таким нежным, ласковым, его бархатные прикосновения сводили Лилит с ума, она подумала, что его подменили за ночь. Он играл её рукой на скрипке, сердце бешено колотилось, она никогда не испытывала таких чувств. Как будто с ней был дьявол, и он так умело искушал её, управлял ею. Вместо того, чтобы сопротивляться, она позволяла ему это делать. Ей просто хотелось этого.

– Это L'inverno – Антонио Вивальди – прошептал Левиафан, продолжая играть, – как ощущение?

– У меня нет слов, это чудесно! Ты только не останавли-

вайся, я прошу тебя, мелодия просто потрясающая! – Лилит закрыла глаза от блаженства и полностью расслабилась.

Левиафан с легкостью доиграл партию главной скрипки и развернул к себе лицом Лилит; нежно поцеловал её, а в ушах продолжала звучать скрипка, только к ней, словно весь симфонический оркестр присоединился. Она позволила ему уложить себя в кровать, даже не открывая глаз...

Лилит закурила сигарету. Левиафан лежал рядом и гладил её по шее. Утро был в разгаре.

«Такой разносторонний... Вчера буквально изнасиловал меня, а сегодня – последний романтик...», подумала Лилит про себя, а вслух спросила:

– Левиафан, а ты вообще никак на свет не реагируешь... Тебе ничего не жжет? – внезапно спросила она, поняв, что он лежит при свете, как обычный человек, и даже не прячется под одеяло.

– Лилит, дорогая! Мне плевать на свет, на чеснок, распятия и зеркала. Я ни чем не отличаюсь от простого человека, за исключением того, что я не человек. Я дышу, пью, ем, выпиваю, сплю и мне от этого не хуже и не лучше. Безразличье просто. Единственное, что меня пугает, так это огонь. Только огонь может причинить мне вред... смертельный вред.

– Почему ты мне это рассказываешь? Это значит, что ты начал мне полностью доверять? – озадаченно спросила Лилит.

– Это значит, что ты меня любишь. Я чувствую это, я

знаю! От тебя мне нет никакой угрозы! – Он чмокнул её в макушку.

– А сколько времени? – внезапно спросила Лилит.

– Около десяти – Левиафан встал, неспешно подошел к окну и уставился вдаль.

– Сколько? Черт! Я опаздываю в университет! – девушка выскочила из кровати.

Вампир развернулся к ней лицом и присел на подоконник.

– Я опоздаю... Совсем забыла, у нас последний день сегодня перед консультациями... Черт...

Лилит металась по комнате, одеваясь быстрее, чем любой кровососущий. На ходу она заплетала косу, собирала сумку, падала в натянутых до колен джинсах, она была настолько неловкой, что Левиафан не мог не улыбаться. Он также неспешно, накинул черную рубашку, закатал рукава, надел брюки, разворошил волосы и заявил, что готов к выходу. Лилит же в своей спешке была не так быстра.

– Жду тебя в машине. – Зевнув, сказал он и пошел вниз.

Левиафан медленно вышел на улицу, тут же ощутил всю прелесть зимнего утра, перетекающего в день. Легкий мороз тут же принялся покусывать щеки и нос. В заснеженных ветвях сидели вороны и горлопанили, что есть силы. Они казались такими огромными на фоне белого цвета и такими неловкими, когда прыгали с ветки на ветку, стряхивая с них снег.

– Левиафан... пожалуйста, поехали! – чуть не сбив насла-

ждающегося зимой вампира, Лилит промчалась мимо него к машине.

Не успел он сесть за руль, как девушка уже начала вопить, что бы он двигался быстрее и быстрее. Она уже сидела, пристегнутая и готовая мчаться к знаниям. Левиафан, наконец-то, нажал на газ и помчался в город.

– Вообще-то не очень хорошая идея разгоняться до безумства на зимних дорогах, а то ты можешь больше никогда не успеть. Не торопи меня, милая, опоздаешь на десять минут, это не критично!

– Нет, это критично! Поднажми газу! – требовала девушка, нервно цокая языком.

Уже через час вампир припарковался около университета, где училась Лилит.

Около университета уже не было ни одного студента. Как правило, это плохой знак: все уже на парах.

Левиафан развернулся, чтобы поцеловать девушку. Но на месте он никого не обнаружил. Лилит уже мчалась по улице, матерясь и ненавидя весь мир.

– Мда... – вздохнул он и снова завел мотор, глядя убегающий девушке вслед.

Лилит тем временем, на бегу раздевшись, схватила все свои учебники и тетрадки и шкафа и побежала к аудитории.

Она открыла дверь, влетела в класс и остановилась. Лектор и сокурсники удивленно уставились на влетевшую девочку.

– Извините, – прошептала она и проворно начала пробираться вверх, к последним рядам.

– Ян, привет, – Лилит шлепнулась рядом со светловолосым парнем.

– Не думал, что ты умеешь опаздывать, – юноша улыбнулся в ответ.

– Сама в шоке, – отдышавшись, ответила Лилит.

Лилит дружила с Яном с первого курса. Он очень хорошо относился к девушке, всегда был вежлив и учтив. Они прекрасно общались все пять курсов, всегда сидели вместе, ходили на завтраки и на обеды. Он нравился Лилит тем, что он был единственным парнем, который не пытался таскать ее по свиданиям, не дарил всякую чушь, не объяснялся в вечной любви и разбитом сердце. Он просто пытался с ней дружить, не переходя границы дружбы, за которыми его ждала явная пустыня, где нет даже песка, просто безразличие.

Лилит была уверена, что это просто дружба, ведь у Яна постоянно были девушки. Она не догадывалась, что молодой человек тайной влюблен в нее и только в нее. Но он прекрасно понимал, что мадам ему не по зубам и, наверное, поэтому не предпринимал никаких попыток поползновений в ее сторону. Лилит же такая ситуация устраивала. Она даже не понимала, что ее опять любят.

Скорее это была одна из вариаций дружбы между мужчиной и женщиной, в которую так не любят верить люди. Эту дружбу так часто путают влюбленные души, что потом, не

зная, кого обвинить в своих собственных неудачах и провалах, конечно же, начинают винить дружбу. И это естественно для человека: обязательно кто-то должен быть виноват. Мозг даже так устроен, что при любой неудаче начинаешь думать, а вот если бы он приехал бы раньше, если бы чертов лифт не сломался и тому подобные мысли. На самом деле дружба между однополыми и разнополыми ничем не отличается друг от друга, отличаются люди, которые придают большое значение дружбе, в которой участвую мужчина и женщина. Сразу же появляется воз и маленькая тележка слухов, кто-то пытается оправдывать друзей, которые ничего плохого не сделали. Кто-то вешает ярлыки, без устали обвиняя во всех смертных грехах, при этом, не уставая сочинять новые. Люди все так любят усложнять, придумывать и очернять. Такое ощущение, что они совсем ничего не знают о простоте, что вокруг скорее все просто, чем сложно. Но так не интересно.

Девушка никак не могла сосредоточиться на лекции. Она бесконечно долго думала о Левиафане, о его сущности, о его неординарном складе ума и невыносимом характере. Она вспоминал его прикосновения, вкус его губ, мягкость рук и нежность кожи. И все эти безумные воспоминания начинали потихоньку сводить ее с ума. Ей снова и снова хотелось, чтобы он был рядом, почувствовать его как физически, так и душевно. Она продолжала вспоминать их совместно проведенные ночи, ласковый шелест нежных слов. Его прикосновения, объятия... Грубость в словах и жестах, манеру

и стиль поведения... Скрипку и уроки игры. Вампир полностью освоился у нее в голове, не давая ни секунды передышки. Она думала о том, сколько же всего он видел и слышал, как много раз он был влюблен и был ли вообще? Почему он стал таким бессердечным?

*«Никак не выйди из головы момент,
когда целуют твои губы, играя на скрипке...*

Может кино сходим?

Что за уныньена лекциях сидеть?»

Лилит прочла сообщение и закрыла глаза. Она-то уж вообще никак не могла избавиться от шлейфа утренней страсти. И вампир тут еще напоминает в более насыщенных красках.

«Ничего не знаю, не мешай мне...»

«О, Лилит, какая приторно-сладкая ложь

Ноя слышу правду...»

«Левиафан, ячусь. Отстань!»

«Никогда»

Лилит выключила телефон и убрала его в сумку. Она уже не могла не думать о Левиафане. Она пыталась игнорировать все безумные мысли о вампире, пытаясь сосредоточиться на лекции. Но абсолютно все мешало ей вникнуть в корни уголовного права.

– Лилит, лекция закончилась. Вы можете идти.

Лилит слышала, как к ней обращается профессор. Девушка окинула аудиторию взглядом: уже никого не было,

только она и собирающий документы профессор.

– ...Да...я дописывала конспект...До свидания...

Она шла по коридору, пытаясь вспомнить, где у нее следующая лекция.

«Левиафан, вылез из моей головы... Это просто невозможно! Самовлюбленный нарциссичный вампир!»

– Эй, что с тобой на себя не похожа! – Ян выскочил из-за угла, выхватывая у нее сумку и обнимая.

– Я не выспалась сегодня... Что сейчас за пара будет? – улыбнувшись, ответила она и зашла в открытую аудиторию.

– Гражданское право! Твое любимое! – Ян, придерживая дверь, ждал, когда девушка пройдет вперед.

Они оба уселись на последний ряд и каждый занялся своим делом. Молодой человек делал вид, что учится, а Лилит вновь начала гонять от себя мысли о Левиафане.

От начала лекции прошло минут десять-пятнадцать, студенты уже успели почувствовать себя утомленными. Профессор читал объемный курс, Лилит рисовала цилиндрические круги, Ян внимательно слушал тему.

Внезапно дверь открылась и аудиторию вошел неземной красоты молодой человек. Он, не обращая ни на кого внимания, с едва заметной улыбкой, шел прямо к месту, где сидела Лилит.

– Молодой человек...Вы аудиторией ошиблись? Я не помню Вас на этом потоке – обратился к нему профессор.

– Нет. Я новенький, прощу простить меня за опоздание,

задержали в деканате. — Даже не оборачиваясь, ответил он и продолжил свой путь.

Все девушки, открыв рот, следили за ним взглядом, теряясь в собственных мыслях, поражаясь красоте новенького.

— Что ты здесь делаешь? — шепотом спросила Лилит, как только Левиафан уселся рядом с ней, по другую сторону от Яна.

— Учусь. Я совсем плох в гражданско-процессуальном праве — Он смотрел ей в глаза и ехидно улыбался.

— Ты... что? В гражданско-процессуальном праве? Не может быть... тебя здесь нет. — Лилит все еще не верила ни своим глазам, ни ушам.

Лилит наклонила голову и закрыла глаза, пытаясь избавиться от навязчивого миража. Она никак не могла поверить в то, что совсем обезумевший вампир пришел к ней на лекции, потому что ему срочно понадобилось изучать право. Все это звучало, по крайней мере смешно.

— Я докажу тебе обратное... — Левиафан сладко шептал ей на ухо.

Его рука тут же скользнула на ее колено. Пальцы, едва касаясь, пробежались по внутренней части бедра. Лилит закусила губу и уставилась прямо перед собой. Левиафан же подобрался совсем близко, не переставая шептать приятности девушке на ухо.

— Прекрати... — Лилит отчаянно пыталась сжать ноги, убрать его руку, но ей так сильно не хотелось, чтобы он пре-

кращал.

– Прекратить это? – Левиафан уже почти касался губами ее мочки уха, не давая ее ногам сомкнуться.

Все. Лилит больше не могла сдерживаться и, чтобы не пасть в глазах общества, она схватила сумку и выбежала из аудитории.

Вампир посмотрел ей вслед и улыбнулся.

– Я не знаю, как это объяснить. – Пожал плечами вампир, увидев вопросительный взгляд профессора.

Левиафан встал и медленно вышел из аудитории.

– Молодой человек, вернитесь на место..! – кричал вслед ничего не понимающий лектор, но вампир его не слышал.

Уже в коридоре он с легкостью выловил девушку.

– Ты с ума сошел? – требовала Лилит объяснений. – Что ты тут забыл?

– Я же сказал, слабоват в юриспруденции.

– Хватит этого! – Лилит кричала громким шепотом, опасаясь, что из других аудиторий могут выскочить недовольные профессора.

– Действительно, достаточно... – Вампир схватил в объятия разгневавшуюся девушку и поцеловал.

Лилит нехотя сопротивлялась, что-то мычала, но руки ее не слушались, она не могла не обнимать его, не могла отталкивать его.

С бешеной страстью они ворвались в близлежащий кабинет, даже не думая о том, что кто-то там может находить-

ся. Облюбовав первый же стол, Левиафан принялся разбираться с застёжками и пуговицами.

– Нет, нет... – прошептала Лилит, останавливая пылкую и безудержную страсть.

– Нет? – вампир не мог поверить своим ушам, продолжая целовать девушку.

Левиафан остановился, и только тогда девушка поняла, что сидит на парте, обнимая до судорог в руках, мужчину. Его дыхание было учащенным, он вздыхал и качал головой, кусал губы, явно борясь со своими желаниями и эмоциями.

– Мы не можем делать это здесь. Нельзя. – Лилит безуспешно пыталась затормозить огненного мужчину.

Наконец, Левиафан сделал шаг назад, облизнул губы, и опустил голову. Он боялся смотреть на Лилит, боялся, что не справится со своими безумными желаниями.

– Значит, нет? – переспросил он на всякий случай.

Лилит отрицательно покачала головой и, лукаво усмехнувшись, аккуратно выскользнула из кабинета

Левиафан отвез девушку домой, но в квартиру заходить не спешил. Около порога он замялся. Наклонил голову, опустил глаза.

– Ты не зайдешь? – удивленно спросил Лилит, снимая сапоги.

– Я вообще-то по делу зашел в университет....

– По какому? – спросила Лилит.

– Мне нужно уехать на несколько дня.

– Уехать? Куда? Зачем? – Лилит занервничала.

– Да не переживай ты так! Это всего на несколько дней! – Левиафан прижал её к себе.

«Уезжаешь... так резко и странно...Зачем ты меня оставляешь? Несколько дней... Я не хочу оставаться без тебя ни на минуту...Странно это как-то. Ложь...»

Лилит чувствовала, что-то не так, что-то он не договаривает. Левиафан держал её за руку и не давал отвернуться. На её лице окаменело болезненное выражение, она посмотрела в его чёрные глаза.

– Просто уходи... придешь потом, через несколько дней... – Лилит захлопнула за собой дверь, оставив вампира снаружи. Она облокотилась на дверь и опустилась на пол, уже рыдая. Женщины удивительные создания тем, что они в одном мгновение придумывают сумасшедшие сцены, небывалые картины, а в следующие секунды свято верят в то, что придумали. В мире нет ничего, что могло бы заставить женщину отречься от неутомимой веры.

19

На следующий день, Лилит собралась в гости к Левиафану, и разобраться в чём там дело. Она была абсолютно уверена, что он никуда не уехал.

Лилит вышла из дома, села в такси и поехала в сторону вампирского жилища. По дороге она набрала несколько раз

его номер, но абонент был недоступен. Ее разочарованию и удивлению не было предела. Девушка что-то без конца доказывала сама себе, что-то надумывала.

Машина остановилась напротив вампирского особняка.

– Подождите меня здесь, – попросила она таксиста.

Лилит тихо подошла к двери и постучалась. Тишина. Она надавила на ручку и дверь подалась. Везде горел свет.

«Это как это так? Человек уезжает, не запирает дверь, не выключает свет...» – Лилит недоумевала. Едва ступая по полу, она обошла весь первый этаж. Безмолвие окутало весь дом. Можно было действительно поверить, что Левиафан просто забыл закрыть дверь и погасить свет...

Поднявшись на второй этаж, девушка шла на цыпочках вдоль коридора. Нождаданно она слышала какой-то шум. Лилит последовала звукам. Голоса исходил из той самой комнаты, в которой она сама спала. Сердце почти выпрыгивало из груди от волнения. Лилит понятия не имела, что она увидит, когда откроет дверь.

Собравшись с духом, она приоткрыла злополучную дверь и ахнула: на той же постели, где совсем недавно они, вдвоём, наслаждались друг другом, сегодня, Левиафан наслаждался уже другой. Лилит развернулась и побежала вниз. Почти около входной двери она врезалась в Левиафана и упала.

– Хороша у тебя поездочка! Я хочу уйти! Пусти меня! – кричала Лилит.

– Нет! – безжалостно ответил он и схватил её за плечи.

– Я никогда больше не смогу быть с тобой! Я никогда не пойму этого! Я вижу всё это в ярком свете, я вижу красоту твоего уродливого лица.... Как будто листья на голых ветках, снежинки падают с летнего неба... Галлюцинация любви, божественного секса, кругом цветы. Радость с праздником всегда....Но всё это так прискорбно! Потому что это ложь! Я ненавижу тебя! Дай мне уйти! – Лилит кричала не своим голосом.

– Нет! Ты никуда не пойдешь! – всё крепче сжимал её Левиафан.

– Я буду с болью, с любовью к тебе, скотине, я буду со своей печалью, я буду с кем угодно, но только не с тобой! – Лилит со всей силы ударила его по лицу, так что он отпустил её, скорее от неожиданности, чем от боли.

Девушка выскочила за дверь, села в такси и уехала.

От страсти остался только пепел. Страсть горит и обжигает, горит дотла, до праха, а потом развеивается по ветру. Лилит так боялась потерять его, а в итоге, он потерял её, но и она успела потерять себя...

«Моё безжизненное тело, в нём всё погибло, все чувства и душа... Он виноват... Он потушил мой огонёк, нет даже боли, лишь только пепел в сердце всё так же нежно тлеет, ещё немного, и с дуновением ветерка он улетит отсюда навсегда! И всё это были лишь слова! Пустая, бездарная ложь! Ненавижу...»

– Мадам, что с вами? – спросил таксист, глядя на неё в

зеркало заднего вида, – Вам плохо?

– Нет! Просто отвезите меня домой... – грустно ответила она.

На Лилит нельзя было смотреть без жалости. Сквозь красоту её зеленых глаз текли реки слёз, душа и сердце умирали. А грусть и тоска пытались похоронить её заживо... Но нельзя его не вспоминать, она не могла представить, что его больше нет. Какой бред! Как карандашная линия жизни стирается ластиком, Лилит стирала его сообщения из телефона, отмывала себя... Остатки эмоций бежали из её головы...

«Господи! Зачем я придумала этот мир? Зачем поверила в его существование? Мир, который полон иллюзий, только они превращаются в настоящие чувства горести и печали. Напрочь отсутствует воля... я не хочу жить! Жизнь – это неудавшаяся смерть. Боль – это несостоявшаяся любовь! Левиафан! Тебя больше нет!»

Левиафан вернулся в комнату. В его кровати сидела полуголая девушка с удивленными глазами и идиотской улыбкой. Левиафан остановился около двери и посмотрел на неё исподлобья. Он был очень зол, а эта дама его вообще раздражала.

– Вау! Что это было? – спросила она, и почему-то, счастьем на ее лице предела не было.

Левиафан вздохнул и отвёл глаза в сторону. *«Дура!»*

– Тебе это ни к чему знать! – сухо ответил он.

– Круто! Я расскажу всем своим подругам, какой у меня

мальчик! Бабы даже в его комнату лезут, а он со мной! – девушка визжала как бешеный поросенок.

Лицо Левиафана аж почернело от злости. Вены вылезли на шее, руки сжались в кулаки. Он подлетел к ней и вцепился ей в шею. Девушка попыталась кричать, но было уже поздно. Левиафан схватил её за голову руками и большим пальцами провел по векам.

– Ты ничего, никому не расскажешь, потому что ты ничего не видела! – прорычал он и надавил пальцами на глазные яблоки, так, что вместо слёз потекла кровь.

Сердцебиение потихоньку затихало, девушка всё меньше пыталась сопротивляться.

– Господи, и откуда же берутся такие идиотки жизнерадостные? – фыркнул он.

Он отшвырнул от себя труп и сел на кровать, схватившись за голову.

«Ну и какого чёрта мне теперь делать? Прийти с цветами и сказать прости? А потом получить этими же цветами по морде? А может её тоже прибить, чтобы слушалась, когда ей говорят, что меня нет дома, значит меня нет!», Левиафан строил планы о примирении с Лилит.

Он начал расхаживать по комнате, постоянно перешагивая через тело девушки. На данный момент его это заботило меньше всего. В его голове вертелись различные сюжеты, по которым он видел, как могла пройти встреча с Лилит, но среди них не было подходящего.

– Ты чего тут разлеглась? – крикнул Левиафан, пнув труп ногой.

Злоба полностью завладела им.

Лилит сидела на кухне, пила чай. С истерикой она уже справилась, поэтому, опустошенная просто смахивала смиренно текущие слезы. Её нога, спущенная с дивана, размеренно болталась в разные стороны, пальцы постукивали по столу.

«Интересно, Левиафан, как ты выкрутишься из этой ситуации? Будешь ли ты вообще выкручиваться?».

Она прекрасно понимала, что наговорила ему громких слов, которые вряд ли сможет сдержать. Разум подсказывал ей что, в итоге, его придется всё-таки простить, но эмоции и чувства, гордость и внутреннее «Я» требовали мести.

За окном что-то мелькнуло. Лилит повернула голову в ту сторону. Ничего. Пожав плечами, она снова уставилась в стол. И снова что-то показалось за окном. Лилит резко повернулась в сторону мелькавшего предмета.

«Что за шутки, Левиафан?», спросила она себя, не отводя глаз от стекла. Вдруг из угла рамы, по ту сторону окна, очень медленно начал появляться огромный букет роз.

«Ты что, серьезно, Левиафан? Ты думаешь, что этого достаточно будет?», сердито подумала она, потом встала и вышла на балкон.

На полу она увидела этот букет, естественно, с запиской. Лилит швырнула букет на стол. В руках остался только ли-

сток, бордового цвета, с изысканным подчерком вампира. Она развернула листок и уселась читать:

«Лилит! То, что ты увидела, нето, очём ты подумала! Ябы очень хотел поговорить об этом лично, можно где-нибудь посидеть, выпить вина, поужинать... Я жду тебя внизу.

P.S. Тебе нравятся розы? Я побоялся вручить тебе их лично, потому что подумал, что потом придется вытаскивать шипы из лица, а мне этого делать не хочется.

Я жду тебя »

«Понравились ли мне розы? Да ты совсем я смотрю с головой не общаешься!», недоумевала Лилит. Она перевернула записку чистой стороной и написала:

«Левиафан! Сделай так, чтобы тебя не стало в моей жизни! Слышать тебя не хочу! А уж тем более видеть!

P.S. Эти розы, чудесные и красивые, которые мне совершенно не понравились, подарил девушке, отдыхавшей у тебя в кровати!»

Лилит вышла на балкон, открыла окно и вышвырнула букет на улицу вместе с запиской. *«Не думала, что у тебя хватит наглости написать мне и не хватит смелости сказать мне всё это в лицо!»*, Лилит громко захлопнула окно. *«Только попробуй чем-нибудь ещё помахать перед моим окном!»*, угрожающе подумала она и задернула шторы.

Левиафан стоял внизу и смотрел на валявшийся у него под ногами букет. Прочитав записку, он улыбнулся. *«Так я и думал! Хорошо, что всё-таки не поднялся, а то, что-то мне*

подсказывает, одними шипами она бы не ограничилась!», он смял записку и выкинул в мусорный контейнер, отшвырнул букет ногой и сел в машину.

Лилит достала мобильный телефон и набрала номер Жаклин.

– Привет Жаклин! – со всей серьезностью сказала Лилит.

– Привет, милая! Я...

– Подожди, подожди! Слушай меня, что ты сейчас сделаешь! – приказала Лилит.

– Что? – заморожено, спросила Жаклин.

– Ты идешь в магазин, покупаешь две бутылки мартини, апельсиновый сок, берешь с собой какого-нибудь друга, мне абсолютно плевать, кто это будет, и через час я жду вас у себя! Что скажешь? – спросила довольным голосом Лилит.

– Отличный план! Вечеринка! Я приеду с Марком! – одобрительно прощбетала Жаклин и повесила трубку.

Лилит набрала следующий номер.

– Слушаю? – ответил сухой мужской голос.

– Привет Анри! – весело пролепетала Лилит, – как ты?

В трубке послышалось секундное молчание и тяжелый вздох, с легкой ноткой радости и неожиданности.

– Привет, Лилит. Всё хорошо, вот только с работы пришёл. Что на тебя нашло, что ты решила вдруг позвонить? – удивился он.

– Да я вот тебя хотела в гости пригласить! – рассмеялась Лилит. – Ко мне Жаклин с другом приедут...

– А, Жаклин, та девушка, у которой есть муж, но она всегда зависает с другими парнями? Помню, помню. Так, хорошо, и во сколько приезжать? – спросил он.

Лилит взглянула на часы. *«Время восемь тридцать вечера, Жаклин здесь в девять тридцать...»*

– Давай к десяти – ответила Лилит.

– Хорошо. Что-нибудь взять? – уточнил он.

– Нет, не надо, Жаклин всё привезёт, – ответила она.

– Тогда до встречи! – Анри положил трубку, а Лилит кинулась прихорашиваться.

Внизу, в машине сидел Левиафан.

«Я всё слышу, дорогая! Боишься оставаться наедине с другом? Боишься, что его ждет та же участь, что и Фабьена? Молодец девочка, быстро учишься!», оценивающе подумал он. *«Ну что ж, посмотрим, чем ваше свидание кончится!»*

Раздался звонок, Лилит подпрыгнула и побежала открывать дверь.

– В последнее время мы так часто с тобой видимся, дорогая, что я прям, не верю! – верещала Жаклин с порога.

– Да заходи ты! – буркнула Лилит и буквально втащила её за руку в квартиру вместе с Марком.

– Так, вот это тебе. Сок. Шампанское мы купили себе. Но если ты захочешь, скажи, мы угостим! – Жаклин не могла просто помолчать хотя бы минуту.

– Спасибо, проходите в гостиную. – Лилит взяла сумку и

пошла на кухню.

Она налила себе стакан, бросила льда и посмотрела на алкоголь *«Мне это нужно не для того, чтобы утопить свою печаль, это нужно для мести!»*, рассуждала она про себя. Потом она принесла два пустых фужера под шампанское для гостей.

– Анри заедет! – между делом предупредила Лилит. – Я это говорю для того, что бы имя «Левиафан» не вылезло из твоего чудесного ротика, Жаклин. – Она скосила на неё глаза, а затем на Марка, – тоже самое касается и тебя, Марк.

– Понял! – он как всегда не многословен.

Как такой молчаливый парень может нравиться такой тараторке как Жаклин? Странная парочка.

– Марк, тебе разве не интересно, почему имя «Левиафан» не должно здесь звучать? – шепнула ему на ухо Жаклин.

– Жаклин! – рывкнула Лилит из-за угла. – Я же попросила!

– Ой! – Она слегка хлопнула себя по рту ладошкой.

– Прямо так интересно, что произошло между ними позавчера, после того как мы уехали? Она даже имя его не хочет слышать, ты представляешь? – продолжила шептаться Жаклин.

– Да. Жаклин. Он представляет, а ты, судя по всему, нет! Я действительно не желаю слышать здесь его имя! – выдохнула Лилит.

– Э... хорошо. – Улыбнулась Жаклин.

– Точно хорошо? А то я могу ещё раз повторить! – пере-

спросила Лилит.

– Нет, не стоит, дорогая! – Жаклин посмотрела на неё виноватыми глазами.

В машине Левиафан смеялся почти во всё горло, слыша этот разговор и представляя себе лица девушек.

«Да, Лилит! Если ты захочешь забыть о моём существовании, и даже если я не буду тебе напоминать о нём, у тебя всё равно ничего не выйдет, пока рядом с тобой Жаклин! Печально на самом деле. Вместо разговора со мной, ты предпочла всю ночь затыкать рот Жаклин и какого-то Анри. Что ж Лилит, слишком банально для тебя».

В дверь снова кто-то позвонил. Лилит выскочила в коридор, открыла дверь. На пороге стоял молодой человек, двадцати пяти лет, блондин с карими глазами. Лилит подошла и чмокнула его в щеку.

– Привет. Проходи! Ребята в гостиной, – сказала Лилит, тщательно закрывая дверь.

Она проверила все замки на окнах. Всё было плотно закрыто.

– Лилит, что с тобой? Мы же тут курим, зачем ты закрыла окна? – спросил Анри.

– Шторм обещали ночью! – ответила Лилит и выбежала на кухню.

– Шторм? На суше? Странно! – удивилась Жаклин, – привет Анри, ты меня помнишь? – хлопая глазами, как заведенная кукла, Жаклин протянула ему руку.

«Шторм? Ха, знаешь, Лилит, ты почти права, только не шторм, а штурм тебе будет ночью!», злорадно улыбался Левиафан.

К двенадцати ночи ребята опустошили все, что находилось в доме и Анри предложил Марку сходить в магазин и взять ещё.

– Нет! – вскрикнула Лилит.

Все замолчали и уставились на неё. Она посмотрела на всех по очереди и поняла, что сейчас похожа на сумасшедшую, и что как-то надо менять сегодняшней статус.

– То есть я хотела сказать, Жаклин, может вы с Марком сходите, вдвоём? – обнимая Анри, Лилит улыбнулась и подмигнула Жаклин.

Жаклин открыла рот от удивления.

– Ах, да, конечно, дорогая. Пошли Марк, собирайся! – скомандовала Жаклин.

«Ну и картина», подумала Лилит, *«не могу ж я вам сказать, что, возможно, вы встретите сумасшедшего мужика на улице, который оторвёт голову Анри. И имя этого сумасшедшего мужика – Левиафан!»*.

Не прошло и получаса Жаклин и Марк вернулись с очередным пакетом всякой всячины.

– Лилит, дорогая, мне показалось, что у твоего дома стоит такая же машина, как и у Левиафана, – тихо-тихо шепнула Жаклин.

– Нет, нет, этого не может быть! – вскрикнула Лилит.

«Ну вот, пожалуйста. Анри точно уже лежал бы где-нибудь в подворотне без головы... А, может, Жаклин ошиблась?», Лилит выглянула в окно: черного хетчбека нигде не было видно. «Фу» – вздохнула с облегчением Лилит, «Жаклин, наверное, просто перепутала с другой машиной».

К середине ночи головы у всех были задурманены, и Жаклин попросила уложить их с Марком спать. Лилит отвела их в комнату, дала постельное бельё и пожелала им «неспокойной ночи».

– Мы остались вдвоём – подчеркнул Анри, обнимая Лилит за талию.

– Да, это очевидный факт – сказала, вздохнув Лилит.

– Давно хотел спросить, но у меня не было возможности.

– Ну что ж, давай, спрашивай. – Лилит крутила стакан в руках, изучая столешницу.

– Почему, Лилит? Почему тогда в университете ты отказала мне? Что я делал не так?

Лилит отвела глаза. Она догадывалась, что данный разговор обязательно состоится при первой же встречи, но она не знала, что ответить. Она не хотела ничего отвечать.

Девушка встала, взяла его за руку и повела в комнату. Уже в комнате, Лилит развернулась к нему и посмотрела на него: «Если ты погибнешь – это будет моя вторая непростительная ошибка!». И она позволила себе расслабиться в объятиях человека.

Он целовал её так страстно, с таким сильным желанием.

Анри мечтал об этом моменте не один год. Сколько раз он представлял себе, какого это, дотрагиваться до этой женщины, целовать ее. Что он будет ощущать, когда она ответит ему взаимностью и позволит дотронуться до себя...

— Потому что, я была душой... — прошептала она, закрывая глаза, пряча океаны слез.

Анри повалил её на кровать и начал с жаром осыпать все ее тело поцелуями.

Лилит смотрела в потолок. Слезы. Она не могла их сдерживать. Они тихо, одна за одной, катились вниз, по бархатым щекам. Она не хотела его... Не хотела, чтобы он дотрагивался до ее тела, чтобы его губы прикасались к ее... Ей было неприятны все эти божественные ласки. Ей было противно и от него и от себя самой. Так низко она еще не падала. Она не могла поддаться глупой мести.

В это время, Левиафан отламывал по кусочкам руль от злости и беспомощности. Он очень бы хотел, чтобы вместо руля под его пальцами лежал позвоночник парня, который прикасается к его любимой девушке её спальне.

Лилит всё— таки не выдержала:

— Анри, мне не хорошо! — она оттолкнула его рукой, жадно хватая ртом воздух.

Он взглянул на неё с серьезным лицом и погладил по щеке.

— Бедная девочка, ты просто сильно устала. Да и все закупила, дышать совсем не чем, — отчитав её как маленькую,

Анри встал и открыл окно.

– Не надо! – прошептала Лилит.

– Тихо, тихо, спи! – Он гладил её по голове, пока сам не уснул.

Лилит уже спала крепким сном, когда почувствовал руку, зажимающую ей рот. Глаза полезли на лоб от ужаса. Она поняла, даже спросонья, кто к ней пришёл.

– Лилит, дорогая, если ты сейчас встанешь и пойдешь обсудить кое-что со мной на кухню, то я сохраню этому юнцу жизнь! Если нет, то ты можешь начинать петь по нему панихиду! Твой выбор? Если это «да», моргни глазами.

Лилит крутила испуганными глазами из стороны в сторону, потом зажмурилась и открыла их.

– Я расцениваю это как «да»! – прошептал Левиафан и, схватив её на руки, пошел на кухню.

Грубо усадив Лилит на диван, он закрыл дверь, развернулся и посмотрел на неё. Она была очень напугана, и было видно, как по ее телу бежит дрожь. Левиафан усмехнулся и подошёл к столу, окинул её взглядом и сел напротив.

Они оба молча смотрели друг на друга, один с цинизмом, другая с ужасом. Казалось, что никто из них не хотел прерывать царственное молчание, но Левиафан всё-таки заговорил первым:

– Как прошёл вечер? – спросил он, глядя в стол и ковыряя пачку сигарет.

Лилит молча продолжала трястись.

– Я спросил, как прошел вечер? – заорал он, стукнув по столу кулаком.

– Хорошо – заикаясь, быстро ответила она.

– Хорошо говоришь? Тебе понравилось обжиматься с этим недоноском? – поинтересовался Левиафан.

В ответ тишина. Он поднял глаза и крикнул:

– Я, кажется, вопрос задал!

«Господи, как же страшно... Господи...», по щеке показилась слеза.

В дверь постучала Жаклин, её разбудил ор Левиафана.

– Эй, у вас там всё в порядке? – спросила она.

– Кыш отсюда! – гаркнул Левиафан, при этом он не сводил глаз с трясущейся Лилит.

Звук за дверью исчез.

– Не удалась твоя месть? – спросил он уже нормальным, свойственным ему тоном.

– Нет, не удалась... – грустно прошептала Лилит.

– А знаешь почему? Потому что ты дура! Ты не захотела меня выслушать, и чуть не совершила ошибку, которая могла стоить тебе жизни... и ему тоже! И сейчас, ты сидишь и молчишь, даже не хочешь рассказать, как провела вечер и было ли тебе хорошо? – он уже опять кричал во весь голос.

– Было ли мне хорошо? А тебе было хорошо, когда ты был с той девкой? – не выдержала Лилит и зарыдала.

Левиафан стукнул по столу, вскочил и схватил девушку за плечи.

– Мне было не хорошо и не плохо, мне было никак! Это было никак, потому что она была для меня едой! Или может быть, ты захотела бы быть на её месте? С этой девкой у меня ничего не было!

– Тогда почему она сидела полуголая у тебя в кровати? – Лилит тоже уже кричала.

Он отпустил её и наклонился совсем близко.

– Лилит, я же джентльмен, я не мог просто взять и искушать на улице девушку, это не хорошо. Мне нравится, когда девушке тоже приятно, хотя бы ненадолго. Это считай её последний час жизни. Я не говорю сейчас о сексе, я говорю о том, что её надо расслабить. – Левиафан улыбался мечтательной улыбкой.

– Тебе моей крови мало? Зачем ты тогда кусаешь меня и берёшь мою кровь? – удивилась Лилит.

– Твоей кровью я наслаждаюсь, а другой кровью я питаюсь. У тебя я делаю не больше трех глотков. Это то же самое, что за три дня съесть один кусочек колбасы – объяснил он.

– Но ты меня обманул! Ты сказал, что уезжаешь, а сам что делал? – возмущалась Лилит.

Она не могла поверить в то, как он просто выкручивался из всех ситуаций, как легко ему удавалось облапошить её, и каждый раз она снова верила ему. Но после этой лжи, на которой он был пойман, она боялась снова верить.

– Потому что, если бы я сказал то, что собираюсь сделать, – итог этого был бы всё равно такой же, как и сейчас. –

Левиафан погладил её по руке.

Потихоньку он вроде начал успокаиваться, глаза становились добрее, а руки нежнее.

– Что бывает с людьми, после того, как ты ими отобедаешь? – спросила Лилит.

– Обычно, они умирают от большой потери крови, но не всегда.

– Что ты имеешь в виду? Что значит «не всегда»?

– Не всегда – значит не всегда. Девушку, которую ты видела, я убил, потому что она разозлила меня, она меня просто взбесила! Я уже не мог контролировать сам себя! При жизни я вообще был очень эмоциональным и вспыльчивым, но с того момента как получил к бессмертию ещё и бонус в виде безнаказанности, я вообще озверел. Когда я понимаю, что могу убить и мне за это ничего не будет, всё это согревает мне душу. Так что я бы посоветовал тебе не злить меня! – заключил он.

– Да что ты говоришь? – сыронизировала Лилит, – у меня хоть и нет бонуса в виде безнаказанности, ... но тебя никто не знает, тебя нет ни в одной базе данных, тебя просто нет, ты же умер тонну лет назад. Так что убить тебя будет тоже безнаказанным для меня, ведь убить то, что мертво – вне закона! – сделала вывод Лилит. – Твой совет касается и тебя самого.

– Ты мне больше нравишься такой, настырной, хамкой, которая прекрасно понимает, что бессильна против меня, но

продолжает сидеть и пыжиться – рассмеялся Левиафан, – я тебя уничтожу, если захочу – внезапно с серьёзным лицом сказал он.

– Да? Только я тебя не боюсь! – подалась вперед Лилит.

– Как давно ты перестала меня бояться, две минуты назад или пять? Ты меня плохо знаешь, дорогая!

– Ты меня совсем не знаешь, Левиафан! – Именно в тот момент, Лилит вдруг поняла, что он никогда не причинит ей боль, чтобы он ни говорил, это всё пустые угрозы, которые не влекут за собой ничего, кроме криков и избиения стола.

Он мог бы оторвать голову самой неприкосновенной личности, но Лилит он ничего не мог сделать, именно не мог, а не не хотел. Она ему нравилась целой, со всеми конечностями и без синяков на лице. Она ему нравилась, когда отвечала прямо в глаза, не боясь его. Она была таким же борцом в отношениях, как и он, и никогда Лилит не позволит дать себя в обиду.

Он восторгался этой чертой лидера. И его очень умиляло то, как она пыталась превзойти его, совершенно безрезультатно. С этой задачей Левиафан справлялся куда лучше.

– Что там происходит? – послышался голос Анри за дверью.

Рядом стояла Жаклин с выпученными глазами и Марк с понимающим видом.

– Там происходит то, что может произойти с Жаклин в будущем, когда её муж всё-таки застанет жену с другим в

постели... – объяснил Марк.

– Лилит замужем? – не понял Анри.

– Господи, боже мой, Анри! – цокнула языком Жаклин, – это её молодой человек, который сейчас очень зол, рвёт и мечет, из-за того, что между вами было...

– Да между нами ничего и не было! – крикнул Анри, перебив Жаклин, – ей стало плохо и она уснула, – прояснил он ситуацию.

Жаклин удивленно вскинула бровями:

– Это облегчает ситуацию и объясняет, почему ты до сих пор без синяков... Но всё же, Анри, мой тебе совет – не лезь пока туда! – попросила Жаклин.

– Твои друзья переживают за тебя, – улыбнулся Левиафан, – они боятся, что я тебе шею сломаю, а потом Анри.

– Хватит нести всякую чушь! – строго сказала Лилит.

Она встала, открыла кухонную дверь и увидела лица, которые смотрели на неё так, словно перед ними предстал мертвец, только что схороненный.

– Что? – спросила Лилит у них.

– Ничего, мы думали, тебя убивают! – сказала Жаклин и улыбнулась.

– Чего? – Лилит выпучила красные от слез глаза, – вы довести меня сегодня хотите? Уходите все отсюда! Левиафан, тебя это тоже касается! Видеть вас не хочу! – Лилит убежал в комнату.

Ребята посмотрели друг на друга и пожали плечами. Ле-

виафан продолжил сидеть за столом, не скрывая едкой улыбкой.

– Анри, присаживайся, поболтаем. Расскажешь мне о тяжелом университетском прошлом, о большой любви...! – предложил он и пнул стул ногой.

Анри взглянул на стул, затем на вампира. Он был не из трусливых, но при таких обстоятельствах он замялся, но всё же прошёл и сел.

Жаклин вздохнула и тоже села за стол. Она не хотела оставлять двух агрессивно настроенных молодых людей. Она была простой девочкой, любила мальчиков, внимание, вечеринки и тусовки, но терпеть не могла недопонимания и драки.

– Чего происходит-то? – наконец спросила Жаклин.

– Да ничего! Забудь! Жаклин, у меня к тебе просьба будет, когда в следующий раз Лилит соберется делать то, что она хотела сделать сегодня, дай ей по голове и скажи, что это от меня.

– Хорошо – улыбнулась она.

Левиафан встал и плавучей походкой пошёл прочь с кухни.

– Эй, ты же поболтать хотел? – крикнул Анри.

Левиафан развернулся и скосил в его сторону глаза:

– Наверное, у нас нет общих интересов, чего мы могли бы обсудить вместе...для твоего же блага... – и, не дождавшись ответа, пошёл по направлению к комнате Лилит.

Они лежали и молча смотрели в потолок. Он гладил её по руке. Временная идиллия заглянула в гости.

– Лилит, ты боишься смерти? – неожиданно спросил Левиафан.

Лилит повернула голову и посмотрела на него: он смотрел вверх, и вид у него был какой-то пасмурный.

– А почему ты спрашиваешь? – ответила вопросом Лилит и тоже посмотрела наверх, как будто там было ещё что-то интересное помимо потолка.

– Ты знаешь, тогда в 1554, когда я умирал, мне было, действительно, по-настоящему страшно, ты не представляешь, какие это ужасные чувства. Как будто кто-то тебя опустошает, вытаскивает что-то из тебя, что-то жизненно-важное, а ты так не хочешь отдавать это «что-то», но у тебя нет другого выхода. Лилит, это так жутко понимать, что костлявая рука копошится у тебя внутри тела, и она что-то ищет, ищет... страшно осознавать, что, вот он – конец, всё, уже ничто неважно, больше ничего нет. В тот момент я радовался только одному – тому, что моей матери не было уже в живых. Я представить не мог, какого ей было бы потерять любимого сына... А ещё, я чувствовал как остывало моё тело, как из него уходила жизнь, а я так не хотел с ней прощаться. Я очень люблю жизнь, поэтому для меня умереть – это самая

страшная фобия. И самое забавное, когда я понял, что назад дороги нет, только смерть впереди, у меня не пробежала вся жизнь перед глазами, даже её часть. Просто чернота и немощность, трясина и жуть, которая засасывала меня с головой. Странно, но когда ты теряешь близкого человека или любимое животное, то перед глазами мчатся светлые образы проведенных, не то что дней, а даже секунд с этим существом. И знаешь, когда я очнулся, я судорожно начал глотать воздух, я понял, что жив, и я не знал, кого благодарить, за это. Лилит, смерть – очень страшная вещь для меня, хоть я уже и пережил это, но отголоски того вечера до сих пор в моей памяти, я всё время вздрагиваю, когда вспоминаю об этом...

– Я никогда не задумывалась о смерти на таком уровне, мне кажется, что я не смерти боюсь, а умирать с болью. Боль – вот, что меня пугает. Смерть – это раз и всё, тебя больше нет, а боль – это мучения, которые неизвестно сколько протянутся, перед тем как случится «раз и все». Мне страшно даже подумать о том, какого это, когда душу рвет предсмертная боль. Я не могу сказать, что я очень люблю свою жизнь. Она скучна и однообразна, она ничего не стоит, как и жизни многих из нас. Я просто живу, потому что меня родили. Изю дня в день, все одно и то же и почти смирилась с этими. Почти. Это одна из причин, почему я хотела присоединиться к тебе. Ты можешь веселиться, Левиафан, ты позволяешь себе наслаждаться жизнью, а я позволяю себе существовать.

Для тебя страшна смерть... А для меня существование. Это нельзя назвать жизнью, потому что жизнь, она как бы дана для чего-то, а когда ты не видишь для чего, (возможно, этого даже и нет), это становится существованием, как растение: ешь, пьешь, спишь, такой своеобразный круговорот людей в собственном цикле сознательных дней. И ещё, если бы у меня была вечность, я бы нашла, чем её заполнить, потому что, знала бы, – всё что я делаю не напрасно, всё это даст опыт, и тебя, на самом интересном этапе жизни, не загребут руки смерти. Я бы научилась играть на скрипке, выучила бы японский, стала бы рисовать...

– А почему ты этого не хочешь делать сейчас? Ты же живешь сейчас, на японский и на скрипку тебе хватит времени, – сказал Левиафан.

– Знаешь, мой характер перфекциониста не позволит, что если я что-то хочу выучить или чему-то научиться, то я должна сделать это идеально. Если это скрипка, то я буду владеть ею в совершенстве, а для этого восьми лет мало... Моей жизни мало на то, что я хотела бы уметь... А если мне надоело бы быть вечной, я бы убила себя – Лилит посмотрела в угол потолка.

– Нет, Лилит, не убила бы! Раз ты боишься боли, себя бы ты не смогла убить в огне, потому что это ужасно больно! Я бы тебя тоже не смог убить, потому что – люблю... – похоже, потолок им нравился всё больше и больше.

Они смотрели на него, не отводя глаз.

– Левиафан, ты прожил почти пятьсот лет...скажи мне, ты встречал истинную любовь? – спросила Лилит, – ты когда-нибудь любил по-настоящему?

Левиафан оторвал глаза от полюбившегося потолка и посмотрел на неё.

– Любовь, Лилит и любил ли я? Хм... Величайшие умы, за всю историю существования мира так и не смогли дать адекватное определение этому неоднородному чувству. Каждый человек испытывает различные чувства и эмоции и называет это любовью. А они такие разные, эти чувства, Лилит! – зажмурился он. – У каждого они собственные и не похожие на чувства других. Невозможно найти двух людей с одинаковыми чувствами. Допустим, одна девушка живет с богатым полу пенсионером, Лилит, для неё это любовь, а другая бедная и живет с бедным – и для неё это тоже любовь.

– Мне не нравится слово *любовь*. Как помпезно оно звучит, и я не знаю, что это такое. Вот мне с тобой хорошо, иногда я тебя понимаю, уважаю, мне приятно с тобой находиться и мне плохо, когда тебя нет рядом. Ты как маленькая частичка меня, которая блуждает где-то, а я очень беспокоюсь за частичку себя, Левиафан. Это можно назвать любовью? – Лилит взглянула на него.

– Не знаю, Лилит... Я осознал, насколько сильны мои чувства к тебе тогда, когда понял, что я готов умереть за тебя, но я очень боюсь этого. И честно говоря, мне бы не хотелось умирать, так что постарайся не вляпаться в какую-ни-

будь глупость. – Левиафан улыбнулся и чмокнул её в руку.

– Следовательно, ты считаешь, что любить по настоящему – это, значит, переступить через свои страхи?... Но ты не можешь переступить через свою гордыню, Левиафан! Получается что страх – это фигня по сравнению с твоей гордостью? Забавно, как бы сильно ты не любил, ты готов умереть, но переступить через себя в ссоре – ты не можешь... Ты очень интригующее создание. Ты манишь к себе, а потом отталкиваешь и снова ласкаешь. Твоя сущность – это власть над всеми с кем ты общаешься, ты пытаешься превзойти меня во всём, удивительно, что ты ещё не пишешь сидя, лучше, чем я.

– Откуда ты знаешь? – рассмеялся Левиафан.

– Да я даже такому поступку не удивлюсь. Ты игрок и в жизни, и в любви. Я, наконец-то, это поняла! Ты играешь со всеми в жизнь, но я... я нечто больше, чем просто все в твоей жизни. Со мной в любовь. Тебе интересно именно со мной играть, потому что я такая же. Я позволила начать эту бесконечную партию. Мне кажется, что всех этих чувств вообще нет, что всё это сплошная иллюзорность, графика для действий. Играть роль легко... Но где ты настоящий, Левиафан?

– Этот же вопрос я задавал тебе, спрашивая о твоей внутренней идеальности, Лилит, я почти готов сам же ответить на свой вопрос. Гордыня и месть – вот два твоих спутника в жизни. Лилит, мы два сапога пара. Хм, я, наверное, не потерпел бы в вечности ещё одного такого ублюдка как я, толь-

ко в женском обличии. Любовь всё-таки слепа! Зачем надо было, чтобы мы узнали о существовании друг друга, Лилит? Мы с тобой одинаковые, только пол разный. Как нам с тобой жить и не играть при этом? Ты сказала, что твоя жизнь – скучна и однообразна, точнее существование, как ты выразилась. Так я здесь... Я здесь, чтобы дать тебе возможность чаще думать, разнообразить и разбудить твою жизнь, Лилит! Я здесь, чтобы помочь тебе снова стать хозяйкой твоей собственной зарождающейся жизни. А ты здесь, чтобы помочь мне скоротать мою вечность любовью и человеческим теплом. – Глаза Левиафана загорелись при слове «тепло».

Лилит поняла намёк этих искорок в глазах и вскочила с постели.

– Нет! Левиафан! Нет. Прекрати меня кусать! – кричала она в углу, приближавшемуся к ней вампиру.

Лилит попыталась проскочить мимо него, но это ей конечно не удалось. Он поймал её. Лилит смеялась и пыталась вырваться.

– А... Хватит! Ой. Щекотно! – подавлявая смешки, верещала она.

Ребята, сидя на кухне, переглядывались друг на друга с удивлением.

– Как это мило! Они кусаются! – наконец дошло до Жаклин.

Лилит вырвалась и прибежала на кухню. Мужчина за ней. Она попыталась спрятаться за Жаклин. Левиафан бросился

к ней, естественно сшиб обезумевшую Жаклин. Она с грохотом упала на пол. Лилит побежала вокруг стола, хохоча как маленький ребенок. Следом за Жаклин на пол полетел Марк. Но он ещё предварительно ударился лбом об стол, Анри, увидев, что Лилит с выпученными глазами летит на него, решил сам встать и сесть на пол к друзьям. Стул без Анри понравился Лилит больше, чем с ним. Она схватила его и кинула за спину, как бы перегораживая путь Левиафану. Анри не удалось всё-таки избежать физического ущерба. Пока Лилит швыряла стул в вампира, ножка стула задела щеку Анри. Бегущие, взрослые дети зашли на второй круг вокруг стола:

– Ай, Левиафан! Отстань! – вопила сквозь смех Лилит.

Жаклин не растерялась и схватила мимо бегущего Левиафана за ногу, он растянулся на полу, ударившись лицом. Лилит остановилась и начала так смеяться, что Левиафан позеленел от злости.

Он должен был поймать её, это дело принципа! Если бы на кухне никого не было, он бы давно уже это сделал. А при всей этой толпе знакомых ему пришлось бежать как человеку, а он уже давно отвык так бегать. Жаклин тоже смеялась. Вот только Марк и Анри сидели с изумленными лицами.

– Лилит! Ну-ка стой! – крикнул Левиафан, и поднимаясь с пола.

Лилит побежала вперед. Он опять за ней. Эти двое сшибали всё на своём пути.

Жаклин, не на шутку перепугавшись за своё здоровье, ре-

шила выползти с кухни, пока они что-нибудь не опрокинули на неё. Она начала ползти по-собачьи в сторону двери, в это время Левиафан наступил ей на руку.

– Скотина! – заверещала она. Левиафан с перепугу обернулся посмотреть на неё, но забыл при этом остановиться, и, споткнувшись о ножку стола, снова оказался на полу.

Лилит увидав всю картину в кухне, побежала в ванную, ей казалось, что она лопнет от смеха.

– Выходи! – раздался звучный голос Левиафана за дверью.

– Не а! – ответила Лилит.

– Лилит! Ну, пожалуйста, выходи, дорогая! – уговаривал её Левиафан.

Дверная защелка щелкнула и приоткрылась маленькая щель в двери.

– Нет, Левиафан, не выйду! – сквозь эту щель на него смотрел зеленый глаз.

Но такого маленького отверстия было достаточно для того, чтобы Левиафан просунул пальцы и открыл дверь. Лилит отпрыгнула к раковине, бежать ей было некуда. Он поймал её, крепко обнял и поцеловал.

– Вроде успокоились... – сказала покалеченная Жаклин.

Ребята снова сели за стол. Лилит и Левиафан, натискавшись в ванной, тоже пошли к столу, но она, не заметив разбитого фужера, наступила на стекло.

Осколок почти целиком вонзился Лилит в пятку. Девушка взвизгнула и упала на пол, схватившись за ногу. Все смот-

рели, как из раны течет алая кровь, как она оmyвает торчащий из раны кусочек стекла.

Лилит же смотрела за Левиафаном, который не отрывал глаз от струящегося жизненного напитка. Она в данный момент ожидала от него чего угодно. Эта неопределенность пугала её даже больше, чем боль в пятке.

Его взгляд на рану, на кровь – взгляд убийцы, смотреть не отрываясь и глотать слюни так утончённо мог только Левиафан. Внезапно, его как будто что-то вытащило из оцепенения и он кинулся к девушке, схватив за ногу, при этом, он чуть не сломал. Левиафан начал извлекать осколок.

– Ай! Больно! – вскрикнула Лилит.

– Ну, я бы удивился, если было бы приятно – пробормотал он, – хватит дергать ногой, я не могу зацепить его! – приказал он.

Левиафан всё же старался извлечь стекло так нежно, насколько это вообще было возможно. Он рассматривал ранку, словно проработал хирургом лет так двадцать пять, и нажимал вокруг неё видимо для того, чтобы стекло пошло назад. Лилит морщилась и кряхтела.

– Фу. Я не могу на это смотреть! – нервы Жаклин сдали, и она выбежала из кухни.

Лилит тоже отвернулась и посмотрела с грустной улыбкой на Марка и Анри.

– Лилит! Не выходит-то стеклышко! – поставил Левиафан диагноз, пряча в другой руке окровавленное стекло. – При-

дется везти тебя в больницу, надо резать, а то загноится, а потом всю ногу отрежут.

– Что?– заверещала она, – Я не хочу в больницу! Я боюсь врачей! Левиафан, сделай что-нибудь! – потребовала она.

Внутри, Левиафан умирал от смеха. Ну, ни как он не мог, чтобы всё было хорошо. Этот момент показался ему наилучшим для шутки.

– Я провожу ребят и вернусь, что-нибудь придумаем! – пообещал он.

Лилит посмотрела на его лицо *«Что за странная ухмылка? Что ты опять задумал?»*, подумала она про себя.

Через пять минут он вернулся, на его лице была всё та же ухмылка, только уже более явная. Он присел к ней, взял за пятку и начал рассматривать ранение.

– Левиафан, что там? Что происходит? – спросила Лилит, нахмутив брови.

– Тс... – щелкнул языком он, – Всё плохо, Лилит. Стекло ушло так далеко, что его даже не видно... Без хирургического вмешательства, боюсь, нам не обойтись, – ну с очень серьезной физиономией посмотрел на неё Левиафан, едва сдерживая себя от смеха.

– О, Боже мой... Боже мой! – Лилит начала причитать, – я не могу ехать к врачу... пусть там остается, чертово стекло!

– Но дорогая моя, в таком случае, ты просто не сможешь ходить, ты даже не сможешь наступить на эту ногу! – возразил вампир.

Лилит кинулась к нему в объятия, зарыдала и возобновила мольбы.

– Миленький мой, пожалуйста, ну сделай что-нибудь! Ну, хоть что-нибудь! Я прошу тебя! – захлебываясь слезами и соплями, Лилит умоляла его помочь.

– Ммм... как приятно... люблю, когда женщины так просят... – блаженствовал он, глядя её по голове, – была бы ты всегда такая нежная, такая женственная и хрупкая...

– Пожалуйста... – истерика не прекращалась.

– Ладно, Лилит! – вздохнул он, – Хорошего понемножку... Упокойся, дорогая, я уже давно вытащил осколок! – оскалился Левиафан.

Лилит медленно подняла голову, изредка всхлипывая, замахнулась и ударила его по плечу, что было силы.

– Ой! – поежился он.

– Левиафан, когда клетки человеческого организма умирают, скажи мне, клетки мозга тоже умирают? И все бедные вампиры остаются без мозгов или такая бездна только тебя постигла? – глубокомысленным тоном спросила она, и, не удержавшись, треснула по нему рукой ещё раз.

Левиафан не выдержал и засмеялся.

– Дорогая, я искуплю свою вину! – радостно вскрикнул он, – я вернусь через два-три часа! Хорошо?

– Ты опять пойдёшь кого-то есть? – уныло спросила Лилит.

– Нет! У меня есть идея лучше! – интригуяюще крикнул

Лилит сидела с перебинтованной ногой на диване, задумчивая, но спокойная.

«Что ж ещё этот умалишенный задумал? Я от него ничего хорошего не могу ожидать... Точнее он всегда делает хорошо, но при этом успевает натворить гадостей...». В квартире было тихо, слышно только как тикают стрелки часов. Лилит посмотрела на них, затем на обои.

«До чего же страшные обои, размазня какая-то. Напоминают карточки психологов «что вы видите на этой картинке. Почему я этого раньше не замечала?», подумала Лилит.

– Вот! – крикнул почти ей в ухо Левиафан, и кинул ей на колени ключи.

Лилит взглянула на него и удивилась. Она никогда не видела такого довольного лица, Левиафана, аж передергивало от счастья. Лилит решила, что ей следует быть аккуратнее, уж очень весел был мужчина.

– Что это? – осторожно спросила она, поднимая ключи и показывая их Левиафану.

Он закатил глаза, схватил её за руку и потащил к балкону. Лилит похромала за ним. Он открыл окно и показал наружу.

– Видишь? – спросил он.

Внизу стояла белая машина, обмотанная красной лентой, с огромным бантом на крыше.

Лилит высунулась из окна, молча посмотрела на Левиафана, а точнее на его оскаленные зубы, и снова вылезла в окно посмотреть на машину.

«Что-то здесь не так... Ага! Поняла! Кто-то дарит кому-то машину, а Левиафан решил пошутить надо мной! Плохо стараешься, дорогой!» Лилит снова вылезла из окна, а потом взглянула на него. *«Ну да, всё та же глупая ухмылка. Ждешь реакции, да?»*

– Ха.... Ха.... Ха... Левиафан! Очень смешно! – почти по буквам она произнесла каждое слово.

– Я не понял, – смутился он, – тебе вроде ногу порезало, а не голову, что не так?

– Левиафан, ты знаешь, с огромным трудом мне верится что то, что стоит внизу, должно принадлежать мне. Кстати, что это там стоит внизу? – с насмешливой улыбкой спросила Лилит.

– Фух.... Вот это да! – выдохнул он, – Ну почему так всегда случается, Лилит? Хочешь сделать женщине приятное, а она, вместо того, чтобы накинуться и расцеловать, стоит и смотрит на тебя, как удав на кролика! – он снова вздохнул и вышел с балкона, вытащив за руку оттуда Лилит. – Там стоит LexusLS 600H, только что купленный, для тебя.... Но раз ты его не хочешь... придется вернуть назад...

– Эй! Стоп! Я не говорила, что не хочу! Я всего лишь не

очень поверила тебе! – запротестовала Лилит.

– Я сейчас серьезен как никогда! Могу даже показать бу-
маги...

– Нет, не надо.... Но у меня нет прав, да и вообще, я не
умею водить!

– Это не проблема, Лилит. У тебя, для того, чтобы раз-
нообразить твоё существование есть я, – напомнил он ей, –
предлагаю отдохнуть после бурной ночи, а после кататься.

– Ты тоже отдыхать желаешь? – удивилась Лилит.

– Нет, отдыхать желаешь ты! А я просто рядом полежу,
подумаю о приятном, может и усну, – улыбнулся он.

Лилит сладко посапывала у него на плече, а он разгляды-
вал комнату.

*«А не совершаю ли я ошибку, делая такой подарок? Ведь
если что случится, я, конечно, прощу себя.... Но не сразу.
Мне не хочется так нелепо её потерять. Ведь было потра-
чено столько сил, лет, знаний, денег... чего уж там, людей!
Эх, надо было кольцо подарить, было бы безопаснее, но что
сделано, то сделано! Хм... а спасибо мне никто не сказал»,*
улыбнулся Левиафан. *«Хе-хе.... Но всё же интересно, поче-
му она так боится боли... Боли перед смертью, боли в ка-
бинете врача... Что такого в боли, что вызывает у неё та-
кой страх? Может потому что, она женищина? Хотя вряд
ли... Женщины рожают, а я бы не сказал, что это совсем
безболезненно... Лилит, какой боли ты боишься, душевной
или физической?»* – мысленно спросил Левиафан спящую

Лилит. *«Чтобы ты предпочла, чтобы тебе отрубили палец или чтобы тебя предал любимый человек? А если бы палец отрубил любимый человек, что тогда? А чтобы я предпочел в такой ситуации?»*

— Ммм... — Лилит повернулась на другой бок.

В данный момент ей бы ничего не хотелось. Левиафан посмотрел на неё. Волосы, словно шоколадные волны, расплескались по подушкам, одна рука, согнутая в локте, уперлась в подбородок Левиафана. Вторая, как будто в безграничном мире, лежала на одеяле. Лицо было повернуто в сторону, темнота так мягко ласкала её бархатную кожу...

«Ты божественна, Лилит! Все-таки наука имеет в себе нечто божественное. А красота – это зло, ты не можешь быть такой красивой и иметь такое же красивое сердце... Человек не может быть полностью идеален.... Да, твое лицо бесподобно, твоё тело совершенно, твои волосы всегда лоснятся, у них безумно роскошный цвет ... Но твой характер, Лилит, он настолько далек от моего идеала... И я только сейчас это понимаю. Я понимаю, в чем была моя ошибка. Порой я так расстраиваюсь. Зачем все создают себе какие-то эталоны красоты, неземные очертания, образцовый темперамент.... Какая нелепость, придумать себе идола, то, что ты хотел бы видеть и внутри и снаружи, а в итоге, познать совершенно противоположную сторону. Ты такая ангельская с виду, Лилит, но внутри тебя сидит дотошный демон, который давится собственной желчью, и

вылезь бы он наружу, клянусь, я сам бы его испугался. Вот и думай потом, что лучше – женищина с лицом Вельзевула, но с Серафимом внутри, или женищина с лицом ангела-хранителя, но с Люцифером внутри? А может лучше вообще не создавать себе никаких идеалов, чтобы потом не разочаровываться и не чувствовать боли? Может надо просто жить и любить того, кто рядом... то есть, тебя, Лилит. Не стоит лепить того, кого ты хочешь видеть, вместо того, кто на самом деле есть перед тобой. Зачем стирать дьявольские черты характера... а вдруг, она станет не интересной? А что будет, если внезапно встретишь свой идеал? Что случится, если это будет угрюмо и противно, потому что идеал будет делать то, что хотелось бы, ну уж если это не скучно? Ну уж если кому-то захочется прожить так вот притворно свою жизнь, потратить её на ложь и иллюзии, но зато с идеалом рядом? Глупо ведь.... Так что бойся боли, Лилит, наслаждайся демоном, который сидит внутри тебя и гложет твоё сознание, ты не идеал, Лилит, но ты к нему очень близка, а я не хочу обнимать выдуманый мной эталон, будь собой и позволь мне насладиться твоей беспощадной натурой. Но вот, что интересно, Лилит, как ты дожилась до двадцати трех лет, боясь боли? Ведь жизнь – это и есть боль, самая сильная, самая поглощающая, самая бессердечная и кровожадная боль. Она гложет тебя извне, и так мучительно обжигает внутри. От неё некуда уйти, никуда не спрятаться. Боль – это спутник каждого из нас,

вечный спутник, которого ты никогда не сможешь потерять, который никогда не бросит тебя и не предаст. И если уж умирать, то это не потому, что жить надоело, не потому, что бытие само по себе нелепо и абсурдно, а потому, что не можешь больше терпеть эту боль, потому, что она уничтожает, разрушает самые жизнерадостные клеточки мозга, которые очень хотят жить.... Но в итоге, они погибают.... Лишь сильные люди могут прожить отведенный им срок вместе с супругой по имени Боль. А сила этих людей заключается в равнодушии и в безразличии к боли, то есть практически ко всему, что их окружает. Лилит, ты погибнешь, если будешь уделять ей столько внимания...»

– Эй, Левиафан! – Лилит тормошила его в разные стороны.

– Что, что случилось? – открыв глаза, спросил он.

– Боже ты мой... Ты такой... – хихикала Лилит.

– Какой? – улыбнулся вампир.

– Никакой...

– Это самое лучшее, что я слышал за всю свою жизнь! – покосившись на неё, он ловко завалил её на постель.

Лилит увидела, как из десен лезут острейшие клыки и в ту же секунду, эти клыки она ощутила на своей руке.

«Даже это больно, Лилит, но ты терпишь, почему? Приятно? Божок по душе босыми ножками пробежал, да? Наслаждайся, милая!», подумал Левиафан, неторопливо делая свои три глотка.

– Ну, теперь мне надо в ванну – игриво оттолкнула она его.

Лилит включила воду и села в ванную, она направила струю воды на лицо. Ранки на руке защипали.

– Лилит...

Она подпрыгнула с перепугу и сильно ударилась локтем о край ванны. «*Чёрт!*», подумала Лилит и отдернула шторку

– О, господи, Левиафан! – вздохнула Лилит с улыбкой, – что тебя сюда принесло?

– Какая ты грубая! – сказал Левиафан, – мне там скучно одному, а тебе, наверное, некому спинку потереть – расплылся он в улыбке.

– Ладно, зачтено, можешь остаться! – улыбнулась Лилит и задернула шторку.

Шустрая рука вдруг показалась из-за шторки и начала нежно гладить спину, Лилит закрыла глаза и погрузилась в блаженство. С одной стороны её гладила горячая вода, а с другой – божественная нежность.

– Иди ко мне – позвала она его, отодвинув шторку.

Она не смогла не улыбнуться, увидев, что Левиафан без приглашения стоит голый и в одном носке. Расправившись, наконец, с несчастным носком, он залез к ней в ванную и сел напротив неё.

– У тебя хоть когда-нибудь сходит с лица твоя гадкая ухмылка? – спросила Лилит.

Левиафан взглянул на неё без ухмылки, но зато таким

чувственным и проникновенным взглядом.

– А ты когда-нибудь принимала ванну со смертью? – спросил он её холодно.

– Нет – быстро ответила Лилит, продолжая изучать его лицо.

– А сейчас ты ее видишь, чувствуешь? Всё меняется, не так ли? Даже вода словно становится холоднее из-за моего присутствия! – глядя её по ноге, сказал Левиафан.

– Что ты такое говоришь? Что с тобой? – Лилит не на шутку разнервничалась.

– Я смерть.... А ты сидишь со мной в одной ванне – серьезным тоном пояснил он.

– Левиафан, ты не смерть, ты вампир, так что заканчивай с этим! – рассмеялась Лилит, и направила на его лицо душ.

«Смерть» замахала руками и попыталась вырвать душ из рук Лилит.

– Эй, хватит! – кричал он, а Лилит смеялась во всё горло.

Наконец Левиафан отнял у неё душ. Лилит посмотрела на него и... лучше бы она этого не делала. Её полностью заморозил мужчина. Мокрые чёрные ресницы и брови, темные глаза, и та самая последняя капелька, стекавшая по его носу, чуть не свела Лилит окончательно с ума. Она наблюдала за капелькой, как в замедленной съемке: вот она отрывается от кончика его носа, вот она летит вниз, при этом играет в лучах света, и вот она падает ей на щеку, и стекает вниз. И дальше она крадется, как слеза, только не соленая и не горь-

кая. Просто капелька воды...

– Лилит? – позвал её Левиафан, – о чём задумалась, дорогая?

– Капельки... как слезы... – Лилит смотрела на него.

Левиафан встряхнул головой и зажмурился.

– Чего? Какие капельки? – он явно не понимал, о чём она говорила.

– Капельки! – чуть громче сказала она, и протянула ему руку, переворачивая её из стороны в сторону, – видишь, блестят, капельки?

Левиафан посмотрел на руку, усеянную каплями, как листок росинками. Он расслабился.

– Ну и что, что капельки? Лилит, дорогая, я тебя не очень понимаю, тебе они так понравились, ты что, их в первый раз видишь?

– Нет, я много раз их видела. Просто никогда не обращала внимания. Они живут, как будто своей жизнью. Если поднять руку вверх, то все капельки поползут вниз, так быстро, как будто они тоже куда-то опаздывают, спешат... Они сталкиваются друг с другом прямо как люди, а потом бегут либо в одном ручье, либо сразу же распадаются на два, и каждое маленькое русло бежит по своему желанию. И главное, что они все бегут, потому что боятся не успеть сделать всё, что должны успеть сделать, до того, как они упадут в общий поток. Сейчас они индивидуальны, каждая сама по себе, маленькие и блестящие, бегло скатываются вниз. Они ведь не

понимают, что спешить не надо.... Потому, что можно утонуть в том, новом большом мире, на дне ванны. Или слиться со всеми и стать одной сплошной «серой» массой. И самое забавное, неважно, как капельки добегают до дна... Я имею ввиду, по отдельности или вместе, они всё равно попадают в бесцветную огромную лужу. И больше никогда не смогут отличаться друг от друга, но им можно помочь, так же как и людям. Вот если сейчас зачерпнуть в ладонь воды и подбросить в воздух, то однородная масса снова разобьется на капельки. Вот только, есть одно «но», а нужна ли им эта рука помощи? Так и люди ведь! Ты протягиваешь капелькам руку помощи, чтобы они смогли снова бежать, могли стать индивидуальностью, а они потом бегут и ненавидят тебя за твою помощь, потому что им было хорошо в серой массе. И выбора у них нет, как только снова бежать, быстро бежать в эту однородную массу. – Лилит замолчала и взглянула на Левиафана.

Он сидел, положив подбородок на руки. Его брови были где-то на затылке от удивления.

– Левиафан, мне действительно их жаль: и людей, и капельки.... Почему они себя так не ценят? Почему пытаются слиться со всеми, чтобы ничем не отличаться и быть такими же, как все? Я не понимаю, честно...

– Лилит, дорогая, ты сравниваешь людей и капельки...

– Да, потому что, – не дала ему договорить она, – мы действительно мало чем отличаемся от капелек. Мы так же

рождаемся и начинаем бежать, потому что времени мало, жизнь слишком коротка. Мы также сливаемся с другой каплей, а потом разливаемся, и начинаем бежать ещё быстрее... Страх быть не таким как все заставляет задыхаться, умирать, но всё равно ты бежишь, что есть мочи, чтобы догнать. А если найдется одна маленькая капелька, которая вдруг застрянет на корне волоска и не сможет, и не захочет дальше бежать. Её же друзья-капельки, которые только что бежали с ней рядом, возненавидят её, а люди попытаются уничтожить...

– Иди-ка сюда, – сказал Левиафан, прижимая её к себе, – дорогая, я уже настолько ко всему этому привык, что перестал замечать все это.

Он поцеловал её, нежно поглаживая по спине. Лилит закрыла глаза и постаралась забыть о каплях и людях, ей просто хотелось провести этот вечер хорошо.

22

Через полтора часа они стояли перед белым лексусом.

Лилит до сих пор не верила Левиафану, ей казалось, что здесь кроется какая-то гнусность. А если её там нет, то всё равно, она идет бонусом к этой машине. Это же подарок Левиафана, а Левиафан не простой человек, он вампир, и если уж на то пошло, то и вампир он не простой – он гадкий вампир. Его очень забавляет, когда люди вокруг него боят-

ся, нервничают, проявляют агрессию, включая его девушку. Левиафан не упустит возможности посматься даже над ней. Наверное, над ней – особенно! Поэтому Лилит очень осторожничала.

Она обошла машину кругом, очень медленно, всё время боясь, что кто-нибудь или что-нибудь выскочит и напугает её до смерти. Наконец, когда она убедилась, что снаружи эта машина не представляет никакой опасности, Лилит начала думать, что что-то не так с машиной внутри. Левиафан стоял недалеко и наблюдал за ней, периодически издавая смешки, которые всё больше и больше заставляли Лилит думать, что всё-таки что-то не так.

– Левиафан, внутри, бомба? – со всей серьезностью спросила она.

Левиафан выпучил глаза. Такого вот вопроса он никак не ожидал. Это его даже слегка оскорбило. Он подошёл к девушке и погладил по щеке.

– Лилит, Ли-ли-т! У тебя такие нежные губы, и эти губы не должны говорить такие гадости! – Левиафан огорченно посмотрел на неё.

Затем он развернулся и открыл дверь со стороны водителя.

– Прощу, дорогая! – он помог ей сесть, закрыл дверь, а сам сел на пассажирское сиденье.

Наступила жуткая тишина. Лилит смотрела вперед, на капот машины, Левиафан, развалившись полу боком и обняв

рукой верхушку сиденья, смотрел на Лилит.

– Дорогая, я конечно, готов сидеть с тобой где угодно и сколько угодно, но нам бы уже тронуться надо, так что заводи! – он погладил её по колену.

– Левиафан! – Лилит развернулась к нему с нахмуренными бровями и поджатыми губами, – Как ее заводить? – спросила нервно она, глядя на то, как вампир преспокойно вытаскивает сигарету из пачки и прикуривает.

– Да, я и не думал, что тут всё так запущено! – ехидно сказал он, и тут же получил по плечу.

Ничтожно слабый удар рассмешила его ещё больше. Он погладил плечо и начал объяснять.

– Смотри, вот кнопочка, видишь? Аккуратно, своим изящным пальчиком нажимаешь на нее и вуаля, понятно, милая? – Левиафан посмотрел на Лилит и рассмеялся чтобы сил.

Лилит была зелено-красного цвета, её волосы, как будто шевелились на голове от злости, пальцы судорожно сжимались в кулачек. Лилит была похожа на медузу Горгону, со змеями вместо волос.

– Ой, не надо, милая! Сейчас всё будет нормально! – ехидно улыбался он.

«Ах ты, жук! Вот она, где гнусность-то твоя спрятана. Подвоха не от машины надо было ждать, а как всегда от тебя лично, паразит, ты эдакий!». Левиафан едва сдерживался, чтобы не описаться от смеха.

– Вурдалак! Мы учимся или ты ржешь надо мной? – Лилит уже скрипела зубами от злости.

– Мы совмещаем приятное с полезным, дорогая! – сладким голосом прошептал он, – так, – он посмотрел на неё и опять засмеялся.

Лилит нервно обкусывала губы и вдруг внезапно как стукнула по рулю.

– Значит так! Ещё один смешок, и я к этой машине близко больше не подойду! – крикнула Лилит.

Левиафан резко закрыл рот и попытался притвориться хоть на минуту серьезным человеком.

– Окей! – кивнул он, – Лилит, здесь стоит автоматическая коробка передач, под рулём только две педали – это не сложно – газ и тормоз. Скорости переключаются автоматически. Педальки нажимать только правой ногой, а левая стоит в стороне. Буковка «Р» – ты сможешь завести машину, когда рычаг стоит в этом положении. «Р» – это парковка. Рычаг можно вернуть в это положение только после полной остановки машины. Буковка «R» – задний ход, тут всё просто, единственное, когда будешь переключать рычаг, придержи педаль тормоза, а то случиться может чего! «N» – нейтралка, можешь завести машину, но ни в коем случае не переключай сюда рычаг, когда машина на полном ходу. И «D» – движение – ну это, наверное, понятно! Слева тормоз, справа – газ! Поехали! Остальное тебе не надо, – Левиафан протараторил быстрее, чем обычно тараторит Жаклин.

Выражение лица у Лилит было очень жалобным. По глазам было видно, что она ничего не поняла. Левиафан вздохнул.

– Так! Смотри сюда! Жми на тормоз, большой прямоугольник под ногой. Левее. Я переключаю с «Р» на «D». Отпускай понемногу педаль. Видишь? Мы едем! – Левиафан улыбнулся.

Машина тронулась и покатилась вперед, так мягко и плавно. Левиафан слышал, как трепещет сердце Лилит, как громко бьется её пульс, и всё это от радости, на её лице появилась улыбка. Ему была приятна её реакция. Хотя она ничего и не говорила, только весело смотрела вперед, вцепившись в руль, он всё рано смог почувствовать каждый оттенок её эмоций.

– Левиафан! Она едет! Едет! – визжала Лилит от восторга, потом, неожиданно, она выпучила глаза и тихим голосом спросила, – а если мы разобьемся? Ты ведь выживешь, да? А я? А я – нет... – Лилит покосила на него испуганные глаза.

– Милая моя! – оскалился он. – Мы едем пять километров в час, ты даже педаль газа не выжимаешь, тут при всём желании не разобьешься, а уж тем более не умрешь! А если вдруг ты умудришься в кого-то сейчас въехать, а ещё и умереть при этом, то мне придется, потом пару сотен лет винить себя за это!

– Ты такой мерзавец, Левиафан! – улыбнулась Лилит.

– Дорогая, поддай газу, а то на такой скорости я вижу кри-

сталлы падающих снежинок. – Он показал ей язык.

Лилит, почти с сожалением и с улыбкой, посмотрела на него.

– Ты хуже, чем мерзавец, Левиафан! – сказала она, а затем предложила, – давай поменяемся местами и поедем куда-нибудь?

Левиафан залез на водительское сиденье, усадив Лилит на своё бывшее место.

– Пристегнись дорогая! Сейчас я покажу тебе, на что способна эта машина! – и педаль газа ушла в пол.

Фонари и деревья, сугробы вдоль дороги, уборочные машины по трассам, одинокие люди, которых застала ночь, спешили домой. Лилит следила за всем, что попадалось на глаза. Она не боялась ехать с ним на такой скорости, потому что полностью доверяла. Святая вера в то, что он всегда успеет затормозить вовремя или объехать.

Левиафан остановился машину на широком, высоком мосту и уставился на девушку.

– Что скажешь?

– Ты о чем? – удивленно посмотрела она на него.

– О машине. Нравится?

– А, о машине...очень – улыбаясь, ответила Лилит и попыталась выйти.

– Да, мощная благодарность...Я помогу. – Тихо сказал он, открыв дверь девушке и подав руку.

– Спасибо.

– Машина твоя... – Левиафан вложил ей в руку ключи.

Они вдвоем стояли на безлюдном мосту и смотрели в черное небо, усеянное звездами. Сколько ж их там было? Миллионы? Миллиарды? Мерцающие, слабые, сильные, большие и совсем крохотные, бледно желтые и яркие, огненные. Небо светилось неподдельной красотой, от которой просто невозможно оторвать взгляд. Зимняя ночь, заполненная оледеневшими звездами едва подвластно описанию.

– Я знаю – вампир неотрывно продолжал пялиться на черное небо, – знаю, что тороплюсь, а может и вообще не должен делать то, что я собираюсь сделать...

Лилит нервно перевела на него взгляд. Ей хватило того, что он уже сказал, она тут же догадалась, о чем может пойти речь. Внезапно ей стало совсем не по себе.

– Левиафан... – прошептала она, отворачиваясь от него.

– Нет, подожди, давай мне договорить. – Настаивал он.

– Но... – попыталась продолжить девушка.

– Лилит! – он окинул ее серьезным взглядом.

Девушка вновь опустила глаза и позволила вампиру делать то, что он собирался.

– Вот – вампир аккуратно положил ей на ладонь еще одни ключи.

– Прекрати, пожалуйста. – Лилит не выдержала, рассматривая железяки у себя в руки. – Мне нечего дать тебе взамен...

– А я разве что-то просил? Подумай сама, если бы мне

надо было что-то от тебя, стал бы я делать тебе какие-либо подарки, если я знаю, что в твоём кошельке – кот заплакал. Во-вторых, если уж на то пошло, то ты мне очень многое даешь взамен! Мне просто доставляет удовольствие видеть, как ты радуешься. Тем более эти ключи – это не совсем подарок. Это всего лишь ключи от моего дома. Я хочу, чтобы ты осталась у меня и не только на одну ночь.

Девушка опустила взгляд. Ключи на ее руке казались отягчающим грузом, который она никогда больше не сможет скинуть. Словно металл пустил свои железные корни ей в ладонь, окутал связки и сухожилия, не позволяя более шевелиться и утягивая плоть вниз.

Девушка испугалась предложения. Разные мысли лезли ей в голову, страшные и не очень, хорошие и плохие. Ещё с минуту она подержала ключи, а затем протянула их назад Левиафану.

– Левиафан, я не очень хорошая хозяйка, да и вообще, у меня проблемы с бытом. Так что, я думаю, не стоит нам этого делать. Давай не позволим быту разрушить наши и без того шаткие отношения.

Левиафан облокотился на перила, закрыл глаза и начал считать до десяти, для того, чтобы успокоиться.

– Лилит, дорогая моя, скажи мне, пожалуйста, разве я предлагаю тебе работу няньки-сиделки? Разве я похож на недееспособного пенсионера, которому нужна помощь...особенно женщины? – он прикрыл раскрытую ла-

донь девушки своей.

– А, ну раз так, то хорошо. Когда вещи перевозим? – притворилась она, что всё хорошо.

– Лилит, ты бесподобная актриса, но меня так просто не обманешь. Что не так? Что тебя так пугает? – он посмотрел прямо в глаза, словно пытаясь прочесть там ответ на свой вопрос.

– Да не знаю я! Просто, наверное, это всё так неожиданно и странно.... Не обращай внимания, всё будет нормально.

Левиафан поцеловал холодные губы и улыбнулся. Лилит, глядя на него, тоже улыбнулась. Еще минут пятнадцать они простояли на мосту, разглядывая небо и глаза друг друга.

Канун нового года.

Левиафан перевёз вещи Лилит. Те несколько дней, пока они были вместе, не вызвали никаких эксцессов. Дни прошли тихо и спокойно, за исключением пары словесных перебранок.

На втором этаже они обустроили себе под спальню другую комнату, потому что Лилит не хотела спать в кровати, где она видела другую женщину. Комнату сделали в бордово-красных тонах, так как это был единственный цвет, на котором они оба сошлись.

Лилит сама смогла доехать, за рулем, от своего дома до дома Левиафана, в его присутствии естественно.

В совместной жизни с Левиафаном она тоже была новичком, но им было хорошо вместе и страшно в тоже время.

Они боялись сказать или сделать что-то не так, и так как оба темпераментные, «что-то не так» могло бы закончиться словесными пререканиями и возможно даже ссорой. Лилит уже понимала, что выгнать она его не сможет, если он начнёт откровенно над ней издеваться, как он любит, в своём стиле. А это означало, что ей придется разыскать и подготовить свой словарный запас, чтобы защищаться от его словесных нападок.

Левиафан как всегда забавлялся, не оставляя её ни на минуту в покое. Наверное, помимо того, что он был вампиром, кровососущим, он, к тому же, был ещё и энергетическим вампиром. Он постоянно старался вытаскивать из нее различные эмоции, чтобы она выплеснула их, а он, как губка впитывал это всё в себя.

Ему нравилось все, что касалось девушки. Ее заразительный смех, ее слезы, суровый, хмурый взгляд, улыбка в глазах, печаль на губах. Ему нравилось, как она кричала, шептала, спокойным ровным голосом пыталась донести до него информацию, молчаливо сидела около окна и смотрела вдаль.

Он чувствовал себя все противнее, утопая в любви, и чего уж там таить, он мог сознаться себе в своих чувствах, сознать в слабости перед этой женщиной. Но он не мог отказать себе в веселье.

– Лилит, дорогая! – Левиафан ехидно потирал руки, – слушай, а ты рассказывала Жаклин о последних новостях, которые с тобой приключились?

– Нет, конечно, она с ума сойдет, и будет доставать меня вопросами, – улыбнулась Лилит.

– Это хорошо... – Левиафан достал из кармана мобильный, – это хорошо!

– Что ты задумал? – удивленно спросила Лилит, даже слегка испугавшись.

– Тс... – Левиафан положил ей палец на губы, – алле, привет Жаклин! Ты узнала? – он улыбался, – да, да, это я. Праздничный интерес, где ты собираешься проводить сегодняшнюю ночь? ... Не знаешь, да? Ммм, я могу подкинуть тебе идею! – оскалили он зубы, – какую, спрашиваешь? Очень простую! Мы с Лилит приглашаем тебя к нам! – Левиафан расплылся в экстазе, слушая ахи и вздохи из трубки.

– Дай мне сюда трубку! – зашипела злобно Лилит.

А так как у Левиафана рост был метр девяносто, а у Лилит почти что метр шестьдесят, то он просто легко отмахивался от напрасных атак.

– Да, да, Жаклин. Лилит теперь со мной живет, и наполняет этот дом своим теплом! Правда, дорогая? – он еле сдерживал смех.

Лилит стукнула его по уже полюбившемуся плечу. Левиафан рванул с места и оказался на шкафу, где он, наконец, смог расслабиться. Показывая дразнящие жесты Лилит, он сел на шкаф и свесил ноги.

– Да, Жаклин, у нас всё хорошо, просто супер! Ну, так что скажешь по поводу моего предложения? – Левиафан пока-

зывал язык и корчил рожи. – О, ну так это прекрасно, – он отнёс трубку от уха и зажал её, – а теперь, главный номер сегодняшнего вечера, – крикнул он Лилит.

– Хорошо, Жаклин! Лилит за тобой заедет! – его глаза сверкали неподдельным огоньком сарказма и цинизма. – Да, Жаклин, я подарил ей машину в честь праздника и того, что очень сильно люблю её. Ну, она заедет и покажет что за марка! Всё, давай, до вечера! – он выключил трубку и засмеялся, что есть мочи.

– Ты такой дурак! Как я за ней поеду? – нервно спросила Лилит.

– Дорогая моя, – он, наконец, слез со шкафа, – я в тебя верю. За последние три дня у тебя неплохо получалось управляться с ней. Так что я схожу за продуктами, а ты заберешь гостей.

– И когда мне надо за ней ехать? – свирепо спросила Лилит.

– Сейчас, милая, сейчас! А, кстати, тебе лимонов купить? – крикнул он, стоя уже около двери.

– Я убью тебя! – она побежала к двери, чтобы поймать его, но его, конечно, там уже не было.

«Левиафан. Пора уже повзрослеть! Ничего, смеется тот, кто смеется последним!», Лилит усмехнулась про себя, в её голове созрел план.

Она вышла на улицу, подошла к машине и внимательно посмотрела на неё. Обойдя её со всех сторон, она погладила

её по капоту и грустно произнесла: «*Прости, милая!*». Лилит села руль, завела двигатель и поехала к дому Жаклин.

Она аккуратно проехала всю дорогу, умудрилась даже не вызвать никаких подозрений у стоящего на посту патруля. По пути она постоянно улыбалась. Когда на горизонте показался дом Жаклин, Лилит посигналила и начала парковать-ся. Увидев бордюр, Лилит ещё раз погладила машину, только уже по рулю и слегка прибавила газу. БАМ! Белый, ровный и гладкий бампер машины уже был мятым и потрескавшимся внизу.

Лилит улыбнулась и вышла из машины. В это же время из подъезда выбежала Жаклин, за ней обычным шагом шёл Марк.

– Всё нормально! Филипп в командировке на две недели. Уехал ещё позавчера! – объяснила она, увидев шокированное лицо Лилит.

– Это все объясняет, – улыбнулась Лилит. – Поехали, что ли тогда, если вы не боитесь, я всего третий день за рулём! – Сглотнув, сказала Лилит.

– О, боже мой, это же лексус! Белый! – как и ожидалось, Жаклин вся затряслась и начала прыгать вокруг машины, разглядывая её со всех сторон.

Она никогда не завидовала людям, у которых были такие вещи, у неё просто такое хобби – разглядывать дорогие машины и квартиры и визжать от восторга.

– Как? Как он это сделал? Он банк ограбил? Она точно

твоя?

– Да, да, Жаклин! Он пригнал её к дому, обвязал бантиком, дал мне ключи и сказал, что она моя... – Лилит терпеть не могла рассказывать такие вещи, а Левиафан, зная это, специально отправил её объясняться перед Жаклин.

– Дорогая, я так рада за тебя, да и вообще за вас! – Жаклин обняла её, – правда, я очень рада, что у вас всё хорошо! Ой, а это что? Это ты её стукнула? – спросила она, поглаживая мятый бампер у машины.

– Да, не обращай внимания, всё нормально, – мягко сказала Лилит и открыла ей дверь.

На обратной дороге, Жаклин что-то тараторила про Марка и про развод с мужем. Лилит увидела стоящий вдалеке, уже знакомый ей, дорожный патруль.

«Левиафан, ты в меня веришь?!», усмехнулась она и нажала педаль газа, крутя рулем из стороны в сторону. Таким вот образом она пронеслась мимо патруля. Стражи порядка естественно сразу же подумали, что машину ведет пьяный водитель.

– Лилит! За нами едет патрульная машина, с включенной сиреной! – крикнул Марк, – Остановись!

– Ты с ума сошёл? У меня нет прав! Машину заберут! – ответила Лилит и поддала ещё газу.

Левиафан мурлыкал какую-то песенку себе под нос, готовя праздничный ужин, как вдруг он услышал громкий свист тормозов и звуки сирены.

– Что за херня? – вскрикнул он и пошёл на улицу.

Около забора стоял лексус, рядом с ним стояла Лилит и что-то объясняла людям в форме, хаотично размахивая руками, за её спиной молча стояли Марк и Жаклин. Левиафан нахмурился, бросил со злостью полотенце на газон и пошёл к толпе разбирающихся людей.

«Чёрт! Я должен был предугадать это, Лилит! Я идиот!», гневно думал он про себя. Но когда он подошёл поближе, он не знал, кого проклинать, то ли себя, то ли Лилит. Он увидел покорёженный бампер и сразу догадался, что это было сделано специально. Если бы Лилит случайно въехала куда-нибудь, то вмятина была бы намного больше.

– Идите в дом! – приказал он, – я сам здесь разберусь!

Лилит посмотрела на его лицо и пожалела, что у неё не было с собой фотоаппарата. Такого разъяренного лица у Левиафана она ещё не видела. Было видно, что он еле сдерживался, чтобы не кинуться на Лилит и не придушить её прямо при всех. Только его пальцы сжимались и разжимались, а взгляд пронзал Лилит насквозь.

– Я сказал в дом! – слегка прикрикнул он на них.

Лилит сидела за столом. Настроение было радостное, и в то же время, на душе было как-то боязливо. Чёртов вампир был совершенно не предсказуем. Он мог сделать всё что угодно в отместку. Лилит должна была быть очень внимательна, следить за каждым его движением, чтобы успеть заметить, если вдруг он решит насыпать ей мышьяка в фужер.

Минут через пятнадцать-двадцать Левиафан вернулся в дом. Он закрыл за собой дверь и остановился около неё, опустив злобный взгляд на Лилит. Он быстро подошёл к ней, схватил её за руку и потащил за собой на кухню.

– Ну и как такое могло случиться? – крикнул он.

– Это вышло случайно... – еле сдерживая смех, сказала Лилит.

– Случайно? Я очень похож на дурака? Ты случайно помяла бампер, случайно проехала мимо патруля на всех парах, наверное, потому что случайно нажала педаль газа, и случайно швыряла машину из стороны в сторону? – свирепошипел Левиафан.

– Правда, случайно! – Лилит как могла, пыталась скрыть предательскую улыбку, но видимо у неё это плохо получалось, потому что Левиафан пришёл в ярость, да он просто озверел.

Он схватил её за плечи и чуть ли не впечатал её в стенку. Лилит уже было не до смеха.

– Всё ещё смешно? – грубо спросил он.

– Уже нет... – прошептала она, пытаясь высвободиться.

– Куда ты собралась, дорогая? Я ещё не рассказал тебе, на какие деньги попал из-за твоих шуточек! – рычал Левиафан, – мне не жалко этих чёртовых денег. Меня одно раздражает. Ты думала своей головой, когда неслась под двести километров, вилляя машиной? Дура! Снег на улице, скользко! – Левиафан отпустил её и отвернулся. – Ты могла погиб-

нуть, если бы машину занесло... Я подарил её тебе не для того, чтобы ты угробила себя...

Лилит стояла у стены, смотря из стороны в сторону, нервно кусая губы. Она поняла, наконец, о чём он говорит. Действительно, она ведь не подумала, о том, что всего третий день за рулём, что с ней было ещё два человека, совершенно ни в чём неповинных, и они могли пострадать из-за неё, из-за нелепой мести.

– Машину забрали в ремонт, через два дня вернут как новую.... И ты сможешь снова трепать мне нервы! – сказал он и попытался выйти с кухни, но Лилит поймала его за руку.

– Левиафан... прос... я заигралась. Я хотела всего лишь немного позлить тебя...

– Ты позлила, Лилит, ты меня взбесила! А не позлила! – он обнял её, – Лилит. В следующий раз мсти как-нибудь по-другому, чтобы твоя жизнь не подвергалась опасности.

– Хорошо, – улыбнулась Лилит, прижимаясь к нему.

Жаклин и Марк в это время расставляли всё на столе, подготавливая обстановку к празднику.

– Всё нормально? – спросила Жаклин, увидев вновь воссоединившуюся парочку.

– Да, отлично, – давайте разберемся с яствами.

ели, пили и с живым интересом что-то обсуждали.

Недавняя ссора, казалось, была забыта, и никто из них не вспоминал о произошедшем. Правда, изредка, Лилит замечала, как Левиафан, сидя за противоположной стороной стола, поглядывал на неё. Это был не совсем добрый взгляд, точнее, он был холодный и пустой. Но что-то было важное в этой пустоте. Своеобразный намек на что-то, только Лилит не могла понять на что конкретно.

«Что за взгляд? Я абсолютно уверена, что сегодняшний инцидент просто так не забудется, на то он и Левиафан. Последнее слово всегда за ним. Но он забывает одну формальность – я тоже играю, мы с ним – два полноправных участника этой схватки. Неужели он так быстро придумал, как вернуть мне должок за машину?», Лилит ответила ему таким же холодным взглядом.

Левиафан смотрел на неё со свойственной ему неподвижностью. Лилит выпила залпом рюмку, слегка поморщившись, но взгляда не отвела.

– Смотри, они в гляделки играют что ли? – тихим шепотом Жаклин спросила Марка.

– Не знаю, во что они играют, но тут явно пахнет перепалкой. Они же не могут жить без этого, не могут быть просто спокойными людьми. Я тебя уверяю, сейчас что-то будет.

«Да, ты прав, Марк! Сейчас что-то будет!», услышав тихий шепот Марка, Левиафан подумал про себя.

– Они прямо, заворачивают меня оба! Я могу бесконеч-

но наблюдать за тем, как они смотрят друг на друга, так эмоционально! Я почти даже чувствую их эмоции! А ты? – продолжала допрашивать Жаклин бедного Марка, который был уже не рад, что ответил на её первый вопрос.

– Ага, как бы это не закончилось, как в прошлый раз... – мрачно произнёс он.

В дверь раздался звонок. *«О, этой мой сюрприз для тебя, Лилит!»*, Левиафан положил салфетку на стол, встал и пошёл открывать дверь.

– Привет, ты знаешь, очень тяжело было в такое время найти такси! – женский голос жаловался ему.

«До чего ж знакомый голос... Я уже слышала его и не раз... Он напоминает мне школьную знакомую», подумала Лилит.

– Давай пальто! – он забрал её верхнюю одежду, – пойдем.

Жаклин выпучила глаза, а Лилит чуть вилкой не подавилась. Подруга быстро шепнула Лилит, что это и есть там самая шикарная женщина из клуба, с которой как-то целовался и обнимался Левиафан.

Лилит вспыхнула, щеки покраснели, глаза налились ненавистью. Отвращение было не к этой девочке, а к Левиафану. Он каждый раз сильно задевал её, втыкал маленькие, тоненькие иголочки, оставляя их внутри навсегда. Они как занозы, сидели очень глубоко и никакой пинцет не смог бы их извлечь оттуда.

Она не могла понять, с какой целью эта девочка здесь. Ли-

лит внимательно посмотрела на нее и узнала в ней ту самую, школьную знакомую. В школе они не были подругами, но неплохо общались. Они были самыми красивыми девушками и между ними была негласная война – «кто лучше?». Все парни носились за ними. Конечно, маленькие мальчики им были не нужны, но девчонки всегда с ними заигрывали, так, чисто для галочки, друг перед другом.

Девушку звали Маргарет. И в её внешности был всего один недостаток – у неё была плешь на макушке, и этот косяк природы, она пыталась всячески скрыть то под различными головными уборами, то просто надевала искусственные пряди. Об этой маленькой уродливости знало очень маленькое количество людей, включая Лилит. Сейчас у девушки были наращенные волосы, поэтому этот секрет совершенно не помог бы в данной ситуации.

– Лилит? – удивилась она, теряясь в собственных эмоциях. На самом деле было видно, что она в таком же смущении, как и сама Лилит, – вот не ожидала тебя здесь увидеть!

«А я-то как не ожидала тебя увидеть тут!», рассеяно подумала Лилит, «а больше всего я не ожидала узнать, что это ты чуть не увела у меня Левиафана в клубе!».

Глядя на лицо вновь обрадовавшегося вампира, сразу было видно, что он-то ожидал тут увидеть всех. Нижняя челюсть Жаклин практически лежала на столе, она была поражена тем, что увидела и услышала. Марк, как всегда с невозмутимым выражением лица оглядел всех, оценил ситуацию,

понимая, что тут в скором времени разыграется, и продолжил жевать свой салат.

В это время Левиафан любовался двумя красотками, которые сидели у него за столом и смотрели друг на друга мило улыбаясь, а в глазах была видна взаимная неприязнь. И всё из-за него. Его очень сильно потешала эта картина.

Две женщины, которые тихо ненавидят друг друга – опаснее войны. Женщины вообще способны на такие мерзкие, гадкие поступки. И эти выходки потом согревают им дурную и безнравственную душу. Сделай подлость и живи спокойно – многие живут по такому принципу. При всём при этом, подлости они делают всем, кто досадил им: подруге, любовнице мужа, сопернице...

«Две змеи за столом», подумал Левиафан. *«Змеи в природе встречаются очень красивые, очень притягательные, прямо как эти две. Бывало, идешь, видишь, как она лежит и греется на солнышке, и всё её гибкое тело переливается цветами неземной красоты. Так и хочется взять в руки. Но не стоит забывать про яд! Чем красивее змея, тем ядовитее. Ну, например, вряд ли человек захочет взять в руки ужа, разве что поиграть и выкинуть потом. То же самое происходит в жизни с неприглядными девушками. Ну кому на фиг нужен маленький и чёрный уж? А всё потому, что мужчин не привлекают невзрачные и неядовитые змеи. Уж – это скорее дождевой червяк, а не змея. А так как мужчины ещё брезгливы по природе, то червяки им вообще не нужны... (хо-*

тя встречаются исключения, но очень редко). А вот была бы это, например, индийская кобра... На её капюшоне выделяются очки, чёрные в белой оправе. Такие прекрасные очки, а если ещё приглядеться, то они напоминают морду мышки с черными глазами. Красивая змея. Яд кобры вызывает паралич после укуса. Но встретить и привести в дом кобру – это ещё полбеды. Эта змея никогда не нападает сама. Даже её первый бросок происходит с закрытым ртом, типа «я предупреждаю!». Но вот если более отъявленный иска- тель приключений захочет себе настоящую стерву, то ему следует встретиться с песчаной эфрой. Она, конечно, тоже просто так не нападает, но если уж напала, то всё – жизни больше не будет, человек на всю жизнь останется калекой. Это очень шустрая и ядовитая змея. Выжить, практически, невозможно. Вот Маргарет, кстати, относится к пес- чаной эфе. А характер Лилит очень напоминает змею под названием аспид. Это змея с очень ненавистным нравом, она кидается на всех, кто встречается на её пути. Человек умирает очень быстро. Правда, Фабьен умер намного быстрее. Бытует мнение, что аспид может ко всему прочему ещё и выплевывать ядовитую слюну на полтора метра. Яд дей- ствует молниеносно. Да и окрас у неё кричащий, вызываю- щий, как у Лилит сейчас – красная полоса, черная, потом белая, черная, и снова красная и так по всей длине. Весь- ма опасная змея. Вот, и сейчас, за моим столом встретились песчаная эфа и аспид. Страшно красивое зрелище». Ле-

виафан улыбнулся и облизал губы, глядя на то, как девчонки смотрят друг на друга. *«Женщины отличаются от змей только тем, что если её разозлить, то из кобры может появиться самая настоящая гадюка. Если я сейчас начну уделять больше внимания песчаной эфе, то аспид переродится в зеленую мамбу. Зеленая мамба. Так же как и аспид нападет без видимых на то причин. Почему именно в зеленую мамбу? Да потому что Лилит сейчас цвета зелени. Как чешуйки мамбы – они изумрудно-зеленого цвета, с оттенками желтого и голубого. Шансов на спасение почти нет! А ещё, эта змея отличается от аспида подлостью и коварством. Мало того, что она нападет, когда ей в голову взбредет, так она это делает со спины. Благодаря своему цвету, мамба любит лазить и прыгать по веткам, в густой зеленой листве. Завидев жертву, то есть меня, мамба сваливается за воротник, и пока её пытаешься вытащить, она наносит смертельный укус! Интригующая Лилит, с сердцем зеленой мамбы! Вот такая женщина мне нравится. С такой змеей стоит держать ухо востро, иначе она убьет и даже глазом не моргнет».* – Левиафан блаженно раскинулся на стуле и, не отрываясь, наблюдал за девушками.

– Ну, рассказывай, как ты, что нового у тебя в жизни? – прошипела песчаная эфа аспиду.

– Хм... Да что тут рассказывать, всё потихоньку, ничего не изменилось. Только вместо школы – университет, – зеленая мамба приняла готовую к бою позу и замаскировалась

в кустах.

Левиафан сидел с очень легкой, едва заметной улыбкой на лице. Его настолько занимала змеиная перепалка, что он совершенно забыл о присутствии Жаклин и Марка.

– Левиафан! – позвала Жаклин.

В ответ – тишина. Только ухмылка и бегающие глаза с Маргарет на Лилит и обратно.

– Ле-ви-а-фан! – Громко и членораздельно произнесла Жаклин ещё раз.

– А, что? Что такое? – очухался он, посмотрев на неё удивленными глазами, и в тоже время, злыми, потому что она отвлекла его от наблюдений за своим террариумом.

– Шампанское кончилось, вот чего! – строго сказала Жаклин.

– Сейчас принесу! – сказал он и практически бегом помчался за новой бутылкой.

– Да, и с лимоном! – крикнула Лилит.

Левиафан резко остановился за дверью в кухне. *«Бог мой, только не говорите, что я забыл, купить эти проклятые лимоны! История повторяется!»* – уже бежав по снегу, Левиафан судорожно размышлял. *«И где ж я ей достану лимоны в три часа ночи в праздничную ночь? Эх... Мамба, она и в Африке мамба!»*

Через минут десять-пятнадцать, он вернулся в гостиную с шампанским и ромом, и всё-таки, с лимоном.

– Долго тебя не было! – акцентировала внимание на этом

Лилит.

– Лимоны искал в холодильнике, дорогая! – злобно ответил он ей.

«Милая, я весь город перерыл из-за твоих лимонов! Знаешь, как тяжело оставаться незамеченным в такую ночь, когда на улице куча народу!», он злился, но не так как в прошлый раз.

Всю ситуацию спасла Маргарет.

– Дорогая? Между вами что-то есть? – удивленно спросила она.

Лилит резко повернулась в её сторону, Левиафан посмотрел на Лилит и приготовился смотреть сцену из трагедии, вперемешку с комедией и приобщаться к катарсису. Но Лилит молча отвернулась, взяла бокал с ромом и начала маленькими глоточками попивать.

– Жаклин, так ты уже точно решила разводиться? – неприступно спросила она, проигнорировав вопрос Маргарет.

Левиафан открыл рот от расстройства. Жаклин только собралась ответить, но Маргарет её перебила:

– Эй, Левиафан! Что всё это значит? Ты таскал меня по всему клубу, целовал, обнимал, говорил о безоблачном будущем, потом пропал... А теперь она – дорогая? – ненависть блеснула в её глазах.

Другая на месте Лилит, давно бы встала и ушла, но не она. Девушка сидела и задумчиво улыбалась. Она даже ни сколько не обижалась на Левиафана.

«Это всего лишь ирга! Но Левиафан, я боюсь, что она окончена! Эта девушка – твой последний козырь для ревности? Только ревности не будет! Я поняла, что ты делаешь!». Лилит продолжала сидеть за столом с совершенно безразличным видом. Она дала возможность разобраться, в своих же проблемах самому Левиафану. Она нисколько не боялась, что из Маргарет выйдет соперница. «Плешивая девушка, слишком слабохарактерна, её поведение немного глуповато для её возраста. Она как бесхребетный червяк с одной единственной, примитивной, нервной системой! Она не способна обдумать ни один свой ход! Левиафану такое не понравится, он предпочитает такими просто закусывать, причём в буквальном смысле этого слова.... О, чёрт! Он собирается её убить!», внезапно до Лилит дошёл остаток плана Левиафана.

«Плохо дело, надо как-то спасти эту наивную дуручку, которая совершенно напрасно пытается бороться за кусок льда, в котором нет даже намека на сердечность!» Лилит резко встала из-за стола, подошла к Левиафану, схватила его за руку, и, сказав «А ну-ка пошли!», поволокла его за собой. Он особо не сопротивлялся, плелся за ней с ожесточенной улыбкой.

– Быстро говори, зачем она здесь? – потребовала Лилит, потряхнув вампира за руку.

Он сразу же расплылся в наглой улыбке.

– А как ты думаешь? – его глаза неотрывно смотрели в ее.

– Я не экстрасенс! Я слушаю! – приказала она.

Но Левиафан решил поиграть в партизана. Он только смотрел на неё и обследовал глазами помещение, как будто был здесь в первый раз.

– Левиафан, у меня есть только один вариант, если он верный, моргни глазами! Ты, таким образом, решил сделать себе подарок? Ты собираешься её убить? – чуть громче спросила Лилит.

Левиафан улыбнулся и нахмурился одновременно. Он опустил голову и посмотрел встревоженной девушке прямо в глаза.

– Какие-то экстрасенсорные способности все-таки в тебе есть. – Прошептал он.

– Не смей есть её, да и вообще прекращай есть людей! – строго крикнула она.

Левиафан стоял около девушки. Он ласково провел по ней глазами, погладил по щеке, затем резко наклонил ее голову, так, что её шея оказалась прямо около его губ. Он улыбнулся, поцеловал её горло, и наклонился к её уху и мягко прошептал:

– Дорогая моя! Лилит! Ты такая умница, ты всё правильно поняла. Но я прошу тебя – никогда ничего мне не запрещай! Лилит, милая! Я тебя очень люблю, но ещё очень люблю свою свободу в отношениях, – он слегка отпустил её.

Он нежно поглаживал её по шее, дыхание учащалось. Глаза полностью почернели. Лилит только слышала, как клац-

нули его зубы, что заставило её улыбнуться. Он не мог уку-
сать её прямо сейчас, а ему очень хотелось это сделать.

– Лилит, я ненавижу свободу в жизни,... но мне не нра-
вится, когда меня пытаются ограничивать, особенно, когда
это пытается сделать женщина, хоть и любимая! Дорогая
моя, у тебя есть свобода выбора? Есть! Ты ешь, что хочешь,
ты пьешь, что хочешь, так что позволь мне тоже иметь сво-
боду выбора! – Он отпустил её так и не укусив.

С улыбкой Лилит посмотрела на него. Она прекрасно по-
нимала, о чём он её просит. Даже как ни странно, он по-
просил об этом культурно, без издевок, ироний и сарказма.
Практически... Но Лилит не могла ничего с собой поделать.
Она ведь женщина от природы. А женщины нужны в ми-
ре для того, чтобы обламывать эйфорию мужчинам. И она,
как истинная женщина, не могла позволить Левиафану на-
слаждаться тем, чем ей не хотелось, чтобы он наслаждался.

– Хорошо – сказала она с загадочным для него взглядом.

– Правда? – нахмурил он брови.

– Да, хорошо. – Она даже поцеловала его для полной уве-
ренности, – я пойду? Или ты еще хочешь что-то мне ска-
зать? – чуть оттолкнула она его, посмотрев ему в глаза.

– Нет... – сглотнув, ответил Левиафан.

Лилит вернулась в комнату, где ребята весело болтали и
чокались фужерами.

– Маргарет, – обратилась к ней Лилит, – пойдем со мной,
мне надо с тобой поговорить.

Левиафан, который шёл следом за Лилит, остановился и закатил глаза от негодования.

«Ну, как её уговорить? Шею сломать?», спросил он сам себя и с грохотом бухнулся за стол, провожая взглядом, уходящих в сторону второго этажа девушек. «Ну вот, теперь придется очень сильно вслушиваться, о чём она там собирается ей рассказать!»

– А зачем ты её пригласил? – спросила Жаклин.

«Ещё одна!», гневно подумал он про себя.

– Не обращай внимания, она скоро уйдет, – улыбнулся он во все тридцать два зуба. «Сегодня на том свете экскурсии бесплатные!»

– Маргарет, ты должна уйти отсюда, и чем скорее, тем лучше! – тихо сказала Лилит.

– Да? Это почему это? Ты боишься, что уведу твоего принца? – вызывающе спросила она.

– Нет, сумасшедшая ты дура! Он... Он хочет тебе сделать зло! – Лилит попыталась объяснить ей суть происходящего

– Лилит, ты пьяная что ли? Ты только послушай себя? Что за бред ты несешь? – Маргарет совсем не хотела ей верить.

– Убирайся отсюда! Он вампир и ему нужна не ты, а твоя кровь! – выпалила Лилит.

«Так! Пора!», вскочил Левиафан и, извинившись перед гостями, он поднялся наверх.

– Какой вампир? Да тебе лечиться надо! – напроць отвергала всё Маргарет.

– Неужели ты не заметила его странный взгляд? Пустые глаза? Нечеловеческая сила? Старомодность? Слишком глубокие познания всего? Речь? Слова? Тебя это не пугает? Ни о чём не говорит? Ты всего это не замечаешь? – Лилит задавала наводящие вопросы, и с каждым таким вопросом, лицо Маргарет становилось более озадаченным, потому что она понимала, что Лилит права, с этим парнем действительно что-то не так!

– Всё это она заметила! Благодарю за столь яркое описание меня, дорогая! – Левиафан вошёл и закрыл за собой дверь на ключ.

Чёрная фигура в костюме стояла около девушек и внимательно осматривала их, как будто думала, что с ними сделать. Лилит тихо покачивала головой шептала слово «нет», ей было страшно за Маргарет, и за то, что она сейчас увидит.

– Левиафан, да она же чокнутая! – заключила Маргарет.

– Да, в этом утверждение есть доля правды, но, милочка, не в данный момент. Она, – он кивнул в сторону Лилит, – ну очень пыталась спасти твою жизнь, – Левиафан оскалил клыки и подошёл к ней ещё ближе.

– Нет! – кинулась Лилит к ним, но Левиафан мягко отшвырнул её на кровать и погрозил пальцем.

– Дорогая, не мешай мне, пожалуйста! Ты и так мне сегодня достаточно проблем подкинула! – Левиафан развернулся к Маргарет.

Ужас застыл на её лице, она от шока не могла даже кри-

чать и позвать на помощь. Она вообще ничего не понимала.

– Только из уважения к Лилит, я сделаю это быстро и почти безболезненно! – улыбаясь, сказал Левиафан.

Лилит отвернулась в другую сторону. Ей становилось плохо. Опять тот же ком в горле, опять скрученный желудок, сжимающееся в морщинистое тело сердце. Она услышала, как порвалась кожа от давления клыков, чавкающие звуки, и последнее, что она услышала – был хруст шейных позвонков, и звук мертвого тела, падающего на пол.

– Вот и всё! Лилит, дорогая, ну должен я хоть что-то получить в праздник. Я уже три дня ничего не ел. Голод меня может убить, – Левиафан нагло стоял и врал, – ты хочешь, чтобы я умер?

– Нет, я хочу, чтобы ты перестал убивать людей! Особенно в моем присутствии! – в слезах сказала она ему.

– Не могу обещать. Я убивал столько веков подряд и тут... появляешься ты и говоришь *stop*. Ты считаешь это нормально? Представь, что я сейчас скажу тебе – прекрати дышать! Что ты ответишь мне? Так что, успокойся милая! Нам ведь ещё к гостям идти. Точно, пошли к ним, что тут сидеть и обсуждать одно и то же.

– Этот разговор еще не закончен! – угрожающим тоном сказала Лилит, выходя из комнаты – Так не может продолжаться!

– Да, да. Пошли. – Левиафан пропустил ее вперед и улыбнулся, вытирая кровавый рот.

В шесть утра Жаклин и Марк уехали на такси домой, оба пьяные, как валенки.

Левиафан сгреб со стола всю посуду в большой поднос и отнёс его на кухню. Лилит, уставшая и расстроенная, сидела за столом, загадочно смотря в одну точку. Она вертела стакан с ромом и молчала.

«Он трупы также как и посуду сгребаёт, а потом просто выбрасывает их существование из головы. Я тоже не люблю людей, но хоть какая-то часть его сердца должна иметь уважение к чужой жизни. Кто дал ему право так легко распоряжаться чужими душами? Почему он такой жестокий? Что заставило его стать таким, ведь у него есть всё, о чём простой человек может только мечтать. Если он умеет любить, значит, он должен уметь жалеть. Хотя понадобилось почти пятьсот лет, чтобы он научился любить. Сколько же нужно лет, чтобы он научился уважать другие человеческие желания и чувства?», Лилит была полностью поглощена своими мыслями и не заметила, что Левиафан стоит в дверном проеме и рассматривает её с озадаченным видом, уже предвкушая серьезный разговор.

Левиафан не очень любил разговоры «за жизнь», тем более вести такие разговоры с людьми было ещё сложнее.

– У человека нет времени на жизнь. За этот короткий срок, предположим, он родился, до двадцати лет – это не

человек, это бестолковый ребенок. После двадцати он только начинает осознавать что-то в этой жизни, точнее он пытается, не факт, что правильно это делает. В период между двадцатью и тридцатью, человек учится методом проб и ошибок, познает сущность своего тела и души, и на что это способно. Значит, от одного года и до тридцати – это амёба, а не сознательное существо. После тридцати и где-то до сорока, сорока пяти человек уже набирается опыта, он уже «*homosapienssapiens*». Но вот беда, в пятьдесят человек начинает слишком много думать о смерти, и ему уже не до познания самого себя. Итого, у нас получается, что вообще, пятнадцать – двадцать лет из всей жизни человек отводит на восприятие мира. Мне четыреста восемьдесят пять лет, и что человек может мне рассказать и показать нового за его пятнадцать – двадцать лет... – всё это Левиафан высказывал Лилит.

– Понимаешь, дорогая, чтобы со мной говорить на серьёзные темы, а я вижу по тебе, что именно этим ты и собираешься заняться, тебе должно быть хотя бы пятьдесят. Тебе всего двадцать три. Ты ещё в стадии куколки, зародыша бабочки, личинка, которая только окуклилась, а уже пытается что-то излагать. – Он замолчал и очень удивился, глядя на лицо Лилит.

Она улыбалась, нагло и пафосно.

– Что ж, Левиафан, тогда тебе следует считать себя ничтожным вампиром, потратившего четыреста восемьдесят

пять лет своей жизни в пустую, потому что человеческий зародыш в виде меня, окуклившаяся гусеница, как ты меня обозвал, научила тебя любить! Весь свой опыт ты можешь выкинуть в помойку! Ты и твои четыреста восемьдесят пять лет настолько жалки, потому что ты не умеешь чувствовать. Ты боишься жалости, стыда, совести, ответственности... и любви, как бес ладана. А когда чего-то боишься в жизни – это значит, что в этом нет опыта. К примеру, человек, который никогда не летал, он будет бояться самолетов, а если его заставить летать каждый день, то через месяц, ему будет наплевать на перелёты. Твоя боязнь чувств говорит.... Да, нет, она просто кричит о том, что у тебя нет в этом опыта! И это за четыреста восемьдесят пять лет-то? Тебе самому не стыдно? Все эти годы гроша ломаного не стоят. Пустота не оценивается и не имеет вообще никакой ценности. А пустота души не придает тебе никакой значимости. Так что, как бы это прискорбно не звучало, но тебе придется меня выслушать, потому что тебе есть чему поучиться у меня! За свои годы, ты стал первоклассным любовником, у нас не было ещё ни одной одинаково проведенной ночи – у тебя есть опыт в этом. Ты отличный убийца – за две минуты твои руки выдергивают душу из человека, а потом избавляются от трупа – и это за две – три минуты – сильно! Ты прекрасно играешь на скрипке – ты потратил на это не один десяток лет из своей вечности. У тебя хорошо подвешен язык, и ты многое знаешь, потому что много видел сам, переживал лич-

но. Но когда ты понял, что сожрать меня ты не хочешь, даже не можешь, потому что у тебя появились чувства ко мне... ты испугался, струсил! И сейчас ты не знаешь, как себя вести, что делать с этим чувствами. Ты как кролик, которого загнали в угол и он очень хочет выбраться из этой западни, но из-за того, что очень сильно напуган, он не может предпринять никаких действий, прям как ты. Только ты ещё и огрызаешься, находясь в таком зыбком положении. Но больше ты ни на что не способен. Незнание, неопытность и опасение сверлят тебя изнутри, они пытаются прорваться наружу, а ты их назад заталкиваешь! И знаешь, что... Раз ты такой крутой вампир, который прожил и повидал очень много, куколку бабочки ты не желаешь слушать, разбирайся сам в этом дерьме! А личинка отправляется спать! Проблема твоей психологии, сверхэгоистичного «Я» меня совершенно не волнует. Только когда твой страх окончательно тебя сожрет, будет уже поздно признавать то, что я была права и стоило хотя бы сделать вид, что ты меня слушаешь.... И ещё, я всё-таки скажу, прекрати жрать и убивать близких мне людей! Ты мне как-то сказал, что «вечность» – это плохо и один из её ужасных пунктов это то, что мне придется смотреть, как умирают близкие, и как тяжело их всех терять. Вот, что-то мне подсказывает, что в таком темпе, я потеряю вообще всех людей, которые меня окружают до своих двадцати четырех лет, а всё благодаря тебе! Так что, будь любезен, иди и ешь бомжей, например! – Лилит встала, поставила стакан с ро-

мом и пошла наверх в спальню.

Левиафан сидел молча, с очень задумчивым лицом. Как только дверь в спальню захлопнулась, он смел всю оставшуюся посуду со стола на пол, половину перебив, так как был зол! Потому что она была права! Его кольнуло внутри от обиды.

«Права! Черт её побери, она права!», внутри его тела, каждая клеточка повторяла эти слова. Левиафан считал себя униженным и оскорбленным.

«Зародыш бабочки», так просто, заставил столь умудренного вампира войти в состояние шока и оцепенения. И этот зародыш – женщина! Она затоптала его язвительность и сарказм, свободно и не принужденно. Для него это было такое поражение, он проиграл по полной программе... И так не достойно позволил растоптать себя девушке.

«До сегодняшнего дня я был полностью уверен, что смогу уничтожить её морально.... Но то, что она сделала сегодня – заставляет меня думать, что она действительно сильная и сдаваться не собирается... Я ошибся! Вот она, эта маленькая ошибка, которую я допустил! Я недооценил её и уже, в который раз, я признаюсь, что она слишком гордая, чтобы просто отступить и превратиться в серую мышь! Самое ужасное, что она уже поняла, что мне просто не нужна серая мышь. Я в бешенстве! Как? Она размазала меня сейчас как размороженное масло по хлебу, без всяких усилий... Она даже ушла, не дождавшись, когда я что-нибудь

придумаю ей в ответ. Да она просто знала, что мне нечего сказать ей. Зажала меня в угол, как того проклятого кролика! «Неопытный, жалкий вампир»? Это ещё что такое? Ни одна женщина не позволяла себе такого! А всё потому, что она полностью права и знала об этом. Она совершенно меня не боялась! Но как Лилит узнала о моих несостоявшихся познаниях в любви, хотя это логично... и теперь, у неё есть очень сильный козырь против меня, который я сам, лично, отдал ей». Левиафан был багрового цвета, он даже не помнил, когда последний раз был так зол!

«Я убью её!», внезапно ему в голову пришла совершенно безумная мысль. «Я сейчас встану, поднимусь к ней в спальню и убью там!», он был уже почти около лестницы, когда его вдруг что-то осенило. Он опустился на ступеньки, полный отчаяния и безнадежности.

«Господи, что я несу? Если я её убью, то точно проиграл! А я не хочу проигрывать женщине, даже если она будет трупом, да ещё и, понимая, что я продул».

Левиафан выбежал на улицу и побрел по дороге, ему нужно было успокоиться, иначе Лилит могла действительно превратиться в мертвяка. Он шёл и смотрел себе под ноги, и продолжал злиться на неё и на себя.

– Эй, парень! – его окликнул очень пьяный мужчина.

Левиафан поднял глаза и улыбнулся свойственным ему ядовитым оскалом.

– У тебя нет мелочи? Я всё сегодня пропил, жена выгнала,

денег не дает! А уж очень выпить хочется!

Левиафан оглянулся по сторонам – никого. Он подошёл к мужику совсем близко и пронзительно посмотрел на него.

– Эй, пацан, ты чего на меня так таращишься? – удивился мужик.

– Добро пожаловать в небытие! – улыбаясь, ответил Левиафан и просто сломал его шею.

Ему не хотелось есть, просто хотелось кого-то убить. Он посмотрел на тело, лежащее у его ног, и вдруг, неожиданно, изобразил гримасу безысходности. Нет, ему не было жалко мужика, который просто хотел выпить. Этим поступком он только что полностью подтвердил слова Лилит.

«Я ничтожество? Нет, я такой оттого, что у меня такова сущность! Меня таким сделала сама природа. Дурочка Лилит! Не надо мне внушать то, что мне не свойственно. Я такой, какой есть и тебе, дорогая, придется с этим смириться... иначе ты можешь случайно оказаться со сломанной шей у моих ног».

Он отпихнул ногой тело и сел на землю. В пальто пропихнул телефон, сообщив о сообщении. Он посмотрел исподлобья в сторону дома. *«О, проснулась, маленькая стерва...».*

«По-моему меня сейчас убьют...»

Левиафан, прочитав сообщение, быстро отправился домой. Лилит уже была для него непредсказуемым человеком, и, он не знал, что его ждет.

Молодой человек вошел в дом и не смог скрыть своего

удивления. Лилит сидела в гостиной, на столе, в позе «лота-са» и нервно постукивала пальцами по колену.

— Где ты был? — тревожно спросила она.

— Выпускал пар, милая! — он натянул ехидную улыбку, — что случилось? Кто решился на невозможное — убить тебя, лишив при этом меня этой уникальной возможности?... — с долей сарказма спросил он.

— Ты спрашиваешь, что случилось, да? — гневно передразнила его Лилит, — меня чуть не съели, пока ты пар выпускал!

— Ну кто же это? — только и смог спросить он, предполагая, что Лилит специально выдумала историю.

— Я! — из темноты ответил мужской голос, и к Левиафану начал приближаться силуэт мужчины.

Он был такой же высокий, как Левиафан, только шире в плечах. И когда его лицо озарилось светом, в комнате блеснули искры его привлекательности.

Когда он напал на Лилит, она не видела его лица в темноте. Ей вообще было не до его внешности. Она слишком испугалась за свою жизнь.

Девушка лежала в кровати, пытаясь уснуть. Ссора с Левиафаном, ее последствия не давали ей покоя. Она слишком много думала о правильности и неправильности всего того, что между ними происходит. Краем глаза она заметила, как тихо-тихо поворачивается ручка на двери. Лилит стало не по себе, она словно почувствовала, что тот, кто открывает дверь, не имеет ничего общего с Левиафаном.

Лилит встала с кровати, на цыпочках подошла к двери и как раз в это время она полностью открылась и в комнате появился огромный, черный силуэт. Это точно был не Левиафан.

Девушка закричала, что было мочи и попыталась проскочить мимо незваного гостя, но он довольно проворно поймал ее и зажал рот. Он заговорил с ней и спокойствие его голоса удивило Лилит. Мужчина спросил о Левиафане и в каких отношениях она с ним состоит. Девушка тут же кинулась угрожать и предупреждать о расправе.

Таинственный гость выпустил крикливую даму, Лилит тут же умчалась на первый этаж и залезла на высокий дубовый стол. Ей казалось, что там она в безопасности, что она видит все, что происходит вокруг. Как только она слегка успокоилась, сразу же написала сообщение Левиафану.

Только сейчас, когда зажегся свет в гостиной, Лилит была шокирована и не могла моргнуть глазом. Красота молодого человека, так же как и при первой встрече с Левиафаном, просто ослепляла её.

Левиафан улыбнулся.

– Мормо! – прошептал он, – что ты здесь делаешь, я уж думал, тебя больше нет!

– Я пришёл навестить тебя! Прошло около ста лет с последней нашей встречи. Зашёл в твою спальню, а там девушка. Я подумал, что это твой завтрак, и решил, что ты не обидишься на старого друга, если я немного угощусь. Но твой

«завтрак» оказался очень крикливым, пообещал мне, что ты убьешь меня, если я с ним что-нибудь сделаю и всё такое. Я решил подождать тебя, чтобы узнать, что пыталось сбежать из твоей постели? – Мормо склонил голову, каштановые волосы блеснули на свету.

– Мормо! Это моя девушка – Лилит! Я конечно бы не хотел, чтобы ты её ел. – Оскалился Левиафан, – дорогая, это Мормо, мой старый друг, мы с ним провели около ста– ста пятидесяти лет в очень теплой дружбе. Но потом он нашёл девушку и предпочел быть с ней. Где кстати она? Умерла от старости? – он подошёл и приобнял Лилит.

– Нет, я её обратил буквально через год наших отношений, и потом Ло решила бросить меня. Поэтому я понятия не имею, где она может быть сейчас, – слегка расстроенным голосом сказал он.

– Лилит, дорогая, может, ты слезешь со стола уже? – спросил Левиафан её, подавая ей руку. – Дуб все равно тебя не спасет, если вампир захочет на тебя напасть.

– Я слезу, только тогда, когда окончательно пойму, что твой друг больше не собирается меня съесть! – жестко сказал она.

– С характером? Как ты любишь? – ехидно спросил Мормо.

– Ещё с каким! – ответил Левиафан и стащил её со стола.

– Эй! Я вам не мешаю?– крикнула она, слегка толкнув Левиафана.

– Нет, милая! Всё нормально. Ты хочешь что-нибудь? – спросил он её нежно.

– Я хочу, чтобы мне объяснили, кого чёрта здесь происходит? – Лилит не унималась.

Мормо посмотрел на Лилит и оскалил зубы.

– Милая, давай присядем, я сделаю тебе сок, и мы всё обсудим, – Левиафан погладил её по голове и ушёл на кухню.

Лилит посмотрела на Мормо. Он сидел на другом конце стола и так же пристально разглядывал её. Взгляд каждого из них проявлял свой интерес.

Лилит мучил вопрос, неужели все люди, становясь вампирами, получают такие красивые. А Мормо интересовал вопрос, почему Левиафан до сих пор не убил эту милую девушку. Ведь он никогда не задерживался с женщинами больше чем на неделю, а потом эти женщины просто бесследно исчезали.

В комнате воцарилась тишина. Лилит с опаской наблюдала за другом Левиафана. Каждое его движение было таким утонченным и мягким. Его карие глаза внимательно изучали сидящую напротив девушку. У него была короткая стрижка с челкой и слегка торчащие уши. Большие карие глаза казалось, светились неясной надеждой. Дугообразные брови отбрасывали на глаза тени, в форме треугольника. На подбородке красовалась миловидная ямочка, а на щеке родинка. Прямой и строгий нос. Его веки были слегка прищурены, он сосредоточенно разглядывал Лилит.

– Вот, дорогая, твой сок, – Левиафан вернулся со стаканом, – интересно вы ребята друг на друга смотрите, – улыбнулся он. – Как ты нашел меня?

– По старым связям. Потом, мне сказали, в какой город ты отправился, а найти в тебя в мегаполисе не так сложно. Большой дом в ужасных мрачных тонах, пара машин около него, недалеко от города, красивая девушка, пройтись по следам всех тех, кого ты распотрошил, узнать в каком районе было больше всего смертей за последнее время... Я тебя неплохо изучил.

Левиафан улыбнулся. Как же он был рад видеть своего друга. Он никак вообще не ожидал, что Мормо вот так вот возьмет и явится, как гром среди ясного неба.

– Теперь я хочу знать всю историю – Внезапно сказала Лилит, разглядывая Мормо.

– Какую историю, милая? – Левиафан окинул девушку кровожадным взглядом.

– Откуда у твоего друга была возможность настолько хорошо узнать тебя... Как вы подружились?

– Хм...Европа. XVII век. Северные Нидерланды... – начал Мормо.

– Мормо... – Левиафан попытался остановить друга.

– Это история, Левиафан, ее должны знать, на то она и история. – Мормо перевел взгляд на ждущую продолжения девушку. – Так вот, Нидерланды... Я много слышал о Рембрандте и узнав, что он прибыл в Амстердам, я отправился

туда, чтобы увидеть его работы... Но в первый же день, прогуливаясь по довольно людной улице, из арки я услышал глухой писк.

Левиафан отвела глаза и уставился в потолок так, словно речь шла не о нем, да и вообще его ничего не касалось.

— В этом звуке я услышал столько отчаяния и боли, что просто не мог пройти мимо. Я свернул в арку, прошел за угол и обошел небольшую колонну. То, что я увидел, повергло меня в шок. Я прожил почти 700 лет на тот момент, но такого не видел никогда. Вот этот вот сударь чуть ли не рвал шею одной премилой даме, заткнув ей рот рукой. Он меня не видел, но дама увидела. Из последних сил она начала пищать, вырываться... слезы. Та девушка была такой милой, как василек в поле... Я окликнул Левиафана, пытаюсь узнать, в своем ли он уме. Он остановился и повернулся ко мне лицом. Весь его рот, щеки, горло, одежда, все было в крови... В глазах ярость, животный инстинкт охотника... Он сказал, что я «десерт» и кинулся на меня... После недолгой потасовки, Левиафан понял, что я не человек и немного остепенился. Он улыбнулся, посмотрел на девушку, подошел к ней и встать на ноги. Она еле стояла на ногах, глаза были полузакрыты, волосы растрепались, единственное, что она говорила, так это слово «пожалуйста». У меня разрывалось сердце. Я тоже начал просить его, сохранить девушке жизнь, она ведь совсем молодая, ей было не больше двадцати лет. И знаешь, что сделал твой суженый?

Мормо с тоской посмотрел на Левиафана, который все также сидел и смотрел в потолок, притворяясь, что никто и ничего не рассказывает, затем перевел взгляд на Лилит. Она была серьезна, как никогда.

– Что? Мормо, что он сделал? – прошептала Лилит.

– Господи, да ничего страшного я не сделал! – Левиафан вскочил из-за стола и подошел к окну. – Зачем ты ей вообще это рассказываешь? Это было три столетия назад... А я почти не изменился.

– Помолчи сейчас. – Лилит шикнула на разнервничавшего вампира.

В ответ он ошарашено посмотрел и нахмурился, но решил ничего не отвечать.

– Он обнял ее так нежно и галантно, посмотрел ей в глаза, убрал липкие, измазанные кровью волосы с лица и поцеловал ее. Я расслабился... А затем Левиафан сломал ей шею и отпустил труп на землю...

– О, ну это вполне в его стиле... – тихо сказала Лилит, поглядывая на Левиафана.

Левиафан цокнул языком и безмолвно продолжил пялиться в окно, на начинающийся снег, на природу.

– Я смотрел на него и недоумевал. Я не понимал такого поступка. Я никогда никого не убивал. Для меня это дико. Я питаюсь человеческой кровью так много столетий, но я никого ни разу не убил. Тем более женщину...

– Зачем ты ее убил? – спросила Лилит Левиафана.

– Мне показалось, что Мормо сказал, схорони ей жизнь, а не сохрани... – безразлично ответил вампир.

– То же самое он ответил мне и тогда. – Мормо опустил глаза. – Я решил, что я должен попытаться образумить этого молодого человека, донести до него, что он не вершитель судеб, что люди не должны умирать по его указке... Я провалил задание, но приобрел хорошего друга. Левиафан абсолютно не умеет ценить человеческую жизнь, он не хочет ее ценить, но он очень хороший друг, он умеет ценить дружбу. Мой тебе совет – подружись с ним и никогда больше в жизни лучше друга ты не найдешь.

Лилит посмотрела на Левиафана. Он наклонил голову и даже не пытался скрыть своих самовлюбленных чувств, пока друг расхваливал его.

Подружись с ним... Как можно подружиться с тем, кому ни на грамм не веришь? Как можно подружиться с тем, кто умудрился обмануть время и старость? С тем, кто обманул смерть? Как можно подружиться с тем, кого любишь?

– Я лучше пойду. Мне кажется, вам есть что обсудить. Мормо, спасибо за краткий исторический очерк. – Лилит ответила ему улыбкой и вышла из гостиной.

Левиафан взглянул на Мормо. Он сидел и улыбался, такой же улыбкой, какой любил улыбаться Левиафан.

– Нравится? – спросил он Мормо.

Мормо поднял взгляд и ещё шире улыбнулся.

– Конечно, нравится. Давно я не видел таких девушек. Вы

давно вместе? – спросил он.

Левиафан развалился на стуле и усмехнулся.

– Да нет, с конца ноября, где-то полтора месяца. Но за это время я уже успел понять, как с ней тяжело. Она согласилась на игру, и знаешь, дает мне иногда очень мощные отпоры. Я восторгаюсь ей. Мормо, я по ходу влюбился... – как на духу рассказывал Левиафан. – Четыреста восемьдесят пять лет я искал такую, как она. Такую, которая не будет делать всё, что я ей говорю, ради того, чтобы похвастаться перед своими подругами. Такую, которая меня совершенно не боится и противится мне, показывает характер. Лилит именно такая. Гордая и непокорная. Настоящее исчадие ада в одном человеке.

– Я знаю, что ты любитель поиграть с женщинами. Но в данной ситуации, о какой конкретно игре ты говоришь? – Мормо не совсем понял своего друга.

– Я как обычно проверял её, как и всех женщин, которые в итоге меня разочаровали. Я задел ее за живое, случайно... И знаешь, что она сделала? В отличие от всех остальных женщин, которые настолько влюблялись в мою внешность, Лилит, вместо того, чтобы проглотить мою выходку, осмелилась отомстить мне. И теперь у нас с ней негласная война. Мы очень любим друг друга, но после того, никто из нас не может остановиться...

– Левиафан, ты должен прекратить свои игры... ты её потеряешь, если так будет продолжаться.

Левиафан взглянул на Мормо.

Мормо – старейший вампир, который прожил около тысячи лет, который очень много всего повидал и прочувствовал на себе. Если уж и доверяться кому-либо, то только ему. Он никогда не посоветует плохого и никогда не подведет...никогда не предаст. Он как философ современных лет, он знал всё, всегда находил правильные советы и решения в любой, даже нерешаемой ситуации. Царь Соломон в обликии вампира – интерпретация наших дней. Левиафан молча смотрел на него. Он прекрасно понимал, что умудрённый опытом вампир был прав, Левиафан вздохнул и провел по лицу рукой.

– Ты прав, Мормо. Да я и сам это знаю. Я даже подумываю забыть о последней выходке Лилит. Я готов начать всё сначала, уже зная её как личность, сильную духом и любящую жизнь.

– Левиафан, сколько я тебя знаю, ты всегда отодвигал свои чувства на задний план, а на передний – ты предпочитаешь выдвигать свои незатейливые игрушки. Ты уже не просто взрослый, ты уже реинкарнироваться должен был, раз пять, а ты всё играешь! Да и с кем? С женщинами! Они всё равно облапошат тебя, даже если тебе будет три тысячи лет, женских трюков и уловок хватит на всю твою вечность. Как бы ты ни старался, тебе всё равно не удастся полностью понять, что у женщины в голове. А вот она намного быстрее и продуктивнее сообразит, что с тобой делать и что ты задумал.

Как не крути, в итоге, ты окажешься идиотом.

– Я знаю, Мормо, знаю. Ничего не могу поделать с этим. Это моя сущность, мой характер заставляет меня быть таким. Я сам иногда поражаюсь, насколько гадким я могу быть. Но, знаешь, Мормо, мне это нравится, если честно говорить. Чем жестче ты себя преподносишь, тем больше тебя начинают любить, ценить и бояться потерять. Но Лилит боится не этого. Она боится проиграть, а не потерять. А я не могу дать ей возможность ликовать, разрешив ей закончить эту схватку, тем самым, унизив меня.

– Бог мой, Левиафан. Ты только послушай себя! О каком унижении ты говоришь? Там где господствует взаимная любовь – места для унижений нет. Вы оба задвигаете светлые чувства и прогниваете во мраке. Вам нравится гнить, в своих же чувствах. Левиафан, сделай скидку – сколько ей лет? Двадцать? Двадцать пять? Тебе – почти пятьсот. С кем ты играешь? Она же для тебя вообще как зародыш! Ты – мужчина, она – хрупкая женщина, которая по своей природе будет пытаться превзойти мужчину во всём, потому что в XXI веке у женщины задача быть во всем лучше мужского пола. Ты застал те времена, когда права женщины были никому не нужны, на них все плевали. Они должны были только рожать детей и вести домашнее хозяйство. Им нельзя было даже посмотреть как-то не так на своего мужа. Сейчас времена изменились. Женщины столько веков были лишены права голоса, что когда они его, наконец, получили, буквально век

назад, совсем озверели.

– Мормо, я всё прекрасно понимаю, но здесь не только моя вина. Ты меня знаешь очень хорошо, настолько хорошо, что даже родители настолько не всегда знают своих детей. И вот теперь пойми одну простую истину. Лилит – моё отражение в женском облиции. Представляешь, какого мне быть с сами с собой, только с другой внешностью. Это очень тяжело, хотя порой и очень интересно. Я только сейчас понимаю, что чувствовали те, над кем я откровенно измывался и получал от этого удовольствие. А сейчас, я вижу, какое блаженство получает Лилит, делая мне что-либо в отместку. Может, я даже люблю её за то, что вижу в ней себя, а себя я очень люблю.

– Два эгоиста... – усмехнулся Мормо, – я бы с удовольствием понаблюдал за вашими отношениями. Вы вместе – а это значит, что вас связывает не только эгоизм и месть, а нечто большее. И любишь ты её не потому, что себя нашёл в ней, а потому что ты, наконец, встретил похожую душу, которая была одинока и ни когда не любила, так же как и ты. Кстати, по поводу того, как женщины умеют врать и заставляют мужчин делать то, что они хотят, при этом мужчина даже не поймет, что он этого изначально не хотел делать, а хуже всего, он будет считать, что сам захотел сделать что-то. Яркий пример: Ло.

– Ло? Ты имеешь в виду Локи? – переспросил Левиафан.

– Именно, мою любимую Локи. Она меня облапошила как

пятнадцатилетнего мальчика, хотя мне тысяча один год. За один год, она так умело внушила мне, что сильно меня любит и жить без меня не может. Я два раза ловил её почти выпавшую из окна, пять или шесть раз еле успевал остановить кровь из вскрытых вен. Этим она старалась доказать мне не только, что её существование без меня – ничто, но и что мое существование без нее будет ничем. В итоге, я в неё влюбился так, что сам чуть вены не начал вскрывать. И через год, я не выдержал, боясь, что она, нежный человек, может пострадать и умереть, а я бы, в отличие от тебя, не смог себе этого простить. Я решил дать ей то, что она просила – вечную жизнь со мной. И тогда она, пробыв со мной где-то два-три дня в новом обличии, сказала: «Мормо – ты глупый старик, застрявший в теле красивого юноши! Я никогда тебя не любила, мне нужно было то, что ты мне, наконец, дал». Потом она улыбнулась, оскалив свои молодые клыки, и продолжила: «А я и не знала, что прожив столько лет, ты остался таким глупым, твоя ошибка, Мормо, – ты веришь женщинам, как глупый щенок верит людям, которые его потом пинком выгоняют»... Больше я её не видел. Знаешь, я почти почувствовал как Ло забирает одну половину моего мертвого сердца и я знаю, что больше никогда не смогу вернуть эту половину снова. До сих пор так и хожу с огромным изрубцованным шрамом там, внутри. И он, этот шрам, иногда сильно побаливает.

Левиафан смотрел на него со всей серьезностью, и на

мгновение, ему даже показалось, что из его глаза капнула слеза. Левиафан вздохнул.

– У тебя большое и доброе сердце, Мормо, и даже оставшись только с его половиной, ты будешь добрым и будешь совершать хорошие поступки. Именно поэтому, я так не хотел, чтобы со мной была хоть какая-нибудь женщина, потому что я боюсь оказаться на твоём месте, – дальше он зашептал так, что его смог бы услышать только второй вампир, – Я трус! Я такой трус! Я боюсь женщин, я боюсь отношений... Но я никогда не покажу этого Лилит, иначе она откусит мне голову, как самка богомола. Лилит никогда не должна знать об этом, о существовании моих слабых мест.... Хотя она в одном шаге от познания истины.

– Эй! Уже почти рассвет, может, вы вечером продолжите рассказывать друг другу, какие женщины плохие, и кто из них какую кучу кала вам подарил? – вопросительно крикнула Лилит.

Оба вампира подняли взгляд на лестницу. Там, как будто стоял ангел в белом одеянии, но это был демон в ангельском обликии.

– Грубость. – Быстро шепнул Мормо Левиафану.

– И жестокость! Мне порой, кажется, что сам Гитлер переродился в ней, – ещё быстрее ответил ему Левиафан, вставая из-за стола, – ладно Мормо, пойдем, я тебя провожу в комнату, – сказал он уже во весь голос.

– Спокойной.... Нет, спокойного дня Мормо! – пожелала

Проснувшись днем, Лилит посмотрела на Левиафана: он что-то читал и вроде бы даже не замечал ничего в округе. Девушка встала и выглянула в окно: погода ночью развлекалась. Все было белым бело, улицы окончательно оказались погребенные белой перенной. Похоже, была сильная метель, которую парочка пропустила, гоняясь друг за другом, отчитываясь перед своими чувствами.

– Добрый день, милая. Безумно рад, что мы пережили эту ночь. Как спалось? Мне кажется, не очень. Ты кричала, руками махала, меня звала. Ммм... Ты звала меня. Что же там было?

Лилит отвернулась от окна и уставилась на вампира. Он лежал на подушках, держа в одной руке толстую, дряблую книгу, другой творил привычный бардак на голове.

– Надеюсь, что я сооружала западню для тебя...

Лилит снова уставилась в окно.

– Да? Звучало так, как будто тебе кто-то сооружал западню и ты звала меня, потому что нуждалась в моей помощи...

Уже через секунду он обнимал девушку, вместе с ней разглядывая рыхлый снег за окном.

– Может, съездим на горку? – Лилит вопросительно посмотрела на него.

– На горку? Зачем? – смутился Левиафан.

– Покатаемся на сноуборде. – Лилит улыбнулась в ответ, поцеловав вампира в щеку.

– На чем покатаемся?

– Сноуборд, Левиафан, сноуборд. Судя по твоему лицу, ты понятия не имеешь, о чем я говорю.

Левиафан действительно не очень понимал, о чем шла речь. Ему это не нравилось. Ему вообще не нравилось, когда он выглядел дураком. А когда человек чего-то не знает, это самый короткий и прямой путь к общественной критике и ярлыку дурака.

– Ладно, признаюсь, я не знаю, о чем ты говоришь и что это за штука такая.

Лилит улыбнулась что было сил. Ну, наконец, хоть какое-то превосходство над всезнающим и всё умеющим вампиром. Самолюбие Лилит аж встрепенулось от радости, ненадолго забыв все то, что произошло на днях.

– Ну что ж, придется мне просветить тебя, дорогой мой умный человек. Кстати, вот еще один случай, когда «зародыш бабочки» может чему-то научить всеильное чудовище.

Левиафан молча смотрел на девушку. Злился ли он? Конечно! У него сердце скрипело от ущемленного чувства, от того, что Лилит даже не пыталась сделать вид, что ей безразлична маленькая неосведомленность вампира.

По одному только его взгляду было видно, что Левиафан злобствует, но внешне он старался оставаться спокойным.

Все-таки как взрослый человек, одно он точно понимал – сколько бы ты не жил на свете, все равно станется что-то, что ты не умеешь или о чем не знаешь. Вот только все это должно быть не после блистательного выступления «Я все знаю и все умею».

– Я жду.

Он неотрывно смотрел Лилит в глаза, наблюдал, как радость и злорадство, потирая руки, массирую ее мимику. Но Левиафан решил, что пусть девочка порадуется такой нелепой и мелкой победе.

– Сноуборд – доска, как одна лыжа, встаешь на нее двумя ногами и катишься вниз со склона. Все довольно просто... даже для тебя. Я не буду рассказывать тебе про равновесие, правильность постановки ног... Ты же умный, в процессе поймешь. Поедем?

– Теперь-то мы точно поедем. Не могу же я оставить позади себя то, чего не знаю, так и не познав это. Одевайся. Пойду, скажу Мормо, что мы ненадолго уедем.

Левиафан нашел своего друга на веранде на улице. Он стоял с кружкой кофе, смотрел вдаль.

– Я слышал. Конечно, езжайте. Узнай, что такое сноуборд, мне потом расскажешь.

Левиафан встал рядом с Мормо и тоже уставился вдаль. Он чувствовал атмосферу отчаяния, печали и утраты. Он чувствовал Мормо насквозь, его желание вернуть любовь, желание всегда, нет, вечно, быть с той, которую он чертов-

ски любит.

– Забавно, но почему-то именно в общении с тобой, я чувствую себя крайне неловко. Знаешь, почему? Был бы я на твоём месте, я бы ненавидел меня. У меня есть то, отсутствие чего, превратило тебя в меланхоличное существо, которое не знает, для чего оно вообще ещё передвигается. У меня есть женщина, которую я люблю...она рядом. И у меня есть слова поддержки для тебя – от того, что эта женщина рядом, я не чувствую себя счастливым.... Подумай об этом, Мормо.

– Нет, Левиафан, это ты подумай об этом. Подумай хорошенько, что такое счастье, какого ощущать себя счастливым. Подумай о том, как ты будешь себя чувствовать себя, если этой женщины вдруг не станет рядом. Что ты тогда скажешь? Поверь мне, я знаю, о чем говорю. Готов ли ты сейчас отпустить ее? А?

– Нет.

– Коротко и ясно. Видишь, тут и думать нечего. Просто дай шанс нормальности заглянуть к вашим отношениям, может вам понравится адекватность. Может вы примите ее и посмеетесь потом над тем, какими дураками вы были.

– Ну, я готова! – Лилит выскочила на улицу.

Оба вампира тут же замолчали и перевели взгляд на девушку. Ну до чего же она была красивая! На ней был надет теплый костюм светло-светло серого цвета, вязаная шапка, толстая коса, спускающая ниже пояса, ботинки, похожие на луноходы Армстронга, перчатки, связанные из такой плот-

ной и теплой нитки, что они казались больше на пару размеров.

Радость в глазах. Ее глаза сверкали, словно в них блистали падающие на солнце снежинки. Слегка розовые щеки, которые всего за пять минут, проведенных на улице, легкий морозец успел покусать.

– Мой сноуборд дома. Сначала нам придется заехать за ним. – Лилит схватила Левиафана за руку, прижимаясь к его плечу.

– Давай сразу в прокате два возьмем? У меня-то ничего такого нет, все равно в магазин ехать. – Настроение вампира поднималась, глядя на то, как радуется девушка.

– Окей. Поехали. Пока, Мормо! Не скучай.

Лилит побежала к машине, на ходу стаскивая рюкзак со спины. Левиафан неспешно побрел за ней, бросив едва заметную улыбку другу.

– А ты прав, пожалуй, мы попробуем познакомиться с адекватностью!

Мормо, услышав тихий шепот, тоже улыбнулся. Как бы не думал Левиафан, но Мормо не мог злиться на своего друга из-за того, что у него есть девушка. Мормо вообще не мог злиться. Испытывать злость – это было не в его стиле. Он считал, что растрачивать силы и энергию на такие негативные чувства, как злость и ненависть, глупым занятием. Он был рад, что у его друга есть такие отношения, что их пытаются реабилитировать, что ими интересуются, а не просто

живут.

– Лилит, закрой окно, простудишься. – Левиафан неотрывно смотрел на заснеженную дорогу, ведущую за город.

– Да что с тобой? – не выдержала девушка. – Ты такой странный! Весь из себя заботливый, твой голос...мягкий и нежный. Ты улыбаешься, не пытаешься посмеяться надо мной, никого не убиваешь! Левиафан, ты сам-то здоров?

Вампир улыбнулся и бросил на девушку косой взгляд.

– Лилит, почему ты так странно воспринимаешь заботу о себе? Почему для тебя это так дико звучит? Почему ты считаешь дикостью заботу о тебе?

– Для меня это нормально звучит, Левиафан, когда такое исходит не от тебя. И забота от тебя...ну, не знаю, по меньшей мере – это странно.

– А вот в чем проблема! Давай я сам закрою окно, раз у тебя очередная проблема с моей просьбой. Здесь есть волшебная кнопка, которая поможет мне в этом.

Лилит усмехнулась и отвернулась, разглядывая как до-вольно быстро стекло скрывает зимний запах, оставляя его за окном. Она смотрела, как мимо проносятся деверья, одетые в толстую зимнюю шубу; как большие черные птицы прыгают с этих веток в бездну и резко поднимаются ввысь, стряхнув снег с лап; как зима раскрывает свои владения, удаляясь от города; как прекрасно там, где нет человека и его зловонных труб.

Через полтора часа машина повернула на сельскую до-

рожку и пока они медленно пробирались вперед, Левиафан думал лишь об одном, только бы не застрять в этом не особо людном месте, только бы машины прошла и не села в сугробе.

Лилит же не терпелось уже вылезти из машины, схватить доску и помчаться с горы.

Раньше она каждую зиму с друзьями ездила за город, чтобы покататься а сноубордах, лишь эта зима пришла не такая... И привела еще кое-кого не такого. Несмотря на все это, Лилит не смогла отказать себе в удовольствии покататься.

Проехав сельскую дорогу, парочка оказалась на довольно обкатанном склоне, на котором стояло еще несколько машин и пара небольших кучек людей, которые лазили туда-сюда.

– О, да здесь даже люди есть! Смотри, как я не буду голодать! Не правда ли, дорогая? – Левиафан поцеловал ей руку и улыбнулся.

– О боже... – Лилит спрятала улыбку и хотела было выйти, но вампир опередил ее.

– Подожди, я дверь открою, куда ты спешишь?

– Хочу поскорее посмотреть на склон, насколько он крутой и длинный!

Левиафан все равно успел дать волю своей галантности, открыв девушке дверь и подав руку. Он помог вытащить доски, убрал все рюкзаки в машину, и спустя две минут они уже стояли и смотрели с горы на горизонт.

Конечно, это был не Эверест, но метров 250 в ней было. Это была безлюдная деревенская местность, поэтому никаких канатных дорожек, которые поднимут ленивого спортсмена, там не было. Левиафан узнал об этом месте у продавца в магазине, который по секрету рассказал о хорошем месте, где можно спокойно покататься и вряд ли кто будет смеяться над тобой, когда ты через два метра на склоне, начнешь поглощать снег, летя головой вниз.

Лилит очень резво справилась с креплениями на своей доске и почти что приготовилась к спуску, как краем глаза заметила, неловкие копошения на заднем фоне. Несчастный Левиафан то никак не мог поймать равновесие, то у него были проблемы с креплением на доске.

— Господи.... — Лилит вздохнула, слезла со своей доски и подошла к вампиру.

Она слегка злился... мягко говоря. Девушка молча стояла и смотрела на него, затем опустилась на корточки перед ним и начала помогать с креплениями, стараясь поддержать его.

Когда Левиафан, наконец, был готов к спуску с горы, Лилит быстро закрепила свой сноуборд и, крикнув «жду тебя внизу», помчалась вниз по горе.

Снег. Ветер. Солнце. Холод. Так приятно, весело и быстро. Лилит словно летела на крыльях вниз, не зная ничего о тормозах... Она даже не оглядывалась назад, прибывая в полной уверенности, что Левиафан уже где-то валяется или торчит как кол из первого же трамплина или в какой-нибудь

елке. Но он удивил ее.

Уже почти у подножья горы Лилит что-то сшибло на огромной скорости. Кубарем, вперемишку с досками, полонными очками, очумевшим вампиром, она летела дальше вниз, достаточно громко матерясь, периодически выплевывая снег.

Когда снежный ком и все, что в нем было, остановился неизвестно где, Лилит выдохнула, пытаясь понять собственные эмоции. Она немного злилась, потому что первая поездка была испорчена и не кем-то неизвестным, а опять Левиафаном. Ее злило, что теперь надо вновь тащиться наверх, чтобы нормально съехать и почувствовать всю прелесть зимы. Она злилась, зная, как неудобно и долго тащиться вверх по горе по огромным скатам, заваленным снегом.

Но услышав жалкие похрюкивания из сугроба, Лилит не смогла не улыбнуться. Наполовину заваленный снегом, со сноубордом под головой, с дужкой очков, торчащей из-под шапки, Левиафан лежал на спине и отплевывался, стряхивая с лица снег, ржал. Он просто и не наиграно хохотал, даже не пытаясь встать.

Лилит аккуратно пошевелилась: тело ныло, но переломов вроде не было. Она подползла к смеющемуся вампиру и посмотрела ему в лицо. Он продолжал смеяться делал он это так заразительно, что девушка едва справлялась со своими эмоциями.

– Ну и как так вышло? – даваясь от смеха, спросила она,

лежа наполовину в сугробе, наполовину на нем.

– Я не знаю... – Левиафан продолжал смеяться, обнимая девушку. – Ты не сказала мне ни о тормозах, ни как поворачивать этой штукой. Я просто мчался вперед.

Ему было очень трудно говорить, смех мешал собраться с мыслями. Лилит слушала эти задыхающиеся звуки, давила в себе такие же звуки, но у нее не получалось.

Внезапно вампир замолчал и уставился на девушку.

– Ты настолько необычная, что Расскажи о моей сущности в мире, то я бы стал слишком банален. Твои глаза, они настолько задорно смеются, в то время как твое лицо пытается скрыть это. Зачем?

Левиафан резко выбрался из сугроба и перекатился на девушку. Рассматривая ее томные глаза, скрытую улыбку, ему так хотелось поцеловать ее...

– Ты простудишься, милая... Черт!

Борясь с собой и со своими желаниями, Левиафан поднялся на ноги, помог встать девушке, так и не поцеловав ее.

– Но я не могу не поцеловать тебя... не могу.

Кое-как задыхаясь и почти умирая, они влезли на горку и продолжили свое увлекательное мероприятие.

Домой они вернулись совсем поздно, усталые, но безумно веселые. Совместно проведенное время, за которое они не успели ни поругаться, ни подраться, пошло им на пользу.

Они наперебой рассказывали Мормо свои ощущения, Левиафан вообще вел себя, как маленький мальчик, не зная,

где начинается и где кончается предел его счастья. Лилит просто улыбалась, глядя на то, как радуется пятисотлетний вампир.

26

– Лилит, дорогая! Мормо попросил меня кое-куда съездить, вечером вернусь. Я надеюсь, ты не обидишься и не дашь Мормо скучать. Он завтра уезжает. Что скажешь милая? – спросил Левиафан полу дремавшую Лилит.

– Хорошо. Странно, Мормо пробыл здесь всего несколько дней, почему он так быстро уезжает? – с закрытыми глазами спросила Лилит.

Левиафан встал с постели и потянулся, глядя в окно.

– Между нами говоря, Лилит, он ищет Лю, поэтому нашёл меня, чтобы узнать хоть что-нибудь о ней – шепотом сказал он.

– А, это та вампирша, которая, будучи человеком, высосала из него все жизненные соки и хорошо навешала ему лапши на уши?

– Именно, Лилит. Но дорогая, я прошу тебя, не напоминай ему о ней лишний раз, – попросил её Левиафан, натягивая рубашку. – Всё милая, я пошёл, давай, до вечера.... Веди себя как взрослая, – Левиафан поцеловал нежащуюся в постели Лилит.

«Упырь!», сонно подумала Лилит и снова уснула.

Через два часа она встала, потянулась и отправилась наводить утренний марафет. Через час она уже спускалась вниз, стараясь идти очень тихо, сама не понимая, зачем. Ведь всё равно Мормо услышит её шаги.

По всему первому этажу гуляли лучи света, а в них виднелись пылинки, которые так сладко купались в солнечной ванне. Лилит вдумчиво посмотрела на них.

«Как же им хорошо. Они ни о чём не думают, ни о чём не беспокоятся. Кружись себе да кружись, и принимай ласки солнца. А вот людям постоянно приходится думать о чём-то. И кстати, я, наверное, погорячилась с просьбой о вечной жизни. Вампирам ведь хуже всех, им приходится вечно о чём-то беспокоиться. Если даже это мысли не о крови, то об уродливом человеке, с которым они живут и которого они любят»...

Вокруг Лилит жила тишина. Солнышко и пылинки. Если бы не это, то можно было подумать, что это кладбище. Там такая же мертвая тишина.

Лилит весело сбежала вниз по лестнице и вошла на кухню, включила чайник и достала чай.

– Мормо! – позвала она.

– Я здесь, не кричи..., – тихий голос откликнулся с подоконника.

Девушка подпрыгнула и уронила чашку.

– Господи, Мормо! Ты меня напугал! Я ни как не ожидала, что ты на этом подоконнике сидишь! – укоризненно сказала

она и строго посмотрела на него.

– Лилит, не хмурься, морщин будет много, – нежно, по-дружески Моро посмотрел на неё.

Лилит отвернулась, подняла кружку и налила чай.

– Ты... Чай будешь? – тихо спросила она его.

– Лучше кофе с молоком... Я не очень понимаю этот вкус, но мне безумно нравится кофейно-молочный цвет. На мой взгляд, одни из самых волшебных напитков, до которого додумались люди. – Он замолчал и снова уставился в окно.

Лилит налила ему кофе, взяла кружки и поставила на стол.

– Кофе можно пить ещё и с мороженым, и с цитрусами! Это тоже очень вкусно! – грустно улыбнулась Лилит.

Мормо подошел к столу и сел напротив Лилит. Он смотрел на неё с такой добротой, нежностью, и грустью... Его глаза кроме спокойствия и мира не выражали ничего.

«Он такой добрый. У него такая же улыбка, как и у Левиафана. Но он добрый, я чувствую эту сердечность. Как я могла его испугаться?».

Девушка посмотрела на него и улыбнулась в ответ.

– Почему ты такой грустный сегодня? – спросила она, помешивая чай, – тебе скучно со мной? Не о чем поговорить?

– Я не грустный, Лилит, я просто устал... Устал смотреть, чувствовать, вспоминать о прошлом, устал гнаться за будущим... Я часто задумываюсь о смерти. Все-таки прожить тысяч лет очень тяжело. Это только, кажется, что живи себе

да ни в чем не отказывай, радуйся и все-такое. Но на своем опыте, могу смело заявить, что рано или поздно все заканчивается. Заканчивается то, чему ты хочешь радоваться, заканчиваются силы, и ты просто не можешь улыбнуться, потому что просто нет сил растянуть губы в улыбке... Не хочется ничего, ни есть, ни пить, ни дышать. Ничего. Жизнь утомляет, наверное, поэтому природа придумала смерть... Неважно, какая у тебя жизнь: бурная и насыщенная или тихая и спокойная. Она все равно утомляет, когда ее много. Ты устаешь от ее насыщенности, тебе хочется отдохнуть. И ты устаешь от ее спокойствия, тебе хочется перчинки. От всего устают... Всегда все не то. Оно просто не может быть вечно тем.

– Это как-то касается Ло? – тихо спросила Лилит.

– ... и она в том числе. Она стала последней каплей отчаяния в моем океане безнадежности и горя.... За всё свое существование я постоянно разочаровывался в женщинах. Я любил их, а они всегда меня использовали. Кому-то нужны были деньги, а кому-то вечность... Лилит, ни одной из них не нужна была любовь... – Мормо посмотрел на неё с такой печалью, что Лилит захотелось плакать. – Лилит, между вами с Левиафаном есть чувства, настоящие и живые чувства... Не загубите их. Я ищу уже тысячу лет ту, единственную, которая проживет со мной вечность, но пока я нашёл только разочарования ... Странно, люди хотят найти истинную любовь за пятьдесят лет? Смешно, но бывает, конечно,

как у вас с Левиафаном. Но ещё смешнее, это то, что когда вы находите друг друга, вы сами всё своими руками рушите, а потом страдаете. Где справедливость, Лилит? Я ищу и страдаю, а кто-то нашел и, всё равно, страдает...

– Мормо, а ты хоть раз видел где-нибудь справедливость? В мире есть место для гнева, любви, мести, добра, ненависти, но не для справедливости. Даже в суде, казалось бы, самое честное место должно быть, а нет, там её тоже нет. Если только, конечно, не уравнивать понятия «деньги» и «справедливость». У кого больше денег – тот и справедлив. Соответственно, если в любви нужна справедливость, то это значит, нужны деньги. А деньги и любовь не живут вместе. Поэтому, Мормо, не ищи в любви справедливости, её там нет.

Мормо посмотрел на неё внимательно и покачал головой. Ему было очень больно, он всё ещё тосковал по Ло. Лилит даже не хотела спрашивать, когда Мормо последний раз видел её. Он соскучился по ней, по её лжи и притворству, по её жалкой бесчеловечности. Лилит поняла одно, Мормо намного человечней, чем некоторые люди, включая её саму и ту же Локи.

«Опять же, потому что женищина? Как странно... Женищина – мать! Существо, которое носит в себе маленькую частичку себя, возвращает её, любит и лелеет всю жизнь. Женищина, которая плачет над смертью маленького котенка или щенка.... Оказывается, она – самое бессердечное существо! Самое жестокое и злобное создание на земле – это

женщина! И как такое получается, что одна хрупкая особь имеет столько разных и сложных чувств, переживаний, страданий... любви. Но внутри её тела пустота – там нет сердца! Серьезно, безжизненное тело Мормо, с изъеденным тоской сердцем, которое пытается выжить уже тысячу лет, сердечнее, чем любая другая женщина! И если у живой, теплой женщины нет сердца, тогда где находятся все эти чувства? Получается в голове. А голова – это логический инструмент любого человека, чувства не поддаются логике... Замкнутый круг. А если чувства поддаются логике – значит это фикция! Слово «женщина» – равносильно слову «ложь»? Ведь так получается? И правда, стоит посмотреть на женщину со стороны – это ж актриса, сотканная из лжи. Хорошо тем, кто работает в кино – у них есть отговорка, типа «это моя работа!». А женщина, которая играет в жизни – намного профессиональнее, чем любая актриса из театра. И я такая же... Я играю с Левиафаном, хотя он сам начал.... Значит, есть шанс на то, что и мужчины вовсе не ангелы? Однако, Левиафан просто устал жить по честному, он тоже решил поиграть. И сколько в жизни я встречала мужчин, они все были такими наивными и такими искренними, прям как Мормо».

Лилит вздохнула и посмотрела на чай. Он уже почти остыл. Мормо всё также смотрел на неё, молча и не отрывая глаз. Он прекрасно видел, что она задумалась о чем-то, и не хотел ей мешать.

«Очень красивая девушка, под стать Левиафану прям. ... Только очень опасная. Это сразу видно. Левиафан обожжется, сильно обожжется. Меня, конечно, радует одно, что он просто решил заморозить свое сердце, оставив маленький кусочек для таких вот чувств. Только эта девушка успешно растапливает замороженную часть. Так что ему не грозит стать совсем черствым. А растапливает она эту часть для того, чтобы ему потом больнее было. Целое сердце чувствует больше, чем частичка. И к тому же, для такой как Лилит, не будет проблемой уничтожить даже это маленькое живое пространство его души. Хорошая пара.... Хотя, нет, не пара, такие люди как они должны быть партнерами. Но они любят друг друга. Эх, господи, кто ж над вами так подиутил-то?»

Время шло к обеду. Мормо практически весь день просидел на подоконнике и смотрел в окно. Он как будто ждал, что вот-вот там появится Локи.

– Дружище, у тебя простатит будет, сидеть-то на холодном подоконнике! – Лилит укоризненно посмотрела на вампира, – слезай, мне на тебя холодно смотреть, присядь что ли за стол.

Мормо всё с тем же печальным взглядом посмотрел на неё и остался недвижим.

– Ты меня боишься? Или думаешь, что сюда внезапно придет Ло? – спросила Лилит.

– Да нет, конечно,... Она сюда не придет, хотя очень хо-

телось бы.

– Мормо, можно я скажу всё, что думаю, а ты не обидишься? – тихо спросила Лилит.

Вампир слез с окна и со скоростью света оказался за столом, вопросительно разглядывая Лилит.

– Слушаю. – Слегка улыбнувшись, сказал Мормо.

– Так как ты сделал её вампиром, между вами есть какая-нибудь связь? Я имею в виду, она знает или чувствует, где ты можешь находиться? – поинтересовалась Лилит.

– Нет, такой связи нет, – несчастно ответил он.

– Что ж, это хорошо. Такой ответ дает мне возможность назвать тебя не полным придурком... Почему ты себя так не ценишь? Об тебя вытерли ноги, растоптали твои чувства, тебя предали и обманули! А ты бегаешь и ищешь её! Неужели ты думаешь, что если бы ты ей был нужен, то она не смогла бы тебя найти? Не будь дураком, Мормо! Начни новую жизнь, хватит жить прошлым, слава Богу, у тебя есть шанс на то, чтобы начать всё заново с другой, – предложила Лилит, – на тебя больно смотреть, так нельзя. Ты очень красивый и обаятельный мужчина, добросердечный к тому же, с такой внешностью и душевными параметрами тебе будет не сложно это сделать. Мормо, ты должен забыть её ради своего же блага. Так ведь можно с ума сойти...

– Да, я дурак! Глупый, старый дурак! В какой раз я бегаю за женщиной, которая меня отвергает, после того, как получила то, что хотела. История каждый раз повторяется.

– Ну, тогда не давай им то, чего они так хотят...

Мормо поднял на нее взгляд.

Девушка смотрела на него, поглощенная серьезно... Она была такая красивая.

– Он сказал тебе? – тихо прошептал вампир.

– Что сказал? – Лилит удивленно посмотрела на него.

– Он не сказал... – печально подтвердил Мормо, – уверен, в будущем скажет...

– Не сказал что? Мормо? Что? – Лилит настаивала.

– Я предоставлю ему шанс ответить на этот вопрос позже... А пока забудь.

Они проболтали до шести часов вечера, внезапно Лилит сказала ему, что ей надо выйти и она скоро вернется. Вернулась она через десять минут, очень грустно посмотрела на Мормо и протянула ему руку.

– Пошли, я покажу тебе кое-что..., – чуть ли не рыдая, прошептала она ему.

Он взял её за руку и встал. Выйдя на улицу, они подошли к маленькому сараю, который находился за домом. Лилит молчала, на её лице было только беспокойство.

– Внутри.... Там что-то было! – шепнула она ему.

– Стой здесь! Я посмотрю! – приказал он ей и зашёл вовнутрь.

Лилит тут же закрыла за ним дверь на железный засов. Из кустов, растущих рядом, она вытащила уже приготовленную канистру с бензином и начала обливать сарай. В её руке была

уже зажженная спичка.

– Что происходит? – спросил Мормо, заранее зная ответ на свой вопрос.

– Прости! – тихо сказала она, – это не моя вина, что ты появился здесь. Это и не твоя вина. Это вина Левиафана! – она кинула спичку, и сарай вспыхнул.

– Я должна показать ему, какого это – терять близких, – Лилит зарыдала.

Ей было очень тяжело и больно: внутри что-то разрывалось, её всю трясло. И от каждого его крика, она чувствовала укол чего-то очень острого и болезненно.

– Ты очень хороший, Мормо, добрый и милый. Мне искренне жаль, что так вышло... Прости... Милый Мормо, прости... – Лилит задыхалась слезами.

В её глазах отражался огонь, пламя которого сжирало сарай и Мормо вместе с ним. Красно-оранжевые языки убивали несчастного вампира внутри. И с каждым таким поцелуем огня, крики бедняги становились всё тише и тише, всё не разборчивее. Пока он горел, он ни разу не назвал Лилит плохим словом. Он так устал от всего, что просто смирился с решением девушки сжечь его.

– Ло... я люблю тебя, прости, что не смог сказать это тебе лично – это последнее, что услышала Лилит.

Она закрыла руками лицо и снова зарыдала. Лилит лелеяла тайно надежду на то, что Мормо сильный вампир и он вырвется все-таки из пылающего огня. Но он не стал выры-

ваться... он ждал смерти. Так больно и неприятно ей ещё никогда не было.

– Я ненавижу себя! Я ненавижу тебя, Левиафан. Твое появление в моей жизни сделало меня такой! – крикнула она...

Через два часа дверь открылась, в гостиную вошёл Левиафан.

– Ух, там такой снегопад! – сказал он, стряхнув снег с головы, но его счастливое лицо тут же изменилось, когда он увидел Лилит.

Она сидела за столом, тихо мурлыкая какую-то грустную песенку, в его рубашке, волосы растрепаны, лицо измазано чём-то черным, в одной руке – рюмка с чем-то очень вонючим, а другой девушка подпирала голову.

– Что случилось? – нервно спросил он, подлетев к ней, и внимательно посмотрев в её глаза.

Тут же на полу он заметил, пустую бутылку водки. Вторая, уже полупустая стояла на столе. Левиафан встал и нахмурил брови. Потом он резко схватил девушку за предплечья и посмотрел в глаза.

– Лилит, что случилось? Где Мормо? – потребовал он ответа.

Лилит подняла пьяные глаза и улыбнулась.

– А Мормо уехал! – тихо сказала она.

Левиафан, учуяв запах алкоголя, поморщился.

– Куда уехал? Лилит, ты чего несешь? Он не мог уехать, я обещал ему, что пробуду весь день в Германии и узнаю что-

нибуть про Локи, потому что её там видели последний раз! Он ждал меня с ответом, как второго пришествия Христа! – крикнул он.

Но Лилит была настолько пьяна, что ничего вообще не соображала. Ей было абсолютно наплевать на все, она только очень глупо улыбалась и болталась в его руках, как безжизненная ватная кукла. Левиафан посмотрел на неё свысока, сделав совершенно безразличный вид, сказал:

– Лилит, если в течение пяти минут, ты мне не расскажешь, где Мормо, почему ты пьяная в стельку и в таком виде, и почему от тебя воняет гарью, то я клянусь, я сломаю тебе шею! – Левиафан начал угрожать, он очень злился, потому что мысли, которые приходили ему на ум, были отнюдь не радостными.

Он боялся услышать подтверждение своих догадок. Его воображение показывало какой-то бред. Почему-то он представил себе картину, Мормо который пытается изнасиловать Лилит, огонь, прожигающий кожу.... Но потом Левиафан начинает понимать, что речь идет о Мормо. Он никогда, ни с одной девушкой такого бы не сделал, потому что очень уважает и ценит прекрасный пол.

– Мормо уехал... на тот свет! Он устал от жизни, почему ты об этом не знал? Ты ж его друг! – Лилит подняла пьяные, красные глаза на Левиафана.

Его пальцы отпустили Лилит, и пьяное тело упало с грохотом на пол, так как само на ногах стоять не могло. Ли-

лит сильно ударилось об угол стола, и рассекла себе кожу на затылке. Пошла кровь. Левиафан потрянул головой, поднял девушку и впился в нее глазами.

Гнев протискивался через каждую кожную клеточку на лице, и когда гнев пролезал между ними, они слегка разрывались, и всё его лицо в итоге было покрыто ярко-красным и лиловым цветами. Нижняя губа тряслась мелкой дрожью, а брови, казалось, срослись вместе.

– Ну-ка повтори! – прошипел он.

– Я сказала, что Мормо уехал на тот свет! А я помогла ему в этой нелегкой поездке! – сказала Лилит, смотря прямо в черную пустоту глаз Левиафана.

Он посмотрел на неё с секунду и резко замахнулся. Лилит зажмурилась. Рука Левиафана застыла в воздухе, он скрипел зубами, глядя на зажмуренное лицо.

– Ненавижу! – крикнул он и отшвырнул её в другой угол комнаты.

Лилит медленно сползла по стенке без сознания.

Левиафан подошёл к ней и взял её на руки и схватился руками за шею.

– Я убью тебя, дрянь! Убью! Ты не заслуживаешь, жизни... никакой, ни человеческой, ни тем более вечной! – кричал он, сжимая за её шею.

Он хотел сломать ей позвоночник, руки и ноги, всю переломать... Но не смог. На этот раз любовь победила гнев. Из раны шла кровь, рубашка на спине была порвана, а на коже

– огромный ушиб.

Всю в крови, вампир подхватил девушку на руки и потащил в ванную комнату, смывать кровь, боль, страх.

– Что же ты наделала... – горестно прошептал он, придерживая её голову в ванной и обмывая её тело.

Лилит открыла глаза, увидела лицо Левиафана и снова зажмурилась. Она испугалась, что он её либо ударит, либо снова швырнёт. Внезапно девушка поняла, что находится в ванной комнате, тут панический страх полностью овладел ей, и Лилит со всей силы начала вырываться и кричать.

– Нет, Левиафан, не надо! Я умоляю тебя! Я не хочу умирать! – Лилит била его по рукам, по лицу, по плечам и по груди, и била сильно.

Наконец он её скрутил и зашипел в ухо.

– Тихо, тихо, милая, я не собираюсь тебя убивать... хотя надо бы, – Левиафан гладил её по голове. – Ай, – вскрикнула она, и её рука потянулась к порезу на голове.

Девушка провела по нему рукой и посмотрела на ладонь. Там была кровь.

– Что это, Левиафан, это же кровь... Это моя кровь? – тихим, испуганным голосом спросила она, прижимаясь к нему поближе.

– Ты рассекла себе кожу на затылке, когда упала. Я всё сейчас улажу, не переживай... – грустно сказал он.

Но на самом деле он не очень хотел всё улаживать. В глубине души, ему всё-таки хотелось прибить Лилит или ниче-

го не делать, чтобы вся кровь вытекла. Но любовь горела в нём и требовала спасти её, да и кровь бы все равно вся не вытекла из такой раны. Внутренняя борьба – очень неприятное чувство, тебя разрывает на две части. А когда речь идет о серьезных дилеммах, то можно вообще с ума сойти. Вот так и сейчас, Левиафана раздирало на две части.

Он любил эту девушку, но он не мог простить ей смерть его самого дорогого и близкого друга. Боль и разочарование поглотили его, безысходность запустила в сердце свои цепкие когти. Ярость слепила его. Ненависть вызывала омерзение и брезгливость к самому себе, к слабости. Он потерял единственного друга. Голова Лилит лежала у него на руке. Девушка была без сознания, а её нежная, изящная шея словно просила свернуть её. Левиафан провел по гладкой коже рукой.

– Лилит... – дрожащий голос прошептал ненавистное имя.

Имя, которое всего за полтора месяца разбудило в вампире все, что спало уже лет двести, всё, что не хотело просыпаться, не хотело чувствовать. Кровь так и текла по его руке, дыхание девушки было очень тихим, почти безжизненным. Она лежала с полужакрытыми глазами, не понимая, что происходит с ней.

Вампира начал буравить очередной приступ ярости. Левиафан вскочил и с силой дернул Лилит за руку и ударил о край джакузи. Послышался хруст... мучительный и хриплый

крик Лилит.

Внутри Левиафана все тряслось, его терзала часть самого себя, которая сразу же начала обвинять его в чудовищном поступке. Он не хотел делать ей больно, но вся его сущность желала мести, кровавой и мучительной. Он отпустил её руку и опустился на пол, схватившись руками за голову.

Лилит прижимала сломанную руку к груди, её глаза были полны страха и сочувствия, подавлявая крики боли. Она хотела бы посмотреть на него, как на предавшего её любимого человека, но в её взгляде было только «прости». Отвращение к самой себе, боль в руке, боль в голове... даже душа мучилась внутри, ей совсем не было спокойно там. Слезы на щеках и беспросветность в глазах.

– Господи, как же я ненавижу тебя! – еле слышно враждебный голос прошептал ей.

Затем Левиафан резко вскочил и схватил её за локти и потряхнул. Новая болевая атака в сломанной руке пробежала по всем нервам к головному мозгу. Лилит снова закричала.

– Ты слышишь меня? Я ненавижу тебя! У меня нет сил больше... – Левиафан отпустил её и положил голову на борджакузи и посмотрел на Лилит.

Его глаза были полны слез. Девушка смогла увидеть, как одна из них упала на его щеку и покатилась медленно вниз, словно говоря «смотри на меня! Это твоя вина!»

– Нет! – крикнула она и кинулась убрать эту предательскую слезу с его лица, – ты не можешь! Нет! – Лилит тер-

ла его щеку, лишь бы только не видеть его хрустальных слез снова.

Она чувствовала вину, которая тесно переплеталась с обидой почти в одно целое.

– Я не хочу тебя видеть, Лилит! Уходи! Убирайся из моей жизни! – Левиафан почему-то шептал, а не кричал это, лежа на краю джакузи.

– Нет!... Нет. Ты не можешь поступить со мной так, Левиафан! – Лилит хотела, было броситься к нему, но поскользнулась и упала.

Мокрая рубашка прилипла к телу. Всем весом она упала на уже измученную руку, и больше она не могла выносить боль, Лилит просто отключилась, в очередной раз. Левиафан взглянул на неё. *«Такая хрупкая, такая нежная... такая бессердечная!»*.

Лилит лежала на животе. Её глаза были закрыты, рот приоткрыт. Через дырку в рубашке была видна образующийся синяк и ссадины, а на макушке – волосы покраснели от крови. Она была не похожа на живого, скорее, на умирающего лебедя. Маленькое тело безжизненно лежало, и даже казалось, что дыхания нет. У Левиафана защемило сердце.

– Не могу я с тобой это сделать, Лилит!.. Я вообще ни хрена не могу с тобой сделать. Не могу убить! Не могу бросить! Не могу обратить и забыть! Я могу только любить тебя, хоть и в убыток себе... – Он вытащил девушку из ванной и понес в комнату.

Неся её вдоль коридора, Левиафан очень старался не ударить её об стол или шкаф. Войдя в комнату, он положил девушку на живот и попытался найти в волосах порез на голове.

– Вот это да? Да тут сантиметров три в длину, – нежно потрогал он вокруг раны кожу, чтобы посмотреть, смогут ли края соприкоснуться друг с другом, – прости ...

В одну секунду он оказался в ванной, достал весь необходимый материал для обработки ран и все, какие были, обезболивающие средства. Через две минуты он уже обрабатывал саму рану.

Через пять минут порез был зашит. Затем он нежно взял её переломанную руку, точнее осторожно приподнял и внимательно посмотрел на неё.

«Так, походу здесь сломана локтевая и лучевая кости. Милая, Господи, надеюсь, ты меня простишь... Я не могу тебе здесь помочь, придется везти тебя в больницу. У меня тут нет гипсового бинта».

Он ювелирно подхватил её на руки и вынес из дома к машине. Лилит открыла глаза.

– Что здесь происходит? – еле слышным голосом спросила она.

– Дорогая, я везу тебя в больницу, скорее всего у тебя перелом двух костей, одной уж точно, нужен рентген и чтобы потом врачи наложили повязку. – Объяснил он ей.

– Ай, моя голова! – Лилит дотронулась до макушки.

– Ты что-нибудь помнишь, откуда у тебя это всё? – спросил Левиафан.

– Я помню только, что ты сломал мою руку, ...а что с моей головой я не помню! – зарыдала она.

– Потерпи ещё чуть-чуть! – Левиафан нажал педаль газа почти в пол.

– Что у вас тут? – спросила медсестра в приемном отделении.

– Сильный ушиб головы, возможно даже сотрясение, плюс перелом лучевой, локтевой костей, и на спине огромный ушиб. – Левиафан дал полный отчет по состоянию здоровья Лилит. – И она, кстати, много выпила. Наркоз при работе с костями может не подействовать.

– Спасибо молодой человек, мы разберемся, дальше сами... Вы кем приходитеесь девушке?

– Парень...её – тихо ответил он.

– Тогда, может быть, вы мне расскажете, что с ней случилось? – спросила медсестра.

– Да, она очень много выпила и...

– Он избил меня.... Сломал руку, толкнул так, что я упала и рассекла себе голову...! – наигранно плакала и врала Лилит.

Левиафан разъяренно посмотрел на неё и прикусил нижнюю губу, чтобы не закричать, как он хочет ее убить. Потом он перевел взгляд на медсестру и остервенел окончательно. Её лицо выражало досаду, осуждение и презрение. Левиафан

плюнул, развернулся и пошёл к выходу.

– Я вызову полицию, мы снимем побои, поможем оформить заявление, и вы сможете подать в суд... – Левиафан услышал, как медсестра объясняет права и возможности Лилит, и остановился, чтобы услышать, что она ответит.

– Нет, спасибо, не надо, – удовлетворенно ответила Лилит.

«Ты только что спасла себе жизнь», подумал Левиафан и пошёл дальше, даже не взглянув на Лилит.

Он выскочил на улицу и со всей силы ударил ногой по крылу машины, так, что там осталась вмятина, и стукнул по крыше руками. Раздосадованный вампир залез в машину и откинулся на кресле, изображая то ли досаду, то ли злость.

«Лилит, ты настоящий дьявол. Ты умудрилась так быстро вернуть мне должок за сломанную руку. Я люблю и ненавижу тебя... Ты лишила меня друга десять часов назад, и только что ты лишила меня достоинства и чести перед всей больницей. Клянусь, Лилит, если бы ты согласилась писать жалобу, я бы убил тебя!»

Лилит задержали в больнице на три дня. У неё было легкое сотрясение, перелом локтевой кости и трещина в лучевой. Каждый день Левиафан стоял под окнами, думал о прошлом и местами о будущем. Сам лично он к ней не заходил.

За три дня он не прислал ей ни одной записки, ничего.

К вечеру третьего дня он стоял около машины с огромным букетом темно-бордовых роз и ждал Лилит. Она быстро вышла из больницы, но, заметив Левиафана, замедлила шаги. Её лицо не выражало ничего конкретного. Она то улыбалась, то огорчалась, а Левиафан просто наблюдал за этими изменениями. Он прекрасно понимал, что она не знает как себя вести после всего, что случилось за последние пять дней. Зато Левиафан знал.

Она подошла к нему, вся такая белая и ласковая. Белые сапоги и пальто напоминали одежду снегурочки. Волосы были распущены, и слегка развевались на ветру. Она остановилась в полутора метрах от него, действительно не зная, что дальше делать. Лилит просто молчала и смотрела на него. Её маленькое черствое сердце было радо снова видеть и чувствовать любимого вампира.

– Привет, милая! – ехидно сказал он, в свойственной ему манере. – Хорошо выглядишь... особенно в белом, – он вздохнул и отвернулся, розы он ей так и не отдавал, словно забыл о них.

Лилит стояла и молчала. Её смущало поведение Левиафана, не мог он так быстро после смерти Мормо превратиться опять в прежнего подонка.

– Ну что стоишь? Залазь, а то замерзнешь! – он открыл ей дверь, – и кстати, по поводу белого... На твоём месте я бы сегодня надел черное. – С безжалостной улыбкой посмотрел

он на неё и продолжил, — между прочим, положи вот это Жа-
клин на гроб, — он кинул ей на колени букет и отвернулся,
заурчав под нос песенку.

Лилит как будто прошиб разряд электрической дефибри-
ляции. Она повернулась к Левиафану, что бы понять, почув-
ствовать надежду на то, что он пошутил, хоть и по-дурацки,
но пошутил. Но этой надежды на его лице не было. Там было
только удовлетворение.

Машина остановилась около дома, Левиафан вышел и по-
мог Лилит. Она всё ещё не верила ему.

— Присядь, дорогая, я тебе чаю принесу! — предложил он,
не расставаясь со своей идиотской улыбкой.

В течение пяти минут они просто смотрели друг на друга.
Лилит смотрела на него, боясь, что-либо спросить, потому
что очень опасалась правды. Левиафан очень хотел, чтобы
она всё-таки спросила его о чём-нибудь. Да и вообще пере-
стала вести себя так, словно ей язык вырвали.

— Завтра, в три часа, на Центральном кладбище будут её
похороны, — выкрикнул он довольно, так и не дождавшись
никаких звуков от Лилит, — видела бы ты её мужа! Я думал,
он вены себе вскрыет от горя. Он же не знал, какая она была
шлюшка! А он только из командировки вернулся!

— Это ты? — только и спросила Лилит.

— Ты знаешь, дорогая, я не мог поступить иначе, — мечта-
тельно сказал он, — милая, ведь Маргарет была для тебя ни-
кем, по сравнению с тем, кем был для меня Мормо. А я ведь

правильно тебя понял, ты из-за Маргарет устроила Мормо пляски в огне? – уточнил Левиафан, глядя как слезы текут из глаз Лилит. – Ммм, значит правильно понял. Вот, конечно я не такой жестокий, как ты! – разочарованно он помотал головой, – ну не смог я её заживо сжечь в каком-нибудь погребце!

Последовало минутное молчание с двух сторон. Левиафан наблюдал за Лилит, уже без ухмылки, но всё равно с удовольствием.

– Я смог её распотрошить заживо! – глаза Левиафана блеснули в полутьме.

– Что ты сделал? – обезумевши, спросила Лилит, её нижняя губа дрожала, она еле сдерживалась, чтобы не завывать от тоски.

– Ой, Лилит! Только не надо спрашивать вопросы типа: «что она тебе сделала?» или «как ты мог, она же была такая хорошая!» – Левиафан передразнивал Лилит, делая очень тонкий голос, из-за этого всё казалось ещё противнее.

– Я и не спрашивала! Я спросила, что ты сделал? – крикнула Лилит, рыдая.

Левиафан расплылся в улыбке.

Затем одним рывком он оказался около Лилит с кухонным ножом в руках.

– Знаешь, что я сделал, – зашептал он в её ухо, прижимая её к стене и отрезая все пуговицы на рубашке.

Он приставил нож к её горлу и провел вниз, легко преодо-

лев загипсованную руку, нежно, еле касаясь лезвием кожи, давая возможность Лилит почувствовать всю остроту ситуации. Холодная сталь остановилась внизу живота.

– Я приставил нож к её горлу, так же как и тебе сейчас. Потом я погрузил лезвие в её кожу и провел им вниз. Знаешь, как она кричала, Лилит? Скажи мне, Мормо также кричал? – он провел лезвием по правому боку. – Вот тут была её печень, она, кстати, очень легко вырезается, – Лилит вся дрожала и рыдала, только тихо, она очень боялась, что он вот-вот воткнет в неё этот нож, – с левой стороны, я удалил поджелудочную железу и селезенку. Ты представляешь, какое это наслаждение? Она была жива к тому моменту, но уже близка к смерти. Она почти уже не кричала, почти не дышала, но всё же оставалась живой..., – Левиафан слегка надавил ножом на левую сторону и продолжил шептать, – вот здесь, я вырезал её сердце, и как мне показалось, что последний его удар я уже почувствовал у себя в руке... Правда забавно, дорогая?

Он схватил девушку, внимательно рассматривая ее глаза.

– Я мог бы разрубить и тебя на мелкие кусочки, заморозить и спрятать их по всему дому, чтобы потом чувствовать каждую твою частичку рядом. Я бы просто не смог закопать в землю кусочки столь прекрасного тела... И никто, никто бы никогда не узнал о том, что с тобой случилось! – Левиафан страстно дышал ей в ухо, рассказывая ей все эти страсти.

Лилит дрожала хуже, чем осиновый лист. Со страху она

как будто язык проглотила, она не могла ему ничего ответить.

– В день, когда я отвез тебя в больницу, я вернулся домой, подошёл к сгоревшему сараю и увидел обгоревший труп Мормо. Ты хоть представляешь, какого мне было? – он ударил кулаком по стене рядом с лицом Лилит.

Она зажмурилась и хотела закрыть лицо, но вампир держал ее за руку, а вторая рука была загипсована.

– Ты представляешь, что это значило для меня, остаться одному на вечность? Ты знаешь, что я чувствовал, когда доставал его тело и уносил отсюда? Твое тело не хочется хоронить в земле, потому что оно прекрасно, его можно сохранить. Но прекрасную душу Мормо я могу сохранить при себе! А у тебя нет души, поэтому хоронить можно только тело! Жаклин ты увидишь в гробу, а мне пришлось самому кидать землю на его лицо! – Левиафан ужасно кричал и избивал стену.

Лилит рыдала.

– Мормо! Он в жизни мухи не обидел! Даже когда он питался, он никогда не убивал своих жертв, он сохранял всем жизнь, он помогал всем, кому мог. Он пришёл сюда просить помощи в поисках Ло, потому что он её любил, он умел любить по-настоящему. Ты вообще заешь, что это такое? За пятьсот лет, добрее и отзывчивее, чем Мормо я ещё никого не встречал! У меня больше никогда не будет такого друга! Он не заслужил смерти, Лилит, не заслужил! А вот твоя по-

друга, Жаклин, заслужила! Как же я вас ненавижу, женщины! – он слегка отбросил её, как грязную салфетку.

– Так почему ты орёшь всё? Жаклин больше нет, Мормо тоже! – наконец выдавила из себя Лилит.

Левиафан резко развернулся к ней и Лилит увидела его глаза, наполненные таким количеством чувств и эмоций. Чёрные глаза, в которых утонуло всё... Черные глаза, которые утопали в слезах...

– Лилит. За пятьсот лет, я всё-таки сохранил достоинство и честь, которые ты также пыталась отнять у меня. Странно. Почему у тебя в таком возрасте нет этих качеств? У тебя вообще нет никаких человеческих качеств, кроме злобы. Ваше поколение всё такое или только ты? Потерю Мормо я сохраню глубоко в сердце, чтобы всегда помнить, на что способна любимая женщина! И чтобы случайно не повернуться к ней спиной. Жаклин жива и здорова, можешь позвонить и проверить. Если с ней что-то случилось, то это не по моей вине. Ещё раз – достоинство и честь, я не смог бы убить твоего друга, потому что я верю в дружбу... а ты смогла, потому что тебе наплевать, ты не веришь! – Левиафан развернулся и ушёл наверх, демонстративно захлопнув дверь.

Лилит вздрогнула от стука. Она осталась одна. Снова сев за стол, она закатила глаза и схватилась за голову.

«Это какой-то кошмар! Так нельзя, так не может больше продолжаться. Мы два дурака, бог мой, какие ж мы идиоты! Что мы пытаемся доказать друг другу? Для чего

мы это делаем, уничтожаем так друг друга? И что потом выйдет из этого? Когда, интересно, была утеряна логическая цепочка наших действий? Ибо сейчас я не вижу никакой закономерности, кроме мести. Возможно ли вырастить ясное будущее из возмездия? Корень отношений в виде мести уже посажен, значит можно легко что-то вырастить из этого. Но где вероятность того, что этот урожай будет позитивным в итоге? О боже, Левиафан... Может лучше выкопать это из недр наших тел и посадить по новой, или вообще другую семечку попытаться взрастить? Но с этим человеком другую уже нигде не возьмешь, потому что зло в любом своем проявлении, очень глубоко и быстро прорастает. И даже если вырвать сам корень, то останется очень много маленьких корешков, которые будут точить и губить новую семечку, и в конце концов, она иссохнет. А потом встаешь перед выбором, что лучше, оставить и дать возможность прорости злу или выкинуть его зачаток из сердец, и погубить всё? Что предпочтительнее: безразличие или месть? О, моя голова! Как же трудно думать за двоих... стоп, а зачем я думаю за него? Это просто невозможно! Я за себя не могу подумать, у меня семь пятниц на неделе, а Левиафан, к сожалению, такой же. В таком случае – это получается вообще беда. Почему мы считаем, что всё это игра?»

Лилит решительно встала и направилась в комнату к Левиафану. Она была настроена на серьезный разговор, но ко-

гда она вошла в комнату, это стремление почему-то быстро испарилось.

Левиафан лежал на кровати, подложив руки под голову. Его глаза были неподвижны, и казалось, что он смотрел не в потолок, а куда-то сквозь него, сквозь крышу, сквозь небо... в душу Мормо, сквозь любовь и боль.

Лилит вздохнула и подошла к кровати. Она тихо опустилась на неё и легла рядом. В комнате была гробовая тишина, было слышно только дыхание Лилит.

– Лилит, я устал... – едва слышно произнес Левиафан, всё также продолжая лежать.

Лилит посмотрела на него краем глаза. Она не знала, что спросить и как ответить. «Я устал» – такая многозначительная фраза, её можно понять как угодно, поэтому лучше уточнить... Но Лилит молчала.

– Так больше не может продолжаться, милая, – Левиафан со вздохом повернулся к ней.

– Я не понимаю, о чём ты?

– Я устал гнить живьем... Устал от того, что люди, которые меня окружают, тоже начинают гнить. Тебе не жалко себя, Лилит? Твоя жизнь очень коротка, а ты тратишь её на меня, и на гниение своей души из-за меня. Если бы меня не было в твоей жизни, ты не была бы такой жестокой и бессердечной. Лилит, от тебя пахнет гнилью... Тебя, уже тоже гложут черви,... так же как и меня. Но меня они едят уже много лет. И мне искренне жаль, что из-за меня черви начали гло-

дать и тебя. Обидно только то, что ты этого не замечаешь, ты не хочешь замечать. И я уже ничего не могу поделать, потому что люблю тебя и не хочу отпускать, но ты можешь, Лилит, ты ещё можешь отпустить меня, отмыться от грязи и избавиться от червей.

– Не надо... Мы просто заигрались в любовь и ненависть. Ты есть в моей жизни, и пусть черви гложут нас обоих. Я не верю в то, что ты говоришь. Просто надо прекратить игрушки эти...

– Да я не могу Лилит. Я не играю, я живу так! Сарказм. Ирония. Мечь, злость – это всё я, понимаешь? Нельзя измениться, взять просто и выбросить часть своего характера в помойку и сказать: «Смотрите! Я стал другим человеком!». Такого не бывает, это притворство. А его надолго не хватит, и потом снова возвращаются такие черты характера, которые ты, якобы, выбросил. Невозможно измениться, не то что ради любви, даже ради самого себя это невыполнимо.

Лилит горько усмехнулась, провела рукой по его лицу и посмотрела в грустные глаза.

– В таком случае – пусть ад ставит на нас ставки! – сказала она и спрыгнула с кровати.

28

Вот и февраль ворвался в природу, вооруженный тяжелыми метелями, бурями, небывалыми снегопадами. На улице огромные сугробы снега, а на деревьях – снежные лапы

вместо голых веток. Самый холодный месяц. Жуткие холода, леденящие человеческие души, снегопады, которые заносят людской разум, покрывают его тоненькой корочкой льда, но только не разум горячих сердец. Февраль – последний месяц зимы, последний месяц колючего холода.

Лилит сняли гипс. Её рука была как новая, нигде не болело, ничто не защемляло. Только она стала чуть хуже левой руки.

Все было забыто, как казалось с первого взгляда. Только яд остался в душе, он впрыскивался в вены, как только мозг забывал о январе. Первый глупый и очень серьезный поступок Лилит остался лежать в основании их отношений. Каждый из них помнил и будет помнить. Жаль, что жизнь тратит напрасно свои усилия, поучая идиотов. Они всё равно никогда и ничему не научатся... и неважно, сколько им лет...

Лилит влетела в комнату, где лежал по пояс голый Левиафан. Она подбежала к нему, высыпала на него кучку снега и отпрыгнула. Ей хотелось услышать мужской вопль, который срывается на женское сопрано. Но вместо этого, она увидела игривый взгляд.

– Знаешь в чем разница, милая? Я могу выдержать, а ты – нет! – он резко стряхнул с себя снег.

Лилит развернулась и попыталась выбежать из комнаты. Но, конечно же, она не успела. Он схватил её, закинул на плечо и пошёл на улицу.

– Нас ждет увлекательное погружение в снежную пучи-

ну... – прошептал он пикантно.

– Нет, ты сумасшедший! Мне холодно! – Лилит кричала и колотила его по спине, свисая вниз головой.

Бессмысленные действия. Она ведь прекрасно знала, что ее удары для вампира вообще ничего не значат.

Он открыл дверь: в нос влетел холодный и свежий воздух.

– Быстро, черт, пошли домой! – кричала Лилит, но Левиафан подошёл к ближайшему сугробу и плюхнулся туда вместе с ней.

Сотни миллиардов иголок пронзили нежную кожу Лилит. Она не смогла сдержать вырывающийся из недр диафрагмы визг. И если Левиафан ловко прикинулся, что ему безразличен холодный снег, стиснув зубы и синие губы, то визг пришелся ему прямо в ухо.

– Я заболела! – вопила Лилит, пытаясь скинуть его с себя.

– Нет, милая, я тебя согрею! – пообещал он.

– Чем? – она продолжала вырываться.

Левиафан всё-таки слез с неё, вытащил из сугроба и понес домой, в теплую джакузи.

– Ну что, тепло? – гадко спросил он.

– Угу, принеси мне, пожалуйста, сок...грейпфрутовый? – спросила Лилит.

– Сок? Грейпфрутовый? – переспросил он, недоверчиво посмотрев на девушку.

– Да. Сок... Грейпфрутовый... – Лилит тоже смотрела на него исподлобья, незаметно улыбаясь.

Левиафан еще раз окинул девушку взглядом и вышел из ванной комнаты. Ему понадобилось не больше пять минут, чтобы найти в холодильнике грейпфруты, превратить их в невозможный фарш, добавить льда и вновь оказать около Лилит, испепеляя ее взглядом и кровожадно улыбаясь.

– Ваш сок, мадемуазель. – Он протянул стакан девушке и, скинув штаны, залез к ней.

– Спасибо.

Он достал сигарету, прикурил и разлегся, наслаждаясь теплой водой и вздымающейся пеной. Лилит пила прохладительный напиток, бросая на вампира косые взгляды.

– Милая, даже глядя сквозь сизый дым, я чувствую, как твои красивые глазки стреляют по мне. Что? Что ты хочешь сказать?

Лилит смутилась и занялась своим соком, старательно игнорируя Левиафана. Он приподнялся и взял девушку за руку.

– Лилит. Я же вижу, что какие-то слова вот-вот сорвутся с твоего языка. Давай, позволь им вырваться...

– А... – вздохнула Лилит, – ты ничего не хочешь мне сказать?

– Я? – удивился вампир и улыбнулся. – Да я много чего хочу тебе сказать, милая.

– Нет, что-то особенное. Что-то, что ты мне еще не сказал.

– Особенное? Так... О своей любви я тебе говорил, о том, что хочу убить тебя – тоже. О том, что жить без тебя не могу

– сказано...

– Нет, Левиафан, это не то.

– Ладно, Лилит, давай, скажи мне, что ты хочешь услышать? – Левиафан сдался и вопросительно уставился на смущенную девушку.

– Мормо... – едва слышно произнесла она, и быстро взглянула на молодого человека.

Левиафан нахмурился лишь только как прозвучало имя друга. Улыбка исчезла с его лица.

– Что Мормо? – строго спросил он.

– Он...сказал, спросил... Рассказал ли ты мне.... – Лилит не смотрела Левиафану в глаза.

Она боялась туда смотреть. Боялась увидеть ненависть и презрение.

– Он не стал рассказывать, но сказал, что ты сам мне расскажешь... Что ты мне не рассказал такого, что я должна знать? – Лилит, наконец, осмелилась поднять взгляд.

Левиафан сидел с опустошенным видом на лице. Он явно терялся в догадках, что ответить девушке и прекрасно понимал, о чем сказал Мормо и что хочет услышать Лилит.

– Послушай, милая... – он опустил взгляд. – Я не уверен, что правильно тебя понимаю...Точнее я вообще не понимаю, о чем ты говоришь.

– Левиафан. Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю и о чем говорил он... Я хочу это знать.

– Тебе это знать не надо. – Вампир чуть повысил тон.

– Да? – Слезы наворачивались на глаза. – Я так не думаю. Эта тайна явно касается меня. Раз это так, то я должна ее знать.

– Нет, Лилит... Не сейчас. Может быть, позже... но не сейчас. Пока забудь об этом и не возвращайся к этому разговору. Я сам начну его, когда придет время.

Левиафан склонил голову, с печальной ухмылкой на лице, и устоялся на текущую воду.

– Машину пригнали, пойду оплачивать, – сообщил он.

– Как ты ... Ты услышал что ли? Ты слышишь на таком расстоянии? – Лилит удивленно посмотрела на него, старательно убивая всеми возможными способами сове любопытство.

Он ничего не ответил, только слегка улыбнулся и вышел из ванной.

Лилит выключила воду и вылезла из ванны, она осмотрелась.

«Только не это! Ни одного полотенца, ну как так?».

Она огорченно оперлась на джакузи и поежилась.

Спустя минут десять Лилит поняла, что сидеть она тут больше не может. Ей просто-напросто было скучно. Тело почти высохло, только редкие капли воды застыли на ногах и руках. Но с мокрых волос вода продолжала капать.

Лилит встала и приоткрыла дверь: в коридоре никого.

«Почему так долго?».

То был уже второй раз, когда машина девушки оказыва-

лась в автосервисе. На этот раз должны были затонировать стекла и плюс, каким-то образом, Левиафан смог обеспечить Лилит правами, не приходя ни школы, ни инструкторов, ни экзамены. Он считал себя неплохим инструктором по вождению. Возможно, он был прав: Лилит чутко ездила под руководством вампира, слушалась его, быстро запоминала все знаки и правила, которые он вполне доходчиво старался пояснить.

– Левиафан! – позвала Лилит.

Тишина, блуждающая по дому, окутала обнаженную девушку.

«Хорошо, что тут хоть эха нет, а то совсем выглядело бы как царство мертвых».

Она вышла из ванной и осмотрелась. Ей было очень холодно, а из-за того, что мокрые волосы постоянно дотрагивались до спины, у нее уже начались почти что едва заметные судороги. Тело покрылось мурашками. Капли воды стекали с волос по ногам вниз, и после каждого её шага, на полу оставался мокрый след ноги.

Левиафан шёл сзади, очень тихо, как кошка, которая охотится на мышь. Внезапно он подскочил к ней и крепко схватил.

– Нет! Холодными руками! – закричала Лилит, брыкаясь как кошка, царапаясь и матерясь, но вырваться так и не смогла.

Левиафан запрокинул ей голову и со словами: «Я бы с удо-

вольствием вырвал вену из твоей шеи, но придется довольствоваться этим», вцепился зубами ей в ключицу. Он схватил её и понёс в комнату, при этом, не отрываясь от маленькой раны.

Лилит почувствовала мягкую кровать, когда он кинул её как будто в пропасть. Девушка нахмурилась и посмотрела на него. Он уже срывал с себя рубашку, в то время как она в ужасе наматывала на себя одеяло, пытаясь хоть немного согреться.

– Ты что, совсем обезумел? – хрипя, спросила Лилит, когда Левиафан чуть ли не набросился на нее.

Его ладонь тут же закрыла ей рот и словно два алмаза, блеснули бешеные глаза.

– Тсс... – зашептал он ей на ухо, – не хочу держать в руках комков нервов...

Его зубы погрузились в плоть. Послышался хруст, Лилит вскрикнула от боли. На этот раз, укус не доставлял ей никакого удовольствия: нежность Левиафана куда-то пропала. Под ним, как будто лежала не его любимая девушка, а самый ненавистный враг.

Он ещё помнил её поступок. Он вроде и простил, но иголка в сердце всё ещё покалывала, хоть он об этом и не говорил. Мормо, как преданный друг навсегда остался в его разуме. Он простил их всех. Даже в другом мире, душа Мормо совершенно не умела злиться и ненавидеть. Но душа Левиафана была полна черни и зла, и порождала всё это ненависть.

Не мог он просто так простить ей то, что убило оставшуюся часть его сердца. Он хоть как-то старался показать Лилит свою злость и недовольство, при этом, тщательно скрывая свои мысли.

29

– Левиафан, что ты еще умеешь помимо быстрого бега и умения слышать все? – делая чай, спросила Лилит.

– Я еще вижу в темноте, так же как и днем! – жуя что-то, ответил он.

– И всё? А как ты так быстро можешь перемещаться, и при этом никуда не врезаться? – она села напротив него и сделала маленький глоток чая.

– Глаза при беге начинают видеть весь окружающий мир, словно в замедленной съемке. Ты успеваешь просмотреть всё, и плюс глаза видят всё очень четко, и можно по отдельности разглядеть каждый волос на теле любого животного. Поначалу тяжело к этому привыкнуть. Бежишь и, кажется, что вокруг всё так медленно, что я сам еле ползу, а потом останавливаешься и оказываешься в другой части страны.

– А в летучую мышь ты не можешь превращаться?

– Хм... – Левиафан выдержал паузу. – Ну давай дальше, задавай свои гениальные вопросы. Спроси меня, умру ли я от дозы чеснока, пузырится ли у меня кожа от яркого солнца, может у меня в подвале есть гроб из красного дерева с бар-

хатной обивкой, может я шатаюсь по ночам по пустынным кладбищам... – бросив жвачку в пепельницу, спросил Левиафан.

– Ты жуешь жвачки? – Лилит посмотрела на жвачку Левиафан состроил несчастное лицо и подошёл к Лилит, нависнув над ней, как коршун.

– Лилит, давай сходим куда-нибудь, развеемся, выпьем, потанцуем, что скажешь, почувствуем бурную молодость? – спросил он, стоя за её спиной.

– Развеемся? А почему бы и нет! – Лилит улыбнулась. Левиафан окинул ее взглядом и присел рядом на диване. Целый день они проболтали о плюсах и минусах вампира. Целый день он слушал её голос, чувствовал её тепло и слушал, как бьется её сердце. Физика звучания её голоса, и всего существования, струилась сквозь его тело. Он каждый раз наслаждался, когда чувствовал очередную волну, проходящую по его молекулам. Каждая его частичка впитывала её сущность и принимала, как свою собственную. Он хотел, чтобы она никогда не замолкала, чтобы её звучание навсегда осталось рядом с ним. На мгновение он даже захотел, чтобы она стала такой же, как и он.

В его голове мелькнула глупая надежда. Надежда на то, что вечность всё-таки возможно скоротать вдвоем. И потом, когда они устанут от неё, просто возьмут и умрут, вдвоём, чтобы не разрывать невидимые цепи и веревки, которые связывают их души. Но со светлой надеждой пришло и темное

прошное: Мормо, Локи, то, как она поступила с ним.

Левиафан старался учиться на ошибках других. И он так боялся, что с ним произойдет то же самое: Лилит бросит его, как только почувствует невесомость своего бытия. Он опасался того, что она, если даже не захочет его бросать, то она просто не сможет быть с ним. Но обдумывание будущего, воспоминания о Локи навевали ему также картину с трупом Мормо.

«Она не умеет дружить. Даже Жаклин для неё не больше чем просто хорошая знакомая. Они не подруги и никогда ими не будут. Дружба влечет за собой уважение и понимание между людьми, больше чем любовь. Дружба уважает такие человеческие качества, как искренность и естественность. Только настоящий друг не побоится сказать всю правду в глаза, не побоится быть оскорбленным словами друга, если они действительно имеют место быть. Настоящий друг никогда не испугается рассказать о своих успехах, чего боится Лилит. А не испугается, потому что друг сумеет искренне порадоваться и поддержать, а не станет тихо завидовать и ненавидеть. Иногда людям проще всё рассказать как на духу своему другу, нежели собственной матери. А почему так? Ведь это мать носила под сердцем, растила и учила жизни, а люди всё равно в первую очередь идут к другу. И всегда будут идти к другу, потому что он никогда не отречется от тебя из-за проблем, сможет объяснить всё так, что к нему захочется прислушаться. Недостаточно

сказать «приходи ко мне в любое время суток», надо еще и самому уметь прийти в любое время. Только друзья умеют по-настоящему понимать и слушать друг друга без слов. Им просто не нужны эти слова, они всё видят и чувствуют. Дружба намного ценнее, чем любовь, она должна быть такая, значимая, для людей. Любовь – как вспыхнет, так и затухнет быстро. Никогда не стоит ставить друга на второй план, когда в сердце поселяется любовь, как это сделал Мормо. Когда любовь уходит, а иногда она уходит подло и низко, растоптав одному сердце, а о второго просто вытерев ноги, люди сразу же вспоминают о друге, о котором не помнили, когда были одурманены любовью. И, черт возьми, даже в такие моменты, друг это тот человек, который откроет тебе дверь, даже не вспомнив о том, что про него забывали. Куча всего может оттолкнуть любовь от людей, а от дружбы только непонимание. Лилит не понимает Жаклин, она даже не пытается понять, а всё потому, что ей наплевать. Лилит сделала одну из самых больших ошибок в жизни. Она предпочла любовь дружбе. Самое глупое, что может человек, так это верить в любовь и не верить в дружбу. А самое забавное, что существование настоящей, искренней, истинной дружбы было подтверждено людьми на войне и в жизни, и в книгах. А вот подтверждения любви, кроме книг нигде больше нет. Были моменты, когда люди, влюбленные друг в друга, умерли вместе. Но ими управляла не любовь, а страсть! Люди даже не видят раз-

нищы между любовью и начальной страстью, но они всегда видят будущего друга, а не знакомого. Когда друзья ругаются друг с другом, они не чувствуют гордости и всегда вспоминают о хороших моментах, и пытаются всё вернуть назад безболезненными способами. Когда же ругаются влюбленные, они всегда стараются насолить друг другу, потому что любовь пробуждает гордыню, гнев, месть, а дружба – открытость, верность и понимание. Хотя бы поэтому, люди не могут дружить и любить друг друга одновременно (хотя исключения всегда встречаются, и я завидую таким людям, которые научились совмещать дружбу и любовь). И когда любовь становится благосклонной (и то, это сомнительно. Любовь – очень сварливая тетка, но у некоторых везунчиков получается обуздать ее и направить в нужное русло) и дарит понимание и даже зачаток дружбы между влюбленными, то люди, опять же, отворачиваются от друзей, потому что им хорошо. А человеку вообще свойственно быть там, где ему хорошо, при этом, он ещё старается разрушить все это хорошее. Правильно, зачем нам друг, когда нам хорошо? О боже, как же мы ничтожны. Всё зло мира имеет над нами такую непоколебимую власть... Любовь относится к категории зла, причем жестокого и несносного зла. Можно назвать хоть одну положительную сторону любви, кроме как первоначальной, детской, слепой радости и первоклассного секса в первые два месяца? Нет, ничего хорошего в любви нет. Боль, разочарование, потеря веры и

боль в глазах — после того, как разбились розовые очки. Из-за этой любви я потерял Мормо, я потерял себя. Любовь — равна злу! И как же может такое светлое чувство, как люди его называют, вырасти из зла? Невозможно из тьмы вырастить свет. Свет — это дружба. Дружба никогда ни к чему не обязывает и ничего не требует взамен. А любовь — это сплошные нервы и деньги. Это желчь, досада, ярость, яд. Любовь — насмешка над людскими сердцами и разумом. Они так свято верят в неё! Самое ужасное, что я ничем от них не отличаюсь в данной ситуации, потому что любовь добралась и до меня и покорила мой разум, сердце, да и вообще все. И что она сделала, эта тварь? Рядом со мной сидит цербер, хитрый и мстительный дьяволенок, олицетворение самых жестоких и безжалостных людей, существо, которое убило мою дружбу, существо, которое заполнило всего меня собой... И я, страх какой, я люблю это существо. Я пытаюсь забыть о друге, который сто пятьдесят лет всегда был рядом, ради этого черта в женском облики. А женичины действительно настоящее зло! Раз любовь не может существовать без женичины, то тогда это чувство — самое страшное зло человечества! Любовь — это, насколько я знаю, взаимное чувство по определению... А получается так, что гибнут мужчины, как морально так и физически. А ради чего? Только ради того, чтобы она одарила взглядом и позволила поцеловать руку? Хотя нет, это тогда они гибли за это, сейчас они даже этого не получают!

Высокомерные и коварные создания... Почему нас так тянет к вам, гадюки? Вы хуже любого галлюциногенного наркотика. Вы создаете такую шикарную иллюзию, а потом бьете по ней. И она, словно разбитое стекло, разлетается на тысячи осколков, которые ранят душу и тело, а вы потом питаетесь этим ... Падалыицы!»

Левиафан думал, при этом, словно противореча самому себе, нежно гладил Лилит по голове, а она в это время что-то ему рассказывала. Но Левиафан был настолько погружен в свои мысли, что не слышал, о чем она говорит, он слышал только звук её голоса.

«... Даже когда придает друг, это намного больше и удивительнее, чем когда это совершает женщина. Потому что такой поступок вполне ожидаем от женщины, а вот от друга – это удар в спину. Ни один мужчина не ждет от женщины чего-то хорошего, а если даже ждет, то в глубине души он всё равно всегда помнит, на что она способна. Вот оно – недоверие. Женщинам нельзя верить! И эти мысли не дают расслабиться и отдаться чувствам полностью. А с другом можно расслабиться и не ожидать подвоха или удара в спину, потому что другу доверяют».

– Левиафан! – крикнула Лилит и потрянула его, – ты меня не слушаешь?

– Что? – он как будто снова спустился на эту землю из другого мира.

Как тяжело и больно любить и не хотеть любить, страстно

желать и хотеть убить.

...«Женищина всё-таки помимо того, что она истинное зло, может ещё и вызывать такую кучу противоречивых чувств и эмоций. Только женищину можно любить и в то же время ненавидеть, только с женищиной хочется жить вечно и в то же время, разрезать, разорвать её на части, чтобы она прекратила своё существование, только с женищиной приходится держать ухо востро и в то же время доверять ей».

– Может, пойдем собираться? Время уже вечернее – сообщила она и спрыгнула с дивана.

Левиафан испуганно и восторженно наблюдал за ней. Он смотрел, как она элегантно двигается, как расчесывает волосы, садится за стол и начинает что-то малевать на лице. Левиафан откинулся на подушки и закрыл глаза. Его поглотило отчаяние, и из глаза покатилась слеза. Он зажмурился.

«О нет, нет, нет! Хватит тоски! Будь что будет! Влюбился – сам дурак! Нечего из-за этого так переживать. На свете миллиарды мужчин в таком же хреновом положении, как и я. Буду наслаждаться, пока есть чем!»

– Может, ты останешься дома, поспишь! – Лилит жутким шепотом прошипела ему на ухо.

Левиафан открыл глаза и в сто тысячный раз поразились красоте девушке. Её мраморная кожа, алые губы, зеленые глаза, аккуратно покрашенные черной подводкой, брови, распущенные волосы...

– О боже, Лилит, твоя красота играет со мной злую шутку! – сказал он, поднимаясь.

– Надеюсь это комплимент? – обиженно спросила Лилит.

– Это констатация факта – заключил он.

– Что ж, хорошо, хочу, чтобы ты отчетливо понимал, с кем бы ты мог прозябать в своей вечности! – Лилит улыбнулась.

– Лилит, – Левиафан подошел к ней близко-близко и посмотрел в глаза, – ты красивая, восхитительная, сексуальная. С твоими характером и умопомрачительной внешностью из тебя вышел бы шикарный вампир-тиран. Но боюсь, моя дорогая, вечность обойдется без тебя.

– Это почему ещё? Я полностью уверена, что вечности нужна такая как я! – гордо заявила Лилит.

Левиафан посмотрел на нее и улыбнулся, как подонская личинка, которая завладела, одна, целой тушей коровы.

– Вечности может ты и нужна, но мне в вечности – нет! – ответил он.

– Да? Ну и ладно, ты мне и в жизни-то особо не нужен! – игриво взглянула она на него и пошла в гостиную.

Левиафан посмотрел на неё и ухмыльнулся.

– Ты за рулем, милая! – крикнул он, накидывая пальто.

Лилит вышла на улицу и подошла к белой машине. Левиафан открыл ей дверь и в одно мгновение уже стоял у дверцы с пассажирской стороны. Он быстро прыгнул на переднее сиденье, развалился и закинул ноги на панель. Лилит скосила глаза и ударила его рукой по ногам. Он рассмеялся, но ноги

убрал и вернул кресло в нормальное положение. Он смотрел на неё, не отрываясь.

– Что? – не выдержала она и крикнула во весь голос, наблюдая за дорогой.

– Вампирша! – нежно прошептал он, – ты уже больше вампир, чем я!

– Борьба с собственными чувствами? Мне нравится! – она сама ответила на свой же вопрос.

Лилит снова погрузилась в пристальное слежение за скользкой дорогой.

Через полчаса она заглушила машину, припарковавшись около клуба.

– Выходи! – строго приказала она.

Левиафан пожал плечами и вышел из машины.

Лилит вылезла, закрыла машину и уставилась на своего мужчину. Вампир протянул ей руку. Лилит посмотрела на открытую ладонь и улыбнулась.

Они вошли в клуб как двое святых, сошедших с икон. Все, кого эта парочка встречала на своём пути к бару, оборачивались, а некоторые даже не могли сдержать в себе восторженные возгласы. Словно два ангела, неземной красоты, спустились с небес в людской мир. Как будто они были близнецы по совершенству. Казалось, что вокруг этих двоих все замерло, люди перестали дышать, а их челюсти отвисали до пола. Они были настолько поражены столь необычной парой, что даже не могли скрыть свое удивление и восторг, настолько их кра-

сота казалась несуществующей, нереальной. Такого просто не бывало в природе. Они оба были похожи на массовую галлюцинацию окружающих их людей. Природная грация парня и девушки сводила с ума, и эти неподдельное величие и изящность казались неестественными в мире людей.

Левиафан как истинный джентльмен посадил Лилит за столик, и сел напротив в ожидание официанта.

Лилит оглядела помещение: стеклянно-деревянные столики, сделанные очень искусно и красиво. Люди, сидящие за этими столиками, как и везде не отрывали глаза от Лилит; Темное помещение иногда освещалось нежным голубым светом; Барная стойка, люди у которой чуть ли не сворачивали себе шеи, разглядывая Левиафана. Все как и везде.

– Добрый вечер, сегодня я буду вашим официантом! Меня зовут Рей. – Из неоткуда появился молодой человек в белой рубашке и черном фартуке. – Могу я предложить вам меню или вы готовы сразу сделать заказ?

Он аккуратно положил перед девушкой черную, упитанную книжку и такую же – перед Левиафаном.

– Пока нет... правда, милая, или у тебя уже есть пожелания? – Левиафан внимательно изучал мимику Лилит.

– Махито... большой – даже не глядя в предложенное меню, сообщила Лилит.

– Лимона побольше. – Добавил Левиафан и улыбнулся официанту

– Хорошо. Вы, сэр? – официант посмотрел на вампира.

– Чуть позже.

– Да, сэр.

Официант проворно помчался доставать напиток, оставив возлюбленных наедине. Лилит смотрела на Левиафана, пытаясь понять, что происходит у него в голове. Он сидел, сложив руки на груди, усталым хмурым взглядом смотрел на лицо девушки. Ее взгляд дотошно ползал по его телу, по закатанному рукаву у рубашки, по хаотичному беспорядку на голове, по черным, блестящим глазам, сомкнутым губам, легкой щетине, расстегнутым пуговицам на груди... До чего же он казался мистично-притягательным. Ей так хотелось познать его сущность, понять, что он чувствует.

– Извините, – вновь появился официант, и поставил стакан с напитком перед Лилит. – Вы готовы с заказом?

– Сок...грейпфрутовый...со льдом.

– Сейчас. – Официант снова скрылся из виду.

– Ты не пьешь? – удивленно спросила Лилит.

– Пью... Но раз сегодня пьешь ты, мне бы хотелось остаться в сознании... Хотя кто-то их нас должен делать это иногда. Как ты считаешь, дорогая?

– Не называй меня *дорогая*.

Лилит вздохнула и отвернулась. В десяти метрах, в противоположной стороне сидел молодой человек с небритым лицом и в шапке. Он, развалившись на стуле, смотрел на Лилит. Перед ним стоял пол-литровый стакан пива.

– Мне надо в дамскую комнату! – сообщила Лилит Леви-

афану и ушла.

Она шла вдоль коридора. Табличка показывала ей, что надо спуститься ниже.

Она посмотрела на себя в зеркало и улыбнулась. Лилит включила кран и сполоснула руки.

Страхнув воду с пальцев, она вышла из туалета и, сразу же, столкнулась с каким-то человеком. Посмотрев на его лицо, Лилит узнала в нём парня с бородой, который так пристально пялился на неё. Она попыталась обойти его, но парень не давал ей этого сделать.

– Что Вам от меня нужно? – строго спросила она у него.

– Я видел твои глаза, мне показалось, что они были настолько печальными, что в них можно утонуть от горя, – ответил незнакомец.

– Вы сумасшедший? – Попыталась нагрубить Лилит.

– Нет, я всего лишь волшебник, который делает глаза людей и их разум веселыми и жизнерадостными, – всё также спокойно ответил ей молодой человек.

«Да как же нет, когда тут явная клиника!».

Она сделала непонимающее лицо.

– Вот, – он протянул ей открытую ладонь, на которой лежали две таблетки.

Лилит посмотрела на них, потом на парня, потом снова на таблетки. Две чёрные таблетки, круглые, как и вообще все таблетки, и слегка пухлые.

– Что это? – еле слышно, но заинтересованно, спросила

она.

Молодой человек блаженно закатил глаза, облизнул сухие губы, потом он приоткрыл один хитрый глаз.

– Это то, что заставит тебя увидеть мир другими глазами. И то, что ты увидишь не оставит тебя равнодушной. Другая жизнь, другая реальность, это как параллельные миры. И стоит этот мир совсем чуть-чуть, – он шептал ей на ухо таким сладким и пьянящим тоном.

Лилит внимательно посмотрела на него.

«Другой мир... А это интересно! Я никогда не пробовала жить в созданном мной мире иллюзий! Какая это будет реальность?».

Она протянула ему указанную сумму и получила свой будущий мир.

– Хорошо тебе изведать новые миры, – шепнул ей парень, засунул деньги в карман, развернулся и ушёл.

Лилит посмотрела на таблетки. Она пожала плечами и кинула их в рот. Слегка поморщившись, она их проглотила и направилась назад к Левиафану.

– С кем ты разговаривала? – спросил он, вальяжно развалившись за столом и поглощая напиток прямого отжима.

– Ты слышал? – удивилась Лилит.

– Я слышал твой голос и мужской, но из-за музыки я не смог разобрать ни слова, да и вообще не уловил даже смысла вашего разговора, – разъяснил он.

– Да ничего, там и смысла то не было, он просто спросил

какую-то ерунду, я ответила, – глаза смотрели куда-то в сторону.

Когда она врала, она всегда смотрела куда угодно, только не в глаза. Левиафан внимательно изучал её лицо и понимающе улыбался, он как будто понял, что она врёт. Этот факт заставлял его строить ироническое и понимающее лицо. Только вот доказать её ложь он не мог, так что ему ничего не оставалось делать, как только сидеть и улыбаться как идиоту.

Они просидели глядя друг на друга около получаса, как раз в тот момент Лилит начала понимать, что с ней что-то происходит: окружающий её клубный мир начал как-то меняться, причем в очень хорошую сторону. Свет стал манящим и привлекательным. Ходящие вокруг люди вызывали неподдельный интерес. Они были словно из другого измерения, такие интересные и загадочные.

Лилит внезапно захотелось узнать все их тайны и секреты. Даже темнота, которая окутывала всех в этом помещении, казалась идеальной. Её глаза, новые глаза, осматривали все вокруг с таким интересом и энтузиазмом, как будто хотели всё поглотить в себя. Ей казалось, что сам Бог одарил её новыми, всевидящими глазами. Разум больше ей не принадлежал, лишь иллюзия и новый мир, в котором думать было вообще необязательно.

А вот Левиафану так не казалось. Он, минут через десять, заметил, что с ней что-то не так. Вампир наблюдал за тем,

как она изучает всё вокруг себя, так, как будто в первый раз видит всё это. И больше всего его поразило то, как она смотрела именно на него.

Впервые, она не скрывала своего восхищения его красотой, всё её лицо, до каждой маленькой клеточки, заигрывало с ним. В её глазах был сплошной флирт. Она внезапно стала настолько женственной, настолько обворожительной, что Левиафана это только напугало. Он прищурил глаза и пристально наблюдал за каждым её движением.

«О боже, он действительно кудесник. Я глазам своим поверить не могу. Всё так красиво и притягательно. Левиафан вообще неземной просто. Такого не бывает. Почему я раньше не замечала, что он настолько красив? Его красота такая утонченная и изысканная. Сколько же в нём страсти и секса. Да он просто сводит меня с ума».

Она прикрыла глаза и улыбнулась, слегка обнажив белые зубы. Какое-то завораживающее R'n'B наполнило помещение своим звучанием. Лилит не могла больше сдерживаться, барабаны как будто заставляли встать и поддаться им. Что она и сделала, встала и пошла на танцпол.

Левиафан вскочил и рысцой побежал за ней. Когда он вошёл в зал, Лилит уже была в центре. Он встал в углу, поставив одну руку на бок и пристально наблюдал за ней. Её бедра плавно пошатнулись в полумраке, в такт барабанам. Силуэт девушки был просто божественен.

Взгляд хищницы окинул помещение, в поисках непонят-

но чего или может даже кого. Она не могла видеть Левиафана в темном углу. Лилит, как опытная танцовщица, извивалась, подманивая всех мужчин к себе. Через минуту вокруг неё не было ни одной женщины. На каждого мужчину она смотрела так, что казалось, он вот-вот потеряет рассудок. Её рука взлетела вверх и опустилась у лица одного из парней. Она провела рукой по его лицу, но ни разу не прикоснулась к нему. Она сделала всё на таком минимальном расстоянии, которое щекотало нервы всем, кроме Лилит. С каждым таким жестом, Левиафан был готов сорваться с места и разорвать очередного поклонника. Лилит присела, и потом, словно кобра, начала медленно, извиваясь, подниматься. Её движения сводили с ума уже и женскую часть. Она так плавно двигалась, любое её движение подчеркивало красоту и слаженность фигуры. Лилит смотрела на всех вызывающе и так сексуально!

Левиафан ужасно нервничал, он не понимал, что происходит, почему его любимая женщина внезапно решила поиграть в профессиональную куртизанку, великую соблазнительницу. Хотя у неё это и получалось отменно. Он решил ей не мешать. Ему было очень интересно, чем всё это кончится.

Когда музыка, наконец доиграла, Лилит вышла из круга окружавших её мужчин, и модельной походкой двинулась к выходу. Проходя мимо Левиафана, она закрыла глаза и сказала «горячо». Её ноги подкосились, и она начала падать. Левиафан подхватил девушку, окинул взглядом толпу и понёс

её на улицу.

Он уже собирался заводить машину, как услышал мужской голос, который разговаривал с Лилит, перед тем, как с ней случилось то, что случилось. «...Я волшебник, который делает людей веселыми...» – голос кому-то объяснял, то, что уже слышала Лилит.

– Ах ты... Волшебник значит? Ну, сейчас я тебе покажу, волшебник изумрудного горда, черт! – гневно сказал Левиафан и выскочил из машины.

В одну секунду он оказался около двух молодых парней.

– Ты что ль сегодня тут колдуешь? – игриво спросил он бородатого парня, глядя ему в глаза.

Незнакомец озадачено посмотрел на вампира, затем на второго парня.

– О чем вы говорите? – он сделал вид, будто его с кем-то перепутали, смущенно пожимая плечами и смотря на второго парня.

Левиафан мило улыбнулся и тоже посмотрел на бедного парня, который был напуган до смерти. Он был слишком молод, и ему казалось, что стоящее перед ними лицо было из отдела по борьбе с наркотиками.

Левиафан, незаметным для человеческого глаза, движением руки отшвырнул перепуганного мальчишку к стенке. Он, сначала, влетел в саму стену, а потом отрекошетил от неё на асфальт и остался лежать неподвижно. Парень выглядел так, словно умер. Но Левиафана это совершенно не за-

ботило. Он схватил за шиворот торговца другими мирами и, улыбаясь, угрожающе произнес:

– А ты, колдун-самоучка, поедешь со мной! – затем он наклонился к его уху прошептал ещё язвительнее, – и дай бог, чтобы с моим самым любимым и жизнерадостным цветком ничего не случилось. В любом случае, ты умрешь, но если с ней что-то случится, то Музей душ усопших в Италии и средневековые пытки покажутся тебе раем! – посвятил разъяренный вампир побледневшего от страха парня в свой нехитрый план.

Он с силой швырнул его на заднее сиденье. Левиафан завел машину и нажал на газ. Машина неслась на полной скорости, оставляя позади шумный город.

Лилит, полумертвая, лежала на переднем сиденье. Её лоб поблескивал от капелек пота, она что-то шептала, словно находясь в бреду, одно единственное слово можно было разобрать – «горячо». Её тело всё горело внутри, ей казалось, что она умирает, Лилит даже не догадывалась о том, что её никто не слышит и не понимает. Она говорила с Левиафаном, но только где-то глубоко в своём мире, а ей казалось, что это происходит в реальности. Она пыталась рассказать что с ней, что она чувствует, что ей кажется, что сердце вот-вот перестанет биться, и грудная клетка не сможет больше наполниться свежим зимним воздухом.

Там, в её мире, она слезно умоляла сделать её вампиром, потому что не хотела умирать. Нет, она не боялась смер-

ти... Она боялась раннего прощания с Левиафаном. Ей было больно внутри, как будто огонь и лава текли по её венам, вместо крови. Ее обжигало и доставляло нестерпимые муки. Она боялась этой боли. Лилит не слышала ответа на её мольбы о вечности, и тогда, она начала умолять Левиафана просто убить её, прекратить эти адские мучения.

«Левиафан... убей меня... если ты настолько слаб, чтобы дать мне вечную жизнь, тогда просто убей... не давай мне больше чувствовать, то, что я чувствую сейчас...», вслух она смогла произнести только «убей» и снова «горячо». Левиафан положил ей руку на лоб.

– Ну, вот тебе на! Убей! Кудесник, ты слышал? – он посмотрел в зеркало на бородатого парня, который был сам еле живой от страха. – Эх, отлично, я везу двух полутрупов! Ладно, милая, потерпи, через пять минут будем дома, и наш Будда просветит меня, что с тобой делать дальше! – он снова взглянул в зеркало и усмехнулся.

Он аккуратно вытащил Лилит из машины, взял её на руки и сказал бородатому:

– Выходи! Но я тебя предупреждаю сразу, чтобы потом, если что, не обижался. Если в твою глупую голову придет гениально-умная мысль «бежать», то я обещаю тебе, что ты даже ногу не успеешь поставить в другую сторону. Я тебя поймаю и вырву палец! Иди вперед!

Левиафан положил Лилит на диван, принёс холодное, чуть влажное полотенце и чай со льдом. Больше он и не знал,

что делать в таких ситуациях.

Торговец сидел за столом и едва дышал от страха. Левиафан взглянул на него, затем подошёл и сел напротив, закинув одну руку за спинку стула, а второй постукивал по столу.

– Ты кто? – заикающимся голосом спросил он Левиафана.

– Я? Я тот, кого тебе следует очень сильно бояться. Сейчас ты мне всё расскажешь о том, что происходит с Лилит.

– Я не знаю... Я никогда не видел такой реакции на экстази.

– Ага, это экстази! Уже лучше! А теперь покопайся в своей трусливой голове и дай мне логический ответ на вопрос, что происходит с ней? Почему она просит меня убить, не понятно кого, то ли тебя, то ли её, и почему ей горячо? Я считаю до десяти, а потом начинаю рассказывать тебе анатомию и строение костей твоей верхней конечности, демонстрируя наглядные экспонаты из твоего же тела! – равномерным и спокойным голосом пообещал Левиафан и начал отсчет.

– Подожди, подожди! Это похоже на передозировку! Я, правда, никогда такого не видел... Просто я увидел красивую девушку, ей, как мне показалось, было грустно. Я решил продать ей за бесценок два табла. Я же не знал, что она сразу две заглотит.

Левиафан встал, нахмурился, и оказался рядом с парнем.

– Она выживет? – тихо спросил он.

– Да...да... всё будет нормально! Вот посмотри, она уже улыбается... – он сам не совсем верил в то, что говорил, он

почти уже плакал.

- Хорошо! – Левиафан расплылся в коварной улыбке.
- Сколько у тебя ещё таблеток? – спросил вампир у него.
- Ещё около десяти... – дрожащим голосом, ответил он.
- Сюда! – вампир протянул ладонь.

Бородатый парень засунул руку в карман и вытащил маленький полиэтиленовый пакетик, с точно такими же таблетками, какие съела Лилит. Левиафан улыбнулся и забрал наркотики.

Лилит сладко вздохнула и что-то нежно пробормотала. Оба парня скосили в её сторону глаза. Левиафан слышал её сердцебиение – оно было учащенным. Мышцы подергивались, а глаза, под закрытыми веками, бешено крутились. Но её лицо уже было спокойным, и, даже, слегка радостным. Её тело стало потихоньку успокаиваться.

Левиафан посмотрел на таблетки. Он сжал руку в кулак и снова разжал. На ладони, в пакетике, вместо 10 таблеток был черный порошок.

– Ого, смотри, я тоже умею колдовать! – вампир потряс пыльным мешком перед носом торговца.

Через два-три часа Лилит выглядела нормально, хотя все ещё спала.

Все это время парень умолял отпустить его, клялся, что никогда в жизни больше не притронется ни к чему противозаконному. Обещал исповедаться с утра же, чем еще больше насмешил Левиафана. Вампир подошёл к парню, посмотрел

ему в глаза, затем на порошок в пакете. Последовал ужасный рык, и на пол упал кусок кожи с шеи. Кровь потекла по телу, брызнув на пол. Парень схватился за рану. «Кудесник» был в полном ужасе.

Левиафан высыпал порошок себе на руку и схватил парня за голову. Вампир улыбнулся ему как сыну, и приложил порошок к ране. Круговыми движениями руки втирали порошок в капилляры бородатого. Жертва кричала и пыталась всячески вырваться, а Левиафан уговаривал его, как бабушка внука съесть ложку каши, перестать кричать и поглаживал его по голове.

– Мне кажется, что так они быстрее и эффективнее абсорбируются, чем когда их перорально употребляют! Не правда ли? – в тот момент Левиафан был хуже пиявки.

– Ммм... – Лилит поморщилась во сне от звуков борьбы.

– Ну что ты милая! Я думаю, он должен почувствовать такую эйфорию, которую чувствуешь ты, только в двойной... Нет, в пятикратной дозе! Я уверяю тебя, милая, ему будет очень хорошо! Ты же не обидишься, что у тебя в организме только две, а у него десять? А? Ну я так и думал! – объяснял Левиафан спящей Лилит, не сводя глаз с парня.

Экстаз мгновенно разнесся по его организму. В ушах вампира его сердце застучало с бешеной скоростью...

– О господи! Как это долго всё! – Левиафан вскочил из-за стола и заорал, – Ты собираешься умирать?

Терпение лопнуло, Левиафан подошел к парню и свернул

его шею на сто восемьдесят градусов.

Закапывая тело в лесу, Левиафан был в ярости.

«Чертовы наркоторговцы! Везде поджидают! Всех бы поубивал! Это же надо так хотеть запутать ясность собственного рассудка. В жизни и так полно вещей, которые ой как губят людей, так люди ещё и сами принимают участие в уничтожении жизни! А такие мелкие пешики, которые это продают, убивают других. В чем прелесть всего этого? Они даже с этого ничего толком не имеют! Все ищут, чем бы поживиться, всем плевать друг на друга! Да какой там друг на друга, о чем это я? Человек, который глотает эти вещества, ему самому на себя наплевать! Забавно, люди кричат, что не хотят умирать, боятся, а если уж умирать, то быстро и безболезненно. При этом они тоннами едят наркотики, литрами пьют алкоголь и пачками курят сигареты. Разве это и не есть долгая и болезненная смерть? Или они считают, что это только в старости, вся бурно проведенная молодость даст о себе знать? Дураки! Организм начинает медленно гибнуть ещё в юности. Это просто не так ощутимо. Люди – это единственные млекопитающие из всех животных, у которых напрочь отсутствует инстинкт самосохранения! Какой вообще идиот назвал человека «человек разумный»? «HomoSapiensSapiens» вообще никак не относится к людям! Жизнь и так коротка, а они тратят её на то, что ещё уменьшает её срок. В чем суть психотропных веществ и алкоголя? Создание эффекта ил-

люзий? Алкоголь помогает раскрепоститься, сказать всю правду в глаза другому человеку, помогает поцеловать женщину, и так же бонусом, он помогает остановиться сердцу, лет так в двадцать пять! Наркотики чем же помогают? Помогают научиться врать людям, и самое ужасное – это врать самому себе. Какой интерес жить внутри того, что не существует? Зачем это понадобилось Лилит? Ей что, так плохо, здесь, со мной? Неужели её так гложет реальность...?»

30

«Огромные черные зрачки, непонимающий взгляд, блаженство на лице... Красотка!», гневно думал про себя Левиафан, глядя на Лилит.

– А ещё, когда мне было пять лет, моя мама повела меня... – как сорока трещала Лилит. Она не могла замолчать даже на десять секунд.

Левиафан запрокинул голову и уставился в потолок, пытаясь абстрагироваться от монотонного голоса девушки.

В его памяти всплыл его мертвый друг – Мормо и его девушка Локи.

...Он и Левиафан прогуливались по каменистой мостовой в Англии, когда Мормо внезапно остановился как вкопанный. Левиафан что-то рассказывал и даже не сразу заметил, что вещает рассказ в пустоту.

– Мормо? – позвал он, обернувшись.

Его друг стоял в пораженном оцепенении: ему на встречу шла девушка, довольно милая. Голубоглазая блондинка, прощуршала юбкой в нескольких сантиметрах от остолбеневшего вампира. Она бросила на него взгляд, полный флирта и соблазна, одарила мгновенной улыбкой и пошла дальше. Мормо стоял и смотрел девушке вслед, забыв о движении и дыхании.

– И? – Левиафан остановился около него.

– Какая красивая... – прошептал друг, ворую глазами удаляющуюся фигуру.

– Почему ты еще здесь? – намекнул Левиафан.

– Я...а...Мне...

И тут сильный порыв весеннего ветра вырвал у девушки из рук платок. Ткань взлетела ввысь и словно пьяный воздушный змей и помчалась бездумно вперед. Оба вампира глазами следили за летящим подарком и лишь Левиафан улыбался, понимая, что платок летит прямо в руки Мормо.

– Мой платок! – Вскрикнула девушка, обернувшись в сторону убегающего имущества.

На камнях, на мостовой, у ног Мормо словно перекасти-поле, мчался платок... Левиафан ждал, когда его друг, наконец, пошевелится и изловит ткань... Девушка удивленно смотрела на двух мужчин необыкновенной красоты.

Снова порыв ветра, растрепавший ее прическу. Она же не шевелилась. Ее глаза застыли всматриваясь в карие глаза

Мормо. Наконец, он зашевелился. Он присел на карточки сцапал платок и словно зомбированный пошел к девушке. Левиафан прищурился, внимательно следя за незнакомкой.

– Я полагаю, это Ваш платок? – Мормо крепко держал лоскут в руке.

Девушка слегка покраснела и опустила голову, но осмелилась поднять глаза. Мормо позволил себе улыбнуться и протянул девушке руку.

– Мормос Фьеф Рустов. – Представился он, едва сжимая ее руку.

– Лорис Лу Коллин.

– Мисс... – Мормо поцеловал руку девушки и поклонился.

Левиафан стоял рядом и наблюдал за происходящим. Он не понимал, что случилось с его другом. Что было такого в той девушке? Блондинка? Их тысячи! Голубоглазая? Таких еще больше! Просто милая? Левиафан практически не знал немилых девушек.

– Может, пойдем уже? – спросил Левиафан своего друга так, что его смог услышать только второй вампир.

Но Мормо смотрел в глаза Лорис, держа ее за руку и мечтал лишь об одном, чтобы этот момент длился всю его вечность.

– Сэр? – едва слышно спросил девушка, аккуратно вытаскивая руку. – Прошу прощения, но мне пора.

– Позвольте я провожу Вас, мисс Коллин? – Мормо сделал

еще шаг к ней. – Надвигается буря...

Девушка огляделась: и вправду, небо чернело со страшной скоростью, ветер усиливался, свет покрывался тьмой. Лорис перевела взгляд на молодого человека и положительно кивнула головой.

Левиафан закатил глаза и откашлялся, привлекая к себе внимание.

– Прощу прощения, дамы и господа, как бы мне не было прискорбно, но я вынужден покинуть вас! Мистер Рустов! – Левиафан опустил голову, – Мисс Коллин. Рад знакомству.

Левиафан отпустил руку девушки, еще раз поклонился и пошел прочь, тихонечко прошептав, что Мормо дурак...

Вампир открыл глаза и посмотрел на Лилит. Она продолжала рассказывать, а Левиафан все больше и больше впадал в думы. Он моментально провел параллели между собой и своим мертвым другом. Ведь он, так же как и Мормо, был поражен красотой Лилит, когда встретил ее в парке. Но ему хватило сил, чтобы пройти вперед, притворится, что ему наплевать. Хотя ему не хватило ни сил, ни разума, отпустить девушку совсем. Поэтому он оказался в нужном клубе. Ему хотелось еще раз посмотреть на нее, изучить ее невозможную красоту, ее коварные зеленые глаза, дотронуться до ее руки и поднять из пыли ее платок.

Мормо ласково называл Лорис Локи. Он все чаще и чаще проводил с ней время. Великобритания именно то место, где Левиафан принял решение оставить своего друга, позволив

ему насладиться любовью.

Теперь его друг метров. Он был убит любовью...и не одной. Первая любовь привела его в дом Левиафана – это любовь к Лорис. Вторая любовь, которая лишила его жизни – это любовь Левиафана – Лилит.

Левиафан уж считал себя мертвым, правда, пока морально. Но ему этого было достаточно, чтобы все больше и больше погружаться в неутешительные мысли.

Внезапно Левиафан услышал тишину. Его это напугало и, оставив в стороне воспоминания и раздумья, он посмотрел на девушку. Он смотрел на расширенные зрачки Лилит, которые пристально уставились на него.

– В чём дело? – боязливо спросил он её.

– Я не могу насмотреться на тебя! Ты такой зачаровывающий, такой магнетический! – Лилит залезла на него и шептала ему на ухо, – такой сексуальный...

«*Чёрт!*», чуть ли не заплакал он про себя, «*Только не это!*».

Теплые пальцы пробежали по шее вампира, а мягкие и нежные губы прикоснулись к его губам. Лилит закрыла глаза, её рука продолжала исследовать тело Левиафана.

– Мой милый! – Лилит нежно целовала его шею, её зубы ласково покусывали кожу.

Левиафан не мог больше сдерживать свою страсть, он кинулся на неё и с яростным желанием начал раздевать девушку. Она была такая горячая, что Левиафану казалось, будто

он сам горит. Именно огненный пожар Лилит вернул его с небес на землю. Он открыл глаза и отпрянул от неё.

– Нет! – громко вскрикнул он.

– Что? Что такое, любовь моя? Почему ты отталкиваешь меня? Ты меня больше не любишь, не хочешь? Что... – тараторила Лилит.

– Помолчи минутку и послушай меня! – он закрыл ей рукой рот и зажал руки, чтобы она перестала дергать его за душевные нотки, которые пробуждали в нём похоть.

Лилит выпучила и без того огромные глаза.

– Я не хочу обнимать такую женщину! Я не хочу целовать призрак, твоя душа неизвестно на какой планете сейчас! Я не хочу никакой близости с тобой сейчас, потому что ты отсутствуешь, тебя нет здесь морально! Ты не понимаешь, что реально, а что нет.

– А... Как это меня нет здесь? Вот же я! Левиафан, ты меня, не видишь что ли?

– Я вижу накаченное наркотиками тело, внутри которого, разыгрался эндорфин. И из-за этого, это тело очень хочет интимной связи! И честно говоря, мне кажется, что был бы сейчас на моем месте другой, было бы то же самое! – Левиафан закинул её на плечо, отнёс в комнату и закрыл дверь на ключ.

С пяти утра и до двенадцати дня, Левиафан слушал вопли и мольбы Лилит из комнаты, её упреки, угрозы и обвинения. Он старался не обращать на это внимания. Все семь часов

он просидел в одной позе, подпирая лицо ладонью. Только иногда он подергивал бровями и цокал языком, когда Лилит переходила на личности.

Спустя несколько часов, когда крики, наконец, смолкли, Левиафан решил подняться и проверить что с Лилит. Он тихо повернул ключ в замке и прислушался. Спокойное сердцебиение и тихое дыхание, слегка посапывающее. «Спит», подумал он и вошёл в комнату.

В одном нижнем белье, Лилит растянулась по всей кровати. Её губы были сухими, рот слегка приоткрыт, а кисти рук были мертвенно холодными. Лилит облизнула губы и прошептала: «пить».

– Сейчас, милая! – он спрыгнул с кровати и принес ей огромный стакан с водой.

Лилит осушила стакан и снова рухнула в кровать. Левиафан накрыл её и лег рядом, задумчиво смотря в потолок.

«Ну и в чем был смысл, Лилит? Ты чуть не отправилась на тот свет... Почти десять часов ты резвилась, выдала свои самые сокровенные воспоминания, самые сокровенные фантазии и желания, чуть не изнасиловала меня и снесла мне мозг. И что дальше? Ты спишь без сил, как будто сутки проработала на заводе, вся изнеможенная, во рту пересохло... Ты, наверное, даже не спишь, это скорее похоже на то, что твой разум болтается в какой-то бездне и ему там совсем не хорошо. Твои глаза мечутся под веками. Они словно ищут что-то в этой бездне, хоть какую-нибудь тростинку,

чтобы зацепиться за неё и большие не падают дальше. Я уверен, что тебе уже не так хорошо, как было до этого. Глупая, бедная девочка!».

Левиафан обнял её и прижал к себе.

К шести часам вечера Лилит открыла глаза. Левиафан тут же посмотрел на её зрачки. Они были обычными, нормального размера и реагировали на свет.

– Как ты, милая? – Левиафана пробило на приступ нежности.

Он гладил её по голове и шее. Лилит отвернула голову.

– Хорошо... – тихо ответила она.

– О, ты меня больше не хочешь? Я тебе уже не так нравлюсь, как сегодня ночью? – язвил он, продолжая гладить её тело.

– Не мог бы ты меня не трогать сейчас? – Лилит раздраженно скинула его руку и перевернулась на другой бок.

Левиафан вздохнул.

– Вот она, женская благодарность! Носишься тут, как с ребенком маленьким, стараешься, крутишься вокруг, а тебе взамен – отвали! Молодец девочка, так и надо поступать! Ладно, оставлю тебя наедине с твоей пост-эйфорийной депрессией. Пойду, принесу тебе чаю! – расстроенный Левиафан встал и исчез за дверью.

Он не обижался на неё за такое недружелюбное поведение. Он прекрасно понимал состояние Лилит, он даже слегка ей сочувствовал, но это всё его очень сильно расстраивало.

Левиафан аккуратно поставил чай на тумбочку, окинул взглядом отвернувшуюся от него девушку, и тихо вышел из комнаты. Ни ей, ни ему не хотелось обмывать кости произошедшему.

Глаза Лилит рассматривали окно и вечерний свет, который падал в комнату на пол. Она провела рукой по постели и закрыла глаза.

«Ого, это было круто! Так намного интереснее жить! Уходишь в своё подсознание и живешь там! А тело пусть творит что хочет. Я даже обращала внимания на те вещи, которые раньше никогда не замечала... Надо повторить!».

Лилит встала с постели и осмотрелась. На тумбочке стоял чай, уже почти остывший, к которому она так и не притронулась. Ей явно был нужен не чай.

Девушка пошла в ванную комнату, прихватив с собой мобильный телефон.

«Надо позвонить Жаклин... Но Левиафан может услышать разговор, а потом случится что-то страшное. Что же делать?», Лилит осмотрела ванную комнату. Она залезла в джакузи, включила воду и набрала номер.

– Привет Жаклин, слушай, мне кое-что нужно, скажи мне, где я смогу это достать? – Лилит шепотом рассказала о своём путешествии в другие миры, в ответ слышала кучу укорительных упреков.

– Послушай, Жаклин, просто помоги мне найти, то, что я ищу. Если ты не хочешь этого делать, то так и скажи, я

позвоню кому-нибудь другому, – нервно ответила Лилит на укоры подруги.

Через полчаса она вышла из ванной и весело спустилась на кухню. Задумчивый Левиафан сидел на стуле и смотрел в окно на падающий снег.

– Не хочешь сходить прогуляться по лесу, белок орехами покормить? – безразлично спросил вампир, услышав шаги.

– Нет, мы договорились с Жаклин сегодня сходить погулять вдвоем и не по лесу, – Лилит мягко намекнула ему.

– У, вот оно как, ну что ж, идите... – он продолжал смотреть в окно.

– В чем дело? Что с тобой? – спросила Лилит, медленно садясь за стол.

– Ничего, всё нормально, милая, – усмехнулся он и повернул голову в её сторону.

– Хорошо, тогда я пошла, собираться! – весело крикнула Лилит уже на ходу.

– Конечно, милая... Конечно, – прошептал он и тоже пошёл собираться.

Лилит подъехала к клубу, у которого Жаклин сказала ей быть в десять вечера. Она вышла из машины, осмотрелась по сторонам, увидела вход в клуб. Около него стояла небольшая компания народу, все смеялись и что-то распивали. Несмотря на февральский вечер, совсем не теплый, молодежь не мерзла.

– Привет, дорогая, давно ждешь? – спросила Жаклин,

стоя позади нее.

Лилит обернулась. Её подруга, как они и договаривались, тоже была одна.

– Нет, минуты две, но, в отличие от них, – Лилит кивнула на ребят, – я уже успела замерзнуть, так что может, пойдем?

– Пошли... – пожала плечами Жаклин.

Они взяли по бокалу рома, сели за первый попавшийся столик и погрузились в долгое ожидание неизвестно чего или кого. Жаклин бегло осматривала помещение клуба, она явно нервничала. Лилит отрешенно пила ром, изредка наблюдая за поведением Жаклин.

– О, вон он! – подруга посмотрела на молодого человека, вошедшего в зал, и кивнула ему на Лилит.

Молодой человек подошёл к их столику и взглянул на девушку.

– Пойдем? – вопросительно спросил он, подмигнул и пошёл в сторону туалета.

Лилит улыбнулась, встала и пошла за ним.

– Таблеток нет, но есть кое-что намного круче! Это правда, дороже. Как у тебя с деньгами? Потянешь? – Он высыпал белый порошок на держатель для туалетной бумаги.

– Да, без проблем.

Молодой человек улыбнулся, достал карточку и разделил порошок на две полосочки.

– Что это? – любопытным шепотом спросила Лилит.

– Кок! Я тебя уверяю, после него, таблетки покажутся те-

бе анальгином. Вот, – он протянул ей свернутую в трубочку купюру. – В себя.

Лилит посмотрела на него, улыбнулась, взяла в руки предложенную трубочку. Через пятнадцать минут она сидела с Жаклин за столом, когда внезапно почувствовала что-то.

Её организм разгонялся, сердцебиение учащалось, мир вокруг снова становился интересным, только намного лучше, чем в прошлый раз. Разум и сознание покидали. Ей хотелось говорить, много говорить, её тело не могло спокойной сидеть. Пальцы постоянно что-то делали, а губы что-то шептали, говорили. Жаклин, посмотрев на неё, посоветовала пойти потанцевать, раз ей некуда было девать энергию. Лилит так и сделала.

Эйфория поглощала её в себя, затягивала, как затягивается удавка на шее. Лилит прищурила глаза и осмотрелась. Недалеко от неё стоял парень, который пристально наблюдал за ней. Она вытянула вперед руку и поманила его пальцем к себе. Парень не заставил себя долго ждать. Он подошёл к ней, очаровательно улыбаясь. Руки молодого человека скользнули по её талии.

Девушка закрыла глаза и погрузилась в музыку и объятия парня. Когда она снова открыла глаза, она столкнулась взглядом с другим парнем. Лилит улыбнулась ему и тоже пригласила присоединиться к танцу. Её короткое красное платье действовало на парней как красная тряпка на быка, оно просто обескураживало их. Обнаженные плечи блестели на све-

ту и буквально просили, чтобы кто-нибудь их погладил... поцеловал. Большие глаза смотрели на ребят так, словно видели мужчину в последний раз года три назад. Лилит выглядела изголодавшейся по мужскому вниманию.

В глазах Левиафана отражались два молодых человека и между ними сногшибательное, красное платье.

Лилит танцевала сразу с двумя парнями, руки её не слушались. Она сама обнимала и позволяла обнимать себя. Мужские руки гуляли по её телу, и Лилит это абсолютно устаивало. Она была переполнена сексуальной энергетикой, страстью и желанием. Ей просто хотелось, чтобы её обнимали, целовали и любили. Её тело выгибалось и прикасалось к парням, так нежно и вульгарно, как кошка, которая трется о ногу хозяина, когда хочет есть.

Левиафан, как и все, сидел за столиком, но только он был единственный, кто наблюдал за троицей без удовольствия в глазах, без похоти в голове, без желания в теле. Точнее в нем было только одно желание – убить. Всех.

В его глазах была лишь горечь. Каждое мужское прикосновение к Лилит не вызывало у него такой боли, какая появлялась от понимания, что она сама позволяет им это делать. Его любимый цветок вял с огромной скоростью прямо у него на глазах, а это так жутко.

«Что же ты делаешь? Я так и думал, что неважно кто будет на моём месте – я или эти двое, или еще кто-нибудь, главное безумное желание. Наркотики лишили тебя разу-

ма, Лилит! Желание поработило тебя, милая! Ты уже не прекрасный цветок, ты сейчас похожа на мерзкий овощ... Овощ, который гниет со страшной силой. А мне так больно смотреть на это. Ты ведь чем-то другим накачалась сегодня! Я вижу, это намного сильнее, чем то, что было вчера ночью. Вожделение не оставляет тебя, да? Ласки мужской захотелось внезапно?»

Лилит продолжала танцевать без устали, не зная, что её любимый вампир наблюдает за ней.

Она улыбалась, её глаза всё время были блаженно закрыты. Горячие губы дотронулись до её губ. Лилит открыла глаза. В них вспыхнула дикая, необузданная страсть. К огромному разочарованию Левиафана, Лилит с огромным удовольствием ответила на поцелуй, в то время как её руки прижимали второго парня к спине. Недолго думая, она развернулась и попыталась поцеловать парня, стоящего за её спиной.

Её глаза расширились от шока, когда она увидела лицо, стоявшего напротив неё. Это был Левиафан. Лилит улыбнулась, так коварно и заигрывающе, обвила шею вампира руками и прижалась всем телом к нему. Второй парень целовал её обнаженные плечи за спиной. Лилит наслаждалась танцем. Она вообще не соображала, с кем и что делает.

Левиафан одним рывком вырвал девушку из чужих объятий, борясь с желанием убить их всех. В первую очередь ему хотелось отрубить руки и голову Лилит. Его трясло от

злости, от обиды, от попытки предательства. Его глаза были наполнены слезами ненависти. Он схватил свой одурманенный цветок за руку и потащил из клуба. Но не тут то было.

Лилит бешено сопротивлялась, пыталась вырваться и дергала руку, что-то кричала ему, но он не слышал её, просто шёл вперед. Наконец, Лилит сильно дернула руку и выскользнула из его хватки. Левиафан тут же остановился и развернулся. Мгновенно по его щеке пробежал обжигающий огонь. Лилит влепила ему такую пощечину, что у него дар речи пропал. Руки сжались в кулаки, зубы закрипели, глаза налились кровью.

Жизнь Лилит была спасена только потому, что вокруг было много народа. Он просто снова схватил её за руку, сжав запястье с такой силой, что у неё онемели пальцы. Шансов вырваться больше не было, и тогда она пустила в ход ноги.

– Я сказала, отпусти меня! – крикнула она.

Терпение вампира лопнуло. Он быстро скрутил её, приподнял и понёс в машину. Засунув кричащую Лилит в машину, Левиафан со всей силы захлопнул дверь, сел за руль и закрыл замки. Он повернулся в ее сторону и гневно посмотрел, сверкнув глазами. Лилит кричала, пыталась лупить его, требовала, чтобы он выпустил ее. Левиафан поймал ее за руки и подтащил к себе.

– Еще раз ты меня ударишь, я клянусь, ты не досчитаешься либо ребер, либо зубов не знаю чего еще – прошипел он ей, – я еле сдерживаю себя, чтобы не сломать тебе шею!

– Да, конечно! Отпусти меня!

– Хорошо! – Левиафан разжал руки и Лилит от неожиданности отлетела назад на сиденье, стукнувшись головой о стекло. От внезапного, но сильного удара, девушка потеряла сознание.

– Ну, вот и чудно! – обрадовавшись, заявил вампир и завел двигатель.

Лилит без сознания лежала на диване в гостиной. Вампир сидел за столом напротив. В его руке был стакан с виски, а перед ним, на столе, стояла почти полная бутылка.

Лилит открыла глаза и схватилась за голову, которая до сих пор сильно горела. Она злобно посмотрела на вампира, встала с дивана и взяла бутылку в руки. Её губы коснулись горлышка и она начала жадно глотать виски. Левиафан молча наблюдал за ней.

– Что? – рывкнула она, поставив бутылку на стол.

Вампир нахмурил брови и строго посмотрел на любимую девушку.

«Все ещё под кайфом. Каждая её эмоция настолько обострена сейчас, что её может просто разорвать от переизбытка чувств!»

– Как ты, милая? – печально спросил он.

– Как я? Ты совсем больной? Ты вытащил меня из клуба, обломал мне весь кайф, потом из-за тебя я стукнулась головой! И сейчас я сижу дома, без музыки, без танцев и смотрю на твоё постное лицо! – кричала на него Лилит.

Левиафан стукнул по столу кулаком и встал.

– Ты... дрянь, без пяти минут проститутка! Не смей со мной так разговаривать! Я тебе не мальчик из клуба! – он двинулся к ней.

– Не подходи ко мне! – крикнула Лилит.

Её огромные зрачки грозно и предупреждающе посмотрели на него. Левиафан остановился, посмотрел на неё исподлобья и снова сделал шаг вперед. Лилит недолго думая, схватила бутылку со стола и со всего размаху ударила Левиафан по голове. Бутылка разлетелась на сотни маленьких осколков, по лбу потекла кровь.

Левиафан схватился за голову. Боль тут же пронзила все его рецепторы, темно-серый, почти черный туман перед глазами. Злость. Безумный гнев. Ярость. Струящаяся, нудная, воющая боль. Боль.

Через пару минут, когда сознание пришло в норму, вампир выпрямился и убрал руку ото лба. Лилит, со своими обостренными эмоциями, увидела, как кожа на лбу затягивается, затем девушку поглотил панический страх. Одно движение его руки и Лилит оказалась у стенки, по которой она медленно сползала вниз, без сознания. Ни одной капли жалости или сострадания, сожаления за свои действия вампир не испытывал.

Отмывшись от крови, переодевшись, Левиафан вышел на улицу, сел в машину и поехал в тот же клуб, откуда час назад привез Лилит. Он оглядел помещение с баром, увидел

девушку, сидящую за столиком в гордом одиночестве и с пустым бокалом. Левиафан, заказав два бокала вина, пошёл к ней.

– Выпьешь со мной? – предложил он, пытаясь хоть на пару минут избавиться от ненависти.

Она указала ему на свободный стул напротив неё.

– Как тебя зовут? – спросил он, обворожительно улыбаясь.

Девушка улыбнулась в ответ.

– София! – тонкий, почти детский голосок ответил ему.

Её щеки слегка порозовели. У неё было восхитительное каре, густые черные волосы. Она была совсем как девочка, маленькая и хрупкая. *«Такая невинная и девственная. Господи, как тебя в клуб-то пустили?»*, удивился Левиафан и посмотрел на её бледное лицо, на котором красовались огромные глаза. Он улыбнулся.

– Левиафан!

Мимо столика прошла Жаклин, которая судорожно искала Лилит. На её лице поселилась какая-то паника, а в душе беспокойство за подругу.

– Подожди минутку, я сейчас вернусь! – извинился Левиафан и поспешил за Жаклин.

– Где она? – он прижал девушку.

Жаклин испугалась, она никак не ожидала увидеть Левиафана.

– Ой, ... Я, я, я не знаю. – Она понятия не имела, что ему ответить.

Левиафан специально вел себя так, будто он тоже не знал, где Лилит.

– Она же с тобой пришла сюда? Я хочу знать, что она тут делает без меня, и куда она, в конце концов, делась? – вампир грозно нависал над бедной, перепуганной девушкой.

Его даже забавляло то, в каком ужасе прибывала подруга Лилит.

«Что ты сделаешь, Жаклин? Сдашь свою подругу или хотя бы раз попытаешься придумать что-нибудь стоящее в её оправдание?»

– Мы с ней просто болтали о девичьих проблемах. Как ты можешь видеть, я здесь тоже без Марка. Это была действительно только женская встреча, просто хотели посплетничать... – тараторила Жаклин, озираясь по сторонам и пытаясь отойти от стены.

Левиафан просто смотрел на неё и улыбался.

– Да? А что ты скажешь на то, что я только что запер её дома, предварительно вытащив, под наркотой, из этого клуба? – злорадно спросил он, не пуская Жаклин.

Глаза Жаклин расширились от негодования. Капельки пота выступили на лбу. Её загнали в тупик, и задача у неё была выкрутиться так, чтобы и ей не досталось, и Лилит тоже.

– Нет, нет, Левиафан, ты всё не так понял. Это не наркотики. Мы просто много выпили самбуки! Алкоголь, кстати, похлеще наркотиков срывает голову, особенно самбука! Я тебе не вру! Потом Лилит ушла в туалет и больше я её не ви-

дела! Как она? Я надеюсь, что спит? Утром у неё, наверное, будет сильно болеть голова! – жалкое вранье Жаклин заставляло Левиафана еще больше улыбаться, особенно фраза «Я тебе не вру!».

Он еле сдерживался от злобного смеха.

– Хорошо, надеюсь, что болеть будет только голова! – усмехнулся он и пропустил Жаклин вперед.

Как только она скрылась из поля зрения, Левиафан посмотрел на мобильный телефон Жаклин, который он вытащил из её открытой сумки.

«Женщины! Я вам устрою! Жаклин, ты заплатишься за свою хреновую дружбу. Твое поведение меня искренне сегодня удивило. Ты, как хорошая подруга, стояла и прикрывала Лилит, и при этом, ты сама привела её сюда, нашла человека, который пришел и дал ей наркотики. Где дружба?».

Левиафан вернулся за столик к Софии, сразу прихватив с собой бутылку вина.

– Извини, что так долго! – Левиафан соблазнительно посмотрел на неё.

София снова улыбнулась.

К утру девушка совсем перестала смущаться молодого человека. Она уже сидела на коленях у Левиафана, а он, не стесняясь, обнимал её и целовал. За всей этой картиной наблюдала Жаклин с удивленным выражением на лице.

Левиафан давно уже заметил её, но он специально делал вид, будто ничего не видит. Ему нужна была Жаклин, как че-

ловец, который расскажет Лилит в подробностях о том, что он делал в клубе. Его рука нагло скользнула под блузку девушки, она была не против. Жаклин закрыла рот рукой, чтобы не вскрикнуть от удивления. Она смотрела, как они целуются, с какой страстью и желанием он обхаживает девушку.

Левиафану совершенно не хотелось ни Софью, ни интима с ней, но актер он был отменный. Он демонстрировал свою сексуальность девушке потому, что за ними следила подруга Лилит.

– Мы можем поехать к тебе? – спросил он её, страстно дыша и не отрывая губ от её.

– Да. Я не далеко живу от сюда, минут десять ехать! – шепнула ему девушка.

– Отлично! Тогда поехали! – сказал он чуть громче, а потом добавил, проходя мимо Жаклин, – Кажется, я нашел самую совершенную девушку в этом мире полным несовершенства!

Как только парочка вышла из клуба, Жаклин кинулась искать свой телефон, чтобы сообщить Лилит об увиденном и услышанном, но она его не нашла...

– Проходи! – пригласила девушка Левиафана, она без устали улыбалась ему.

Молодой человек осмотрелся. «Ну и конура», подумал он и развернулся к ней, он поцеловал её но уже без особого желания.

– Где спальня? – спросил он, прижимая её к себе.

– Прямо... – Скромно ответила девушку.

Левиафан схватил ее за талию и пошел куда указали. София шла спиной и постоянно спотыкалась. Она смотрела в его глаза, замороженная красотой мужчины. Левиафан увидел кровать и слегка толкнул девушку на это ложе.

– Знаешь, – Левиафан остановился и начал расхаживать взад и вперед, – сегодня мне было очень плохо, я был такой злой. Я думал, что поседею от злости. А потом меня поглотила такая печаль и тоска, что мне жить не хотелось. Я дважды, да нет, уже больше чем дважды извинялся. Я признался в любви. Я пытался отомстить, вышло, но плохо. Я подарил шикарный подарок. Я забрал к себе. Я спас от смерти, жестокой смерти. Я потерял друга, навсегда. Я снова простил. Я застал план мести в действии. Я снова смирился. Я убивал слишком много за последний месяц. Мне не стыдно. Я злюсь на себя. Я видел зрачки после дозы. Я ударил, сломал кость. Я снова извинился и сам простил. Ты знаешь, о ком всё это? – спросил он у неё с совершенно безразличным видом.

Но, взглянув на лицо Софии, Левиафан понял, что она вообще ничего не понимает.

– Это всё о женщине... Она покорила меня. Она призналась в любви. Она пыталась издеваться и мстить, иногда получалось, и даже очень хорошо, достойно. Она делала больно. Ей было самой больно. Она лишила меня друга. Она лишила себя чести. Ей было тяжело. Она приняла предложе-

ние, подарки и дозу. Ей не стыдно. Она ни разу не извинилась... – Левиафан снова посмотрел на Софию.

По выражению ее лица можно было понять, что девушка находится в полной прострации. Внезапно он схватил ее и продолжил.

– А я её люблю... Очень сильно люблю. А у неё есть так называемая подружка. И эти две сучки очень меня взбесили сегодня, – Левиафан вздохнул и горько улыбнулся, – но ни одну из них я не могу убить! Мне жаль, но за все это заплатишься ты, потому что ты тоже женщина! – на последнем слогe, Левиафан сломал её тонкую детскую шейку и отпустил труп.

Молодой человек вздохну, уселся на кровать и достал из кармана телефон Жаклин. В записной книжке он нашел телефоны Марка и Филиппа. Через полчаса он положил телефон, завернутый в пакет, перед входной дверью Жаклин и по дороге к машине, набрал номер Филиппа, её мужа.

– Да, – сонный голос послышался в трубке.

– Доброй ночи. Я сейчас буду говорить, а Вы ради своего же блага не будете меня перебивать и сделаете всё, о чем я Вас попрошу. Я Вас уверяю, Вам понравится. Меня попросила сделать это Лилит, думаю, Вы её знаете.

– А, Лилит, конечно знаю, это лучшая подруга Жаклин. Раз это по её просьбе, я, конечно, постараюсь сделать все, что в моих силах. – Пообещал голос в трубке.

– Да. Лилит просто не может сама этого сказать, поэто-

му попросила меня. Сейчас Вы выйдете на лестничную клетку, перед Вашей квартирой лежит телефон Вашей жены – Жаклин – Левиафан услышал звук открывающейся входной двери из трубки и шуршание пакета.

– Как я понимаю, Вы взяли её телефон. Напишите сообщение: «Как тебе вчерашняя ночь? Я до сих пор с ума схожу! Я от тебя в восторге! Завтра я пойду подавать заявление на развод с мужем!». В строке адресата видите номер из записной книжки. Имя – Марк. И отправляйте. – Левиафан подождал минутку и спросил.

– Вы отправили?

– Да, но это какой-то бред, Жаклин сказала, что Марк – кузен Лилит... Ответ пришёл: «За три месяца отношений с тобой, для меня каждая ночь блаженство. Развода с мужем никак дожидаться не могу! Надеюсь, ты не скажешь ему о нас тобой, чтобы не травмировать. Люблю!»

Левиафан злорадствовал, слушая в трубке тишину после прочтения ответа.

– Спасибо,... Наверное... – ответил безжизненный голос.

– Вам привет от Лилит. – сказал Левиафан и положил трубку.

31

Лилит пришла в себя, открыла глаза, пытаюсь сообразить, что к чему. Голова просто раскалывалась, но иллюзорное со-

стояние пока еще не отпустило.

Лилит позвал вампира, но никто не ответил. Поняв, что дома никого, девушка накинула пальто, и помчалась к двери. Она хотела вернуться в клуб, рассказать всему миру о подонке-Левиафане. Но ее ждал неприятный сюрприз: дверь была заперта...снаружи.

Звонок телефона оторвал Лилит от размышлений, выла-мывания входных дверей и монотонных постоянных хождений по дому.

– Да? – нервно крикнула она в трубку.

Лилит ожидала услышать Левиафана, но услышала Жа-клин.

– Лилит, Лилит, дорогая. Я не могу долго говорить, с чужого мобильного звоню. Тут такое дело. Левиафан полночи целовался с какой-то малолеткой в клубе. Он меня допрашивал, что с тобой, я не сказала. Потом, под утро он заявил, что нашёл самую лучшую девушку в мире и уехал к ней домой. Выглядело это всё очень натурально. Я никогда не видела в нём столько страсти и секса, но... – короткие сигналы послышались в трубке.

Связь оборвалась. Лилит посмотрела на телефон в руке и со злостью швырнула его в стену. Аппарат разлетелся на маленькие кусочки. Она судорожно сжимала пальцы в кулак.

«Скотина! Я убью его! Как же меня достало это всё! Как он мог так поступить, он труп! Я даже не посмотрю, что он уже и так давно не живет! Пусть только придет до-

мой!».

Левиафан не заставил себя долго ждать. Не успела она закончить собственную мысль, как в замке повернулся ключ, дверь щелкнула и в проеме появилась фигура Левиафана.

– Как ты посмел? – Лилит кинулась на него и начала лупить руками по лицу.

Она кричала на него, оскорбляла и, не останавливаясь, избивала его. Он не сопротивлялся, не закрывался и, даже, не пытался скрутить её. Просто стоял и принимал удары, и оскорбления, не отпуская странную, идиотскую улыбку. Неожиданно, его руки сжались в кулаки, и он начал как-то странно пританцовывать.

– Ты совсем с катушек слетел? – визжала Лилит, – сначала ты вытаскиваешь меня из клуба, потом едешь и трахаешь очередную шлюху, запираешь меня в этом проклятом доме, одну, а потом просто так легко возвращаешься, как будто ничего не произошло, и, черт тебя побери, ещё и танцуешь? – Лилит попыталась вклепить ему очередную оплеуху, но Левиафан поймал ее руку.

– Лилит, это всё неважно, всё не имеет значения... Ты меня разозлила, и я подготовил тебе сюрприз. Думаю, скоро ты его услышишь, ну или не знаю, увидишь. – Левиафан, как великий предсказатель, сделал жест, указывающий на дверь.

Словно по взмаху волшебной палочки в дверь раздался агрессивный стук. Вампир открыл дверь и спрятался за ней.

– Как ты могла? – заплаканная Жаклин влетела в дом. –

Я тебе верила больше, чем себе! Ты была моей лучшей подругой, была ближе, чем мать! Я любила тебя, как родную сестру! Я ожидала такого удара от кого угодно, но только не от тебя! Я возвела тебя в ранг святых, которые не знают, что такое предательство! И, видимо, я сильно ошиблась! Ненавижу! – Жаклин отвесила бывшей подруге пощечину и убежала из дома.

Лилит схватилась рукой за горящую щеку и посмотрела совершенно не понимающим взглядом на уходящую подругу.

– Жаклин! – крикнула она.

Девушка развернулась, вытянула руку, показала Лилит средний палец и пошла дальше.

Лилит закрыла входную дверь, за которой прятался Левиафан, довольный как маленький котенок, который только что нагадил в ботинок гостю. Лилит посмотрела на его дурацкую улыбку.

– Не объяснишь, что это сейчас было? – она все еще смотрела на него, потом закрыла руками лицо и зарыдала, садясь на пол.

– Вот поэтому, я не стал тебе отвечать на твои удары или вообще как-то защищаться, когда ты меня пыталась избить. Я знал, что именно Жаклин нанесет тебе последнюю травму на сегодня. И эта травма будет намного сильнее и обиднее, чем мои удары или попытки скрутить тебя. Насколько тебе больно сейчас? Скажи мне, что ты чувствуешь? Я ведь моло-

дец, да? – Левиафан встал с корточек и вальяжной походкой пошёл в гостиную.

– Я сегодня очень доволен собой. Мне кажется, что этот план был гениален. Не правда ли, милая? – он погладил спинку стула и сел.

Лилит сидела на полу и продолжала рыдать. Его слова резали её по совсем свежим ранам, так безжалостно и гадко. Она встала с пола и пошла в спальню. Проходя мимо Левиафана, она даже не взглянула на него.

«Ну вот, большие у меня никого нет. Я раздавлена морально и физически. Какую-то часть меня оторвали и выкинули. Самое обидное, так это то, что её не просто выкинули, и я об этом не знаю, эта часть была выброшена на помойку. Я вижу её в мусорном баке. Она такая несчастная, никому ненужная, лежит на самом верху. А я не могу её снова подобрать и вернуть в тело. Мне придется смотреть как говно и тухлые вещи поглощают часть моей души. Наверное, было бы лучше, если бы её кто-нибудь просто растоптал, отпинал или я не знаю, что-нибудь сделал с этим куском меня. А так, он гниет, просто и беспечно гниет. Я проиграла. Окончательно и бесповоротно. Левиафан уже убирает в коробку моего коня. Он уже не так далек от того, чтобы и меня туда убрать. Теперь, я могу смело сказать, что я люблю его, что он прав. Мне даже не больно, мне наплевать. Такое состояние безразличия. Пофигизм... »

Лилит посмотрела на ползущую по руке муху, она бежа-

ла вдоль руки, почти не заметно переставляя черные, тонкие лапки. И иногда она спотыкалась, но всё равно продолжала бежать. Лилит не прогоняла муху, она её не чувствовала, она только видела черные лапки, перебирающие кожу. Она задавала себе лишь один вопрос – что разбудило муху глубокой зимой?

– Когда ты ушла в клуб, я думал о тебе, Лилит. Думал о твоём вранье, о том как ты могла оказаться с другим в постели, потому что я знал, зачем ты туда пошла. Лилит, я видел, как ты обнимаешься, целуешься, сразу с двумя! В тот момент, я хотел увидеть твою смерть, правда. Я хотел убить тебя. Но потом я вдруг понял, что твоя гибель ничего не изменит. Всё останется, как и было, только без тебя, ну и плюс чувство вины. Как ты сама говорила, смерть – это раз и всё! А мне было нужно, чтобы ты почувствовала, чтобы это не было «раз и всё!». Я хотел, чтобы ты ощутила боль, но не физическую, а моральную... Я увидел Жаклин, и в моей голове мгновенно созрел план, как насолить вам обоим. Тебе – за пощечину в клубе, за двух ребят, за наркотики, за мою разбитую голову. Короче говоря, за одну прекрасно проведенную тобою ночь, но только не со мной; Жаклин – за то, что она обеспечила тебе эту чертову ночь!

Лилит неотрывно смотрела на муху. *«Что он сейчас от меня хочет? Что мне делать? Мне нечего ему сказать. Ничего не хочу».*

У Лилит не было сил даже подумать. Безразличие и де-

прессия – два новых друга, настойчиво навязывающие эту никчемную и ненужную дружбу. Левиафан посмотрел на её глаза, затем на муху. Быстрым движением руки он схватил приставучее насекомое за крылья, и перевел взгляд на Лилит. Затем он уставился на большие черные глаза мухи и отпустил ее. Насекомое тут же улетело, видимо, пережив самый жуткий страх за всю свою жизнь.

– Я смотрю на тебя сейчас, на твои красные глаза, размазанную тушь под ними, синяк на лице, растрепанные волосы. Я даже вижу то, чего ты не можешь видеть. Например, я вижу отпечатки губ на твоей шее, на твоих плечах, на твоих губах. Лилит, это не мои отпечатки... Мне не жалко тебя, мне не стыдно за свои действия. Ты знаешь, мне вообще наплевать на твоё состояние. Ты мне противна! Мне противно даже смотреть на тебя! Ты – самое жалкое и ничтожное существо, которое я когда-либо видел! Потому что твой безразличный взгляд говорит только об одном: тебе абсолютно плевать на то, что сейчас происходит, потому что тебя отпустило, и тебе очень плохо. Знаешь, я тебе честно признаюсь. Я всю жизнь, втайне от всех, восхищался женщинами. Но то, что я вижу сейчас – это не женщина! Это кусок размазанной фекалии и, что самое ужасное, даже не вонючей. А ужасно потому, что если кал не воняет, то это даже говном трудно назвать, от такого говна толку нет никакого.

– Ты прав... мне действительно наплевать. Я плевать хотела на всё, что сегодня произошло: плевать на Жаклин, пле-

вать на то, что ты ей там наговорил, плевать на тебя и на то, что ты мне сейчас говоришь... Мне даже на себя плевать... И знаешь что, отвали на хрен от меня... Навсегда!

– Лилит, – Левиафан подошёл к ней, взял её за руку и приложил теплую ладонь к своей левой части груди. – Ты не чувствуешь то, что здесь находится. Оно бьется... Может не так как человеческое, но оно бьется. И поверь мне, оно умеет чувствовать, оно умеет помнить и оно полно боли. Лилит, середина февраля. Мы с тобой вместе почти три месяца, но ты уже доставила мне столько боли и страданий... всего за три месяца... Этот мясистый кусок внутри, он как будто разлетается на части, и так медленно. Это не просто разбитое на осколки сердце. Оно рвется неторопливо и мучительно, просто рвется в течение этих трех месяцев. Ужас в том, что от него ещё ничего не оторвалось, только раны появились... Если ты надумала бросить меня, то знаешь, это правильный выбор, как бы мне сейчас не было больно об этом говорить. У тебя есть шанс отпустить меня, но подумай о нём завтра, с адекватной головой и чистым сердцем. Хотя бы раз, последуй моему совету, подумай... – Левиафан встал и вышел из комнаты.

Он сидел на веранде у дома, на его лицо падали пушистые снежинки. Левиафан сидел и думал. Думал о правильности его решения, грубых словах, которые он сказал Лилит, пытался представить, какой смысл она вынесла из них и вынесла ли вообще. Он не мог поверить, что ей действительно на-

плевать, что она вот так вот запросто готова пустить под откос три месяца, таких сложных для них обоих.

«Неужели это всё? Конец? Всё так просто кончилось... Это её выбор, я не в праве навязывать ей себя, хотя этот выбор был сделан почти на наркотиках. Жаль. Не думал, что эта тоненькая ниточка, которая нас связывает, так быстро перетрется. И благодаря чему? Наркотикам? Лилит. Единственная женищина, которую я смог полюбить, собирается так неинтересно исчезнуть из моей жизни. Теперь мы могли бы быть похожи с Мормо. Оба с одной только частью сердца. Самый дорогой и бесценный в тоже время подарок – это сердце. Только вот почему-то, как только женищины получают его, они сразу же кидаются уродовать и калечить, всякими изощренными способами, эту несчастную половину сердца. Из этого следует только один логический вывод – что бы ни случилось, не надо дарить женищинам сердце. А это случается так незаметно, само собой, когда ты в неё влюбляешься, значит – не надо любить женищин. Чтобы сохранить своё сердце – в нём не должно быть любви. Дело даже не в женищинах, дело в том, что каждое живое существо забирает половину сердца и души. Будь это собака, брат или та же женищина. Каждому приходится дарить часть себя, и «новый хозяин» волен с ней делать всё, что захочет. Самое безопасное – это подарить частичку себя собаке. Собака не разочарует, в отличие от женищины. Это конечно, до тех пор, пока собака не умрет. Животных

больно терять, но им не жалко отдавать часть себя. Если собака прожила с тобой пятнадцать лет, я уверен, что за эти годы, она специально не делала больно. Лилит, за три месяца, вырвала, разорвала и истоптала... Жаль, что ещё не выкинула».

Сильный снегопад запорошил завернутого вампира в плед. Ему хотелось, хоть раз, почувствовать себя мертвым, но он не мог... Он сидел и замерзал...но не двигался. Ему не хотелось двигаться.

Лилит медленно открыла глаза. Её депрессия исчезла, вместо неё вернулся здоровый мозг. В памяти остались только воспоминания о том, что она натворила вчера ночью. Из её глаз тихо покатались слезы. В комнате было темно из-за штор. На улице был день. Левиафан стоял на веранде, пил кофе и рассматривал падающие снежинки.

Лилит встала, подошла к столу с зеркалом и с тяжелым вздохом грохнулась на стул.

В отражении она увидела уродя, самого настоящего уродя, с красивым лицом: ссадина на скуле, тушь вокруг глаз, откуда-то разбитая губа, колтуны вместо волос. Всё это отражало её душевную гниль. Лилит поморщилась, глядя на себя, схватила пепельницу и швырнула в зеркало.

Осколки зеркала лежали на столе, на полу, на ее коленях. Она была настолько противна себе, что даже видеть не хотела свое отражение.

Лилит накинула рубашку Левиафана и пошла на его поис-

ки. Но дом был пуст и молчалив. Весь мир вокруг как будто вымер, осталась только одна она. Не было слышно ни одной птицы, ни дуновения ветерка, не видно солнца. Все комнаты казались пустыми и серыми. Как будто последний раз люди жили здесь лет так пятьдесят назад. Лилит впервые обратила внимание на то, что в углах стен, у потолка была паутина.

Бледные пальцы скользнули по лестничным перилам. Она медленно спускалась вниз, и как только её нога ступала на новую ступеньку, девушка шептала имя вампира. Левиафан, стоя на улице, слышал тихий шепот. Он стряхнул с головы снег и бесшумно проскочил на кухню. Усевшись за стол, он ждал, когда Лилит войдет.

– Где ты был? У тебя на волосах снежинки тают. – Тихо спросила Лилит, не смотря ему в глаза.

Ей было стыдно за свое поведение перед ним, перед собой.

– Неважно, где я был, Лилит, неважно. Сейчас имеет значение только твоё решение и мне ... Каким бы оно ни было, мне бы ещё хотелось услышать аргументы к нему. В любом случае, я приму его, – ответил Левиафан, смотря прямо в стену.

Лилит села за стол и посмотрела на унылую погоду за окном. На глаза накатились слезы, но она не плакала, хотя и еле сдерживалась. Она поражалась совершенно безразличному виду Левиафана. Казалось, что он просто рассматривал стену и обдумывал интерьер.

– Ты что, язык проглотила? – сурово спросил вампир и повернул лицо в её сторону.

Лилит посмотрела на него и даже чуть-чуть обрадовалась: вместо безразличия, в его глазах была злость, агрессия, ненависть и ... любовь. Она выдохнула про себя, и всё-таки, предательская слеза потекла из глаза. Левиафан усмехнулся.

– Неужели ты плачешь, милая? – колко спросил он.

Левиафан понял, что бросать его никто не собирается, и тогда, он решил добить её морально. Он всё ещё был очень зол на неё. Лилит не отвечала, она только тихо вытирала слезы и посапывала.

– Ха, – рассмеялся Левиафан, – объясни мне, милая, одну вещь. Если быть честным, я не очень понимаю, когда ты меня вчера оскорбляла, била руками и ногами, бутылкой по голове и всё такое. Тебе ведь не было стыдно, ты не чувствовала стеснения или смущения, не так ли, милая? Так почему ты сейчас сидишь с красным лицом, вся такая смущенная и стыдливая? Почему, как только приходится разбираться в куче навоза, которую, кстати, ты принесла в дом, ты проглатываешь язык? Лилит, я не буду за тебя говорить, не буду извиняться за тебя. На этот раз я хочу, я действительно хочу, выслушать тебя. И либо ты сейчас заговоришь, либо я пойду, погуляю ещё пару дней где-нибудь.

– Нет, не уходи... Когда ты уходишь, у кого-нибудь появляются проблемы, а потом и у нас...а их и так полно. И они такие серьезные, Левиафан, их надо решить, а не уходить гу-

лять. Они складываются друг на друга, как бутерброд. Но ты себе рот порвешь, когда, наконец, соберешься его сожрать, и подавишься. Так что гулять ты пойдешь потом, когда я тебе скажу. Сейчас мы будем решать и разбирать то, что натворили за последние три дня. Ясно? – Лилит надменно посмотрела на хладнокровного вампира.

– Вот как? Интересный ход, Лилит. За одну ночь я превратился из мальчишки для битья в собаку? Сегодня, я значит должен исполнять твои капризы и команды: ко мне, стоять, рядом... Так ты теперь решила со мной обращаться? – улыбался Левиафан. – Милая, тебе принести туфельку, чтобы ты смогла вонзить мне шпильку в голову? – игриво спросил он.

– Не стоит, я и так справлюсь – улыбнулась она ему в ответ.

– Знаешь, что, милая моя Лилит, сходи-ка ты в ванную, приведи себя в порядок. Мы прогуляемся с тобой в кафе. Ты уже три дня ничего не ела, кроме наркотиков и алкоголя, а ты, всё-таки, не вампир, чтобы вечно жить без еды. Иди милая, иди. Не смотри на меня так агрессивно, – Левиафан встал и вышел из кухни.

Они сидели в кафе. Лилит массировала виски, закрыв глаза, Левиафан с интересом рассматривал меню.

– Что ты будешь, дорогая? Я не вижу здесь ничего, что могло бы помочь человеку после наркотиков, – он удивленно округлил глаза, смотря на Лилит.

Лилит закатила глаза и вырвала у него из рук меню. Её

пальцы нервно постукивали по столу.

– Вы готовы сделать заказ? – спросила официантка.

– Салат, сок, и это всё. – Ответила Лилит.

– Нет, не всё! – удивленно вкинул бровями Левиафан, – будьте добры ещё кофе, эспрессо, двойной! – он одарил девушку очаровательной улыбкой.

– С каких это пор ты пьешь кофе? – Лилит нагнулась через стол и прошептала ему вопрос.

– С таких чертовых пор, как влюбился в человека, который, с каких-то непонятных пор, начал есть наркотики! – он злобно улыбнулся ей в ответ.

Лилит отвела глаза в сторону. Перед ней понеслись картины с воспоминаниями.

Ночь первая – ладонь, таблетки, танец, передозировка, страсть, депрессия. Ночь вторая – ложь, Жаклин, клуб, порошок, трубочка, в некотором роде измена, поцелуи с двумя парнями сразу, ударила, потом ещё раз, но уже бутылкой, оскорбления.

«О, черт! Как низко я пала за последние две ночи...сама себя не узнаю... я вела себя отвратительно, просто мерзко. Меня тошнит от самой себя. Но он-то тоже красавец!».

Картины с воспоминаниями о Левиафане так же побежали перед глазами. *«Ночь первая – закрыл в комнате и не разговаривал. Ночь вторая – увез из клуба, из-за него ударилась головой, измена, сделал что-то с Жаклин, что она теперь видеть меня не хочет. Черт, но у него намного меньше оши-*

бок, чем у меня...но зато какие!»

– Милая, ты думаешь что ли? О чём? – на удивление настроение вампира было чрезмерно ядовитым.

Каждой фразой он пытался задеть её чувства. Ему было больно, он чувствовал долю предательства. И как ожидалось, это сделала любимая женщина! В ней было что-то не человеческое.

Левиафан только начал понимать, насколько Лилит была жестока и бессердечна. Ни в одной женщине он не встречал столько злости, ненависти и мести. Было ещё одно существо с такими же качествами, как и у Лилит, которое Левиафан знал – это был он сам. Если бы у них было достаточно желания и сил, они могли бы разрушить весь мир за одну неделю. Они вдвоём могли бы завоевать весь мир, перебив всё население земли за очень короткий срок, совершенно безжалостно. Но они никак не могли ужиться вдвоем, хотя и очень пытались.

«Так, что же притягивается лучше – противоположности или одинаковые люди? Такие разноплановые как Мормо и Локи, ну так у них вообще всё плохо закончилось. А у нас, у одинаковых, всё плохо даже началось, а уж как закончится – неизвестно даже дьяволу», подумал Левиафан.

– Я не думаю, я вспоминаю последние три дня. Я вспомнила все твои ошибки и свои. Я же не могу быть одна виновата во всех грехах мира. Ты не можешь винить только меня, ты и сам дров наломал не мало. Так чего ты сейчас от меня

ждешь?

Левиафан склонил голову и улыбнулся. Он поднял на неё свои красивые, бездонные, черные глаза и посмотрел исподлобья. В глазах блеснул огонек.

– К твоему гадкому характеру и всем его не менее гадким чертам, я смело могу приписать ещё и мелочность. Это ж надо, десять минут сидеть и вспоминать, что я тебе сделал. Лилит, а ты вспомнила, что всё, что я сделал – это твоя вина. Если бы не наркотики, ничего бы этого не было. Твои поступки вынудили меня сделать то, что было сделано, твои, Лилит! Это полностью твоя вина! Не я тебе насильно впихивал оживляющие таблетки, не я тебя бутылкой по голове бил, и не я заставлял тебя обжиматься с двумя мужиками. Неужели ты хочешь, чтобы я ещё и извинился? – он продолжал улыбаться, горько и безнадежно.

– За некоторые поступки – не помешало бы! – хмуро ответила Лилит.

Черствая рука, внутри неё, как будто сжимала ребра и держала за горло, не давая ей дышать от одной только мысли, что она должна извиниться. Видимо, слова «прости» или «извини» вызывали у Лилит очень сильную аллергическую реакцию в виде анафилактического шока.

– Нет, милая, так не пойдет! Я вижу, что ты испытываешь чувство вины, оно тебя гложет! А твоя гордость мешает тебе произнести слова сожаления. Я не могу извиниться первым, я бы смог это сделать вторым, и то, только из уважения к те-

бе, милая. Но дело в том, Лилит, что я-то не чувствую никакой вины, и меня не мучает совесть, а тебя мучает. Так за что мне извиняться? За то, что ты превратилась в жалкую и убогую наркоманку? Или за то, что ты вела себя как бесплатная шлюха? – он нахмурил брови и внимательно посмотрел на неё.

– Иди ты к черту! – она встала и ушла.

Левиафан опустил глаза и уставился на тлеющую сигарету. Затем бросил взгляд на удаляющуюся фигуру. Он вздохнул, закрыл лицо руками и попытался отключить голову.

32

Лилит пришла к своему дому с полным пакетом алкоголя. Она открыла дверь и вошла в коридор узкий, по сравнению с коридором Левиафана. С ног слетели сапоги, рядом упало пальто. Лилит прошла на кухню и села за уже забытый стол.

– Опять я одна...без него. Опять мне плохо... – прошептала она в пустоту.

Ей никто не ответил, даже эхо не вторило ей.

Лилит вытащила из пакета бутылку шампанского и снова села за стол.

Пробка вылетела в потолок, отрекошетила в стол, а затем упала на пол. Лилит подняла бокал, чокаясь с пустотой, и произнесла:

– За Прошрое! – она выпила его залпом и тут же налила

второй.

– За дуру Лилит, которая не может извиниться, зная, что была не права! – шампанское из второго бокала потекло по её горлу, слегка обжигая его изнутри.

В третьем бокале пузырьки зашипели.

– За единственную и настоящую любовь, которая когда-либо была у меня и за её утрату! Из-за меня утраченную!

Лилит провожала свое прошлое в алкогольное забытие, пока не поняла, что ей срочно надо прилечь. Перебравшись в комнату, девушка грохнулась на кровать, закрыла глаза и тут же провалилась в естественный сон.

Левиафан без проблем проник в квартиру, подошёл к спящей девушке и присел на корточки. Его рука гладила её по лбу. Он тяжело усмехнулся и погладил её по щеке.

– Если ты думаешь, что я приду к тебе и извинюсь, то ты зря тратишь силы на эти мысли! Я не приду, Лилит! Ты меня не увидишь до тех пор, пока сама не захочешь увидеть. А я уверен, что ты захочешь! Но тебе придется для этого прийти первой. Я даже не привезу тебе твои вещи, если они тебе очень понадобятся, тебе придется сломать свою гордость и позвонить, попросить меня об этом.

Он нежно поцеловал ее в щеку, еще раз окинул взглядом спящую и вышел, ни оставив и следа, ни намека на свое мимолетное присутствие.

Спустя неделю, Лилит так же продолжала сидеть на кухне, горевать и тосковать, обвинять себя во всех смертных

грехах. Слезы все никак не заканчивались, самопожирание ворвалось в разгар пиршества. Она никому не звонила, не писала. Ей никто не был нужен, кроме одного человека. Но еще, помимо многотонной скорби присутствовала и злость. Лилит злилась на любимого.

Но было и еще кое-что, что заставило ее вспомнить еще об одном человеке – это заканчивающиеся деньги.

Бабушка ей уже в течение месяца ничего не высылала. А у Лилит никого не было кроме нее и Левиафана. Хотя, ей уже казалось, что и его уже больше нет...из-за неё, из-за глупой ошибки.

А он всего лишь пытался её воспитать: игнорированием и безразличием. Он старался показать ей то, что он чувствует, когда его любимая женщина не понимает его, не понимает ответственности за свои поступки и не хочет расплачиваться за них.

Лилит чувствовала несравнимую ни с чем тягу к вампиру, но она сама терзала себе душу. Человеку свойственно любить, но у него, к сожалению, полно ещё других разных эмоций, ощущений, которые мешают любви.

Люди могут не верить в любовь, могут ненавидеть её, потому, что когда-то она сыграла с ними злую шутку. Люди могут презирать любовь, могут убивать её. Люди могут сделать с любовью всё, что угодно. Но единственное, что они не могут с ней сделать, так это любить её саму, потому что это мучительно больно. Только идиоты могут думать, что любовь

не причиняет страданий. Любить – это всегда больно, досадно и обидно. Объект, которого любят, всё равно причиняет разочарование, которое потом разрывает сердце,...даже если чувства взаимны.

Для человека невозможно жить чужой жизнью, жизнью любимого человека. Он готов простить, забыть, сделать вид, что ничего не замечает,...но жить чужой жизнью – никогда! Человек, по мимо всех чувств, которые он испытывает к другому, ещё и очень любит себя. Порой, кажется, что истинная любовь, настоящая – это любовь человека к самому себе. Вот так должен любить один другого. Но это тоже самое, что и любить сразу двоих. Такого в природе не бывает. К сожалению, любви хватает только к одному человеку, и так как ему, всё-таки, своя шкура дороже, большая часть любви уходит на себя любимого.

Люди только в песнях, в книгах и в фильмах готовы сердце себе через задний проход достать, даже без анестезии, ради любимого человека. А что в реальности? Таких людей единицы из миллиардов. И эти единицы мрут, как мухи, потому что настолько самоотверженны, что всё-таки достают свои сердца ради человека, преодолевая несколько метров кишечника. Ну и как запланировано в природе, второй человек этого не ценит.

А что потом делать бедолаге с торчащим из попы сердцем? Назад его уже не засунешь, потому что все силы ушли на то, чтобы его вытащить оттуда. А если попросить того, лю-

бимого, ради которого это было сделано, то он, скорее всего не захочет пачкать руки в крови. Так и приходится несчастному существовать в таком виде. И это намного больнее, чем был бы там просто геморрой.

А кто его потом полюбит с таким недостатком? Любить человека и все его недостатки – тоже истинная любовь? Ошибка людей в том, что сначала они видят только эталон своих мечтаний, они видят то, что хотят видеть. А потом, внезапно, откуда ни возмись, появляются всякие так называемые недостатки, сердца, торчащие из ануса, например. Нюанс только в том, что этого никто не хотел видеть с самого начала, а полюбить это потом – великое дело!

Изъяны обычно никто не хочет любить. Зачем их любить, когда в них можно потыкать, лишний раз показать человеку его место в жизни другого. Дефекты приносят разочарования, а это бьет любви по голове. Единственные кто может любить и человека и все его недостатки в придачу, так это только родители, и те не всегда справляются. Остальным же приходится закрывать на это глаза, а не любить, и то, это при том, что если у человека количество хороших качеств превышает количество недостатков.

Лилит видела кучу недостатков в Левиафане, так же как и он в ней. Но разве не это ли их сближает? У них обоих, напрочь отсутствуют хорошие качества, единственное, что у них есть хорошее, так это любовь, и то, Левиафан не считал любовь хорошей штукой. Но эта любовь, она такая слабая,

изнеможенная и избитая, потому что одна не верит, а второй боится. И они оба терзают эту, уже и без того истерзанную, любовь. И она взамен дает им то, что они уже имеют.

Отнесись они к ней по-другому, может быть было бы лучше. Но им хочется играть с ней. Игра – это что-то нереальное, искусственное, только вот чувства: злость и обида, гордость и непоколебимость собственного «Я» – очень даже реальны.

Лилит размышляла о своём предательстве: она целовалась и обнималась с другими. Но её мучал вопрос, а было ли это предательством? Предательство – это подрыв самого важного чувства в любых отношения между людьми – доверия. Она не могла понять, точно ли она сломала эту нить веры к себе. Левиафан ведь был в этом клубе, он следил за ней. Для Лилит это значило только одно – доверия не было изначально. По сути, она не могла его предать без доверия. Но факт того, что он услышал её ложь, был упущен из логической цепочки Лилит. Она не знала об этом. Но всё равно, её разум тщательно искал оправдание совершенным поступкам.

Оправдание – жалкая попытка внушить обиженному человеку свою невиновность. Ничтожная уверенность в себе, «это случайно» или что-нибудь в этом духе, – но самосознание так трудно обмануть. Нужно быть первоклассным гипнотизером, чтобы обхитрить самого себя. Лилит не была такой. Каждый раз, как только очередное оправдание её дей-

ствий появлялось в голове, самосознание тут же разбивало его вдребезги, вместе со всеми фактами. С огромным ужасом, в сердце и голове, она всё больше понимала, что она была не права. Её выходка была совсем уже не шуточной, она действительно была очень серьезной.

Единственный враг, борец, который ну никак не хотел соглашаться с решением позвонить и извиниться – это была гордость. А как бороться со столь сильным соперником? Очень легко сказать «переступи через себя», но сделать это практически невозможно. Гордыня – чувство, не имеющее права на существование в данной ситуации. Но как, как объяснить это самому себе? Как доказать себе, что ты не прав, когда вся сущность трубит обратное? Провести глубокий внутренний диалог с самим собой – бесполезный трюк. Собственное «Я» всё равно переспорит. Непомерная любовь к своим достоинствам, считающая, что они были оскорблены – страшно чувствовать это и понимать. Лилит хотела так понимать и чувствовать, но она знала, что это была очередная самозабвенная ложь.

Внутри её разума разразилась такая война, что Лилит практически не могла терпеть всё это, ведь она знала, почему Левиафан так себя повел. Он должен был заставить её прийти первой. Но не просто прийти, а осознано, поняв всю гадость своих поступков. Этот жутко надоедливый диалог, внутри себя, девушка пыталась глушить.

Левиафан каждую ночь приходил к ней, когда она спала.

Он беспокоился, боялся, не доверял и следил. Каждую ночь, его ногти продирали кожу на ладонях, от того, что он видел. С каждой следующей ночью, он всё больше начинал чувствовать вину. Каждую ночь, его рука тянулась к её лицу и останавливалась в полу-сантиметре, и бесчувственно опускалась вниз. Каждую ночь, он хотел обнять её, прижать к себе и сказать: «Милая, давай забудем!» Но нет! Цель оправдывает средства.

Он был твердо намерен не показываться ей до тех пор, пока она сама не придет и не извинится. Окно, оставленное открытым на ночь зимой, говорило ему об обратном. Он ждал её, а Лилит ждала его.

Никто не хотел уступать друг другу.

Мормо Левиафан запомнил как самого близкого и лучшего друга, но его слова он уже не помнил. Может он и хотел их помнить, но не мог, слишком он был зол и обижен на любимую девушку. Они оба погибали друг без друга, медленно и мучительно, но переступить через себя, дано не каждому.

– Алло, бабушка! – позвала Лилит в трубку.

– Здравствуйте! – ответил совершенно незнакомый мужской голос.

– С кем я говорю? – спросила Лилит.

– Сторож, мадемуазель. Я слежу за этой квартирой уже месяц! – ответил голос.

Лилит вздрогнула, на лице изобразилась скорбь.

– Почему... что случилось с хозяйкой квартиры? – тихим

голосом спросила Лилит.

– Хозяйка уже как месяц умерла, а я слежу за имуществом до появления наследников, Вас, как я понимаю. Вы...

– Я Вам... потом... перезвоню – Лилит положила трубку и уставилась прямо перед собой.

У неё был шок и она чувствовала себя опустошенной.

– Боже ты мой! Милая моя старушка, я совсем про тебя забыла... как я могла? – слезы брызнули из глаз.

Лилит схватилась за голову и уткнулась в колени. Её рыдания разорвали бы душу любому, кто её услышал. И Левиафан её слышал, и боролся с собой, чтобы не побежать к ней...

– Как же я ненавижу себя! Бабушка, милая моя, любимая бабушка! Я даже не позвонила тебе ни разу за последние два месяца, потому что была слишком занята Левиафаном. Мне нет прощения! Он прав, я настолько бессердечная, что ни разу не позвонила старому человеку, единственному родному и близкому мне, не спросила как её здоровье. Старенькая бабушка, она была совсем одна... что б я сама отправилась к ней за такое отношение! Я потеряла единственную опору! Я так виновата перед тобою, бабушка! Что мне делать теперь, как мне жить дальше? Вы покинули меня, все вы, мама, папа, ты, Жаклин и Левиафан. Вы все мертвы! А я вас так сильно любила! И это так больно, это просто так не пройдет и не забудется, эту боль нельзя перешагнуть или перепрыгнуть и пойти дальше со спокойной душой. Мне придется прочув-

ствовать всё, чтобы появились шансы жить дальше. Бабушка, милая моя, но я не хочу жить дальше, понимая, что тебя больше нет. Это так тяжело даже звучит – жить дальше. Где мне найти эти силы, чтобы существовать, чтобы ты меня простила? Как, как пережить, то, что я так поздно узнала? Меня уже жрет чувство вины, оно просто отрывает от меня части, закидывает в рот и жуёт, так противно и надменно. А я чувствую эти оторванные части, как острые зубы вины режут их и перемалывают, тщательно пережевывая. Это моя вина, моя! Если бы я позвонила, если бы я не забыла о тебе, я успела бы быть рядом с тобой в столь трудный час! То, что я сейчас испытываю, бабушка, это не стыд, это намного хуже, я даже не знаю как это назвать. Бесчестье, позор, срам и безнравственность – всё в одном флаконе и всё это внутри меня. А ведь ты не это пыталась вырастить во мне... я твой позор. Как же мне совестно за то, что я ничего не сделала, только развлекалась. И прощения не могу вымолить, потому что тебя больше нет, разве что у твоей души, но простит ли она меня? Господи, месяц назад...целых тридцать дней я жила и ни о чем не заботилась, а должна была кое о ком позаботиться! «Некому даже стакан воды подать» – прости меня бабушка, что эта поговорка оказалась про тебя, я никогда не думала, что так произойдет...Меня все оставили...я заслужила это! Но бабушка, она точно не заслуживала остаться одной в такой момент. Я виновата в этом! – Лилит рыдала, она захлебывалась слезами.

В тот момент ей так не хватало Левиафана или Жаклин. Но их не было рядом. И она не могла им позвонить. Лилит была уверена, что бывшая подруга просто отвернется от неё, ещё и скажет мало тебе. Левиафан... а что Левиафан? Пока она не извинится, он будет её игнорировать, и Лилит с ужасом понимала это.

«Какая же она странная. Она убила Мормо, собственными руками, и не чувствовала никакой вины. Бабушка, которая умерла сама, от старости, вызывает у неё такое горе...», Левиафан как всегда был рядом, только вот Лилит этого не ощущала.

Она залезла в ванную и закрылась шторкой. Струйки горячей воды были направлены на лицо. Ей хотелось утопиться. Но спасательный вопрос «а что это изменит?» был припасен в подсознание на такие вот случаи.

Лилит продолжала плакать. В её голове постоянно кружились просьбы к Левиафану, чтобы он пришёл. Пусть он ничего не стал бы ей говорить, пусть бы не дотрагивался до неё и не стал бы смотреть в её сторону, но чтобы он хотя бы посидел рядом. Лилит была даже согласна не видеть его, лишь бы только чувствовать, что она не одна. Но произносить эти мысли вслух девушка так и не решалась. Она ударила кулаком по стенке, уткнулась в колени и снова зарыдала.

Левиафан не сумел пока натренировать свою бессердечность и ему тоже было плохо. Он слушал всё это, он чувствовал и понимал, какого ей сейчас. Его сердце сжималось от

тоски, а эго кричало: «Нет, нет! Не поступай со мной так! Как ты можешь переступить через меня? Я – это ты! Ты идешь сам себе по голове!» Но Левиафан наступил огромной ногой на эго, с бессильем в глазах, растоптал его.

– Лилит... – прошептал нежный мужской голос за шторкой.

Она вздрогнула и отдернула препятствие, мешающее увидеть ей того, кого она уже неделю хотела увидеть, услышать и почувствовать. Левиафан сидел на полу, опираясь на стенку, его глаза были полны тоски. У него тоже был траур – он убил свое эго, чтобы прийти к возлюбленной.

– Не может быть... – нижняя губа задрожала, она её закусил, и из глаз снова брызнули слезы, – ты пришёл! Ты здесь! Как же мне тебя не хватало!

Лилит кинулась к нему в объятия, крепко прижимая его к себе. На мгновение ей стало так хорошо. Он вяло приобнял её, потом положил ей руку на щеку и посмотрел в её неживые глаза.

– Я не смог, Лилит, не смог бросить тебя одну в таком состоянии. Я не мог больше слушать то, что ты говорила, то, как ты рыдала. В какой-то момент мне показалось, что ты без поддержки погибнешь...

– Кого тут поддерживать? Это всё я! Я должна была позвонить, съездить к ней!

– Лилит, послушай меня. Здесь нет ничьей вины, ни твоей, ни её. Просто пришло время. Твой приезд или звонок,

ничего бы не изменил. Она умирала бы у тебя на руках, или ты бы слушала из трубки слабеющий голос, из которого уходит жизнь. Поверь мне, это было бы отнюдь не лучшим вариантом.

– Но она даже сама не позвонила, наверное, потому что была обиженна на меня, или просто уже не могла встать и дойти до телефона. Вдруг это была мучительная, и уж действительно, одинокая смерть! А в этом виновата только я!

– Милая моя, я тебе могу сказать точно, что неважно какая смерть, одинокая или тебя кто-то за руку будет держать в это время, всё равно, умирать страшно и не хочется. А когда умирает старый человек, проживший долгую, насыщенную жизнь, ему может и не надо, чтобы его внуки запоминали картину, художник которой – Смерть. Они хотят, чтобы у детей оставались только светлые образы и воспоминания о них. Поэтому она тебе не позвонила. Умирать, лежа одному в постели, конечно, страшно, но когда ты уже понимаешь, что это всё, конец, какая разница, кто с тобой будет рядом. Я имею в виду, что принимать смерть одному или чтобы тебя кто-то держал за руку в такой момент. Тем более старые люди, они боятся костлявой руки, так же как и все. Но в глубине души, они устают быть больными, старыми и скрюченным. Старость – это всегда болезни, чувство ненужности, тяжесть в жизни, чувство того, что ты отягощаешь своих же детей. А от всего этого есть только одно лекарство – смерть. В глубине души, они ждут тетку с косой, они ждут её не как убийцу,

а как спасителя. Лилит, это правда. Очень тяжело прожить столько лет и хотеть жить дальше. Организм стареет, быстро изнашивается, мозги совсем уже не молодые, появляются признаки какого-то безумия, и у каждого оно своё. Я вечно молодой, у меня редко что-то болит, мне ничего не нужно, и то, я устал жить. Не зря я тебе говорил о вечности – это очень страшно. Старики, тело не гнется, внутри всё болит, постоянные головные боли, дряблые мышцы...а они помнят себя молодыми. Им очень тяжело в таком возрасте. Даже если ты придешь к ней, будешь вести всё хозяйство, ей всё равно будет больно внутри. И тайком, улыбаясь детям и внукам, они ждут свой последний час, последний рассвет и последний вздох. Они сами ждут этого, Лилит, ты ничем бы ей не помогла. Я уверен, что она не хотела отрывать тебя от твоей молодости, не хотела просить тебя сидеть и смотреть на то, как она умирает. В противном случае, она бы позвонила... – Левиафан гладил её по голове, прижимая к себе и пытаясь успокоить.

Он прекрасно понимал, что идти ей было больше не к кому, кроме как к нему, потому что он был единственный любимый для неё человек, который остался рядом с ней. И он не мог позволить себе бросить любимую женщину в такой не легкий для неё час. Он действительно её любил...

На следующий день Лилит встала с жуткой головной болью из-за вчерашней истерики. Левиафана в постели не было. В окно светило яркое солнце, оно было почти весен-

ним. Лилит взглянула на календарь – солнечный февральский день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.